

**Бюллетень
Суда Евразийского
экономического союза
2018 год**

**ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Бюллетень Суда Евразийского экономического союза является печатным изданием и официальным источником опубликования актов Суда, учрежден в соответствии с пунктами 4 и 116 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Электронная версия Бюллетеня Суда размещена на официальном интернет-сайте Суда <http://courteurasian.org/>.

Содержание

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Ж.Н. Баишева 8

Вступительное слово Председателя Суда Евразийского экономического союза Ж.Н. Баишева (на английском языке) 10

Судебные акты Суда Евразийского экономического союза

Постановление Большой коллегии Суда от 17 января 2018 года о прекращении производства по делу по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 года (дело № СЕ-2-1/3-17-БК) 12

Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 17 января 2018 года (дело № СЕ-2-1/3-17-БК) 15

Особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н. от 17 января 2018 года (дело № СЕ-2-1/3-17-БК) 29

Резюме 35

Summary 37

Постановление Большой коллегии Суда от 14 мая 2018 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (дело № СЕ-2-1/2-18-БК) 39

Консультативное заключение Большой коллегии Суда от 10 июля 2018 года по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (дело № СЕ-2-1/2-18-БК) 42

Резюме 49

Summary 52

Постановление Большой коллегии Суда от 14 мая 2018 года о принятии к производству заявления Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года (дело № СЕ-2-1/3-18-БК)	55
Консультативное заключение Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 15 октября 2018 года по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года (дело № СЕ-2-1/3-18-БК)	59
Особое мнение судьи Чайки К.Л. от 15 октября 2018 года (дело № СЕ-2-1/3-18-БК)	73
Резюме	93
Summary	96
Постановление Коллегии Суда от 7 июня 2018 года по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (дело № СЕ-1-2/4-18-КС)	99
Решение Коллегии Суда от 11 октября 2018 года по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к Евразийской экономической комиссии о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, вызвавшегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, не соответствующим Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (дело № СЕ-1-2/4-18-КС)	103
Особое мнение судьи Баишева Ж.Н. от 11 октября 2018 года (дело № СЕ-1-2/4-18-КС)	117

Резюме	128
Summary	131
Постановление Большой коллегии Суда от 16 июля 2018 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (дело № СЕ-2-2/5-18-БК)	137
Консультативное заключение от 7 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (дело № СЕ-2-2/5-18-БК)	
Резюме	149
Summary	152
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 17 сентября 2018 года об отказе в принятии к производству заявления закрытого акционерного общества Торговая компания «Яршинторг» (г. Ярославль, Российская Федерация) об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии (дело № СЕ-3/1-18-КС)	155
Резюме	158
Summary	159
Постановление Большой коллегии Суда от 17 сентября 2018 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (дело № СЕ-2-2/6-18-БК)	160
Консультативное заключение от 17 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (дело № СЕ-2-2/6-18-БК)	165

Резюме	174
Summary	177
Постановление Большой коллегии Суда от 24 сентября 2018 года о принятии к производству заявления Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (дело № СЕ-2-2/7-18-БК)	180
Консультативное заключение от 20 декабря 2018 года по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (дело № СЕ-2-2/7-18-БК)	184
Особое мнение судьи А.А.Федорцова от 20 декабря 2018 года (дело № СЕ-2-2/7-18-БК)	195
Особое мнение судьи К.Л.Чайки от 22 декабря 2018 года (дело № СЕ-2-2/7-18-БК)	199
Резюме	210
Summary	213
Постановление Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 8 октября 2018г. о принятии к производству заявления закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» в части признания Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (дело № СЕ-2-2/8-18-БК)	216

Решение Коллегии Суда от 21 декабря 2018 года по делу по заявлению закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза. (дело № СЕ-2-2/8-18-БК)	220
Особое мнение судьи Т.Н.Нешатаевой от 21 декабря 2018 года (дело № СЕ-2-2/8-18-БК)	234
Резюме	236
Summary	238
Редакционный совет бюллетеня Суда Евразийского экономического союза 2018 год	240
Редакционная коллегия бюллетеня Суда Евразийского экономического союза 2018 год	241

Ж. Н. БАИШЕВ
Председатель Суда
Евразийского экономического
союза

Уважаемые коллеги и читатели!

Рад представить вашему вниманию очередной выпуск Бюллетеня Суда Евразийского экономического союза. Анализ работы Суда показывает, что основной тенденцией прошедшего года стал общий рост числа заявлений о разъяснении со стороны Евразийской экономической комиссии. В 2018 году Суд рассмотрел три таких заявления, что больше чем за весь предыдущий период. Данные заявления касались таких вопросов как реализация Комиссией полномочий по пресечению нарушений общих правил конкуренции, выраженных в координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов; осуществление трудовой деятельности профессиональными спортсменами и назначение пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам органов Союза. Рассмотрение данной категории дел способствует реализации Судом задачи обеспечения единообразного применения права Союза и открывает новую страницу во взаимоотношениях между Комиссией и Судом как органами интеграционного объединения. Значительное количество рассмотренных Судом заявлений о разъяснении положений права Союза свидетельствует о высокой эффективности данного механизма и укреплении доверия государств-членов и Комиссии к Суду.

Прошедший год был также отмечен успехами в развитии Судом Евразийского экономического союза международного сотрудничества с Советом Европы, Всемирной торговой организацией, Судом Европейского союза и международными административными трибуналами. Представляется, что обмен опытом и лучшими практиками между международными

судебными органами и организациями является важным инструментом преодоления фрагментации международного права и будет способствовать росту информированности об интеграционных процессах в Евразии.

Проведение Судом 18-19 октября 2018 года международной конференции «Международное правосудие и укрепление интеграционных процессов» дало возможность обменяться мнениями с представителями научного сообщества и практикующими юристами по актуальным вопросам международного правосудия, а также обсудить приоритетные направления совершенствования деятельности Суда и развития права Евразийского экономического союза.

Надеюсь, что материалы, размещённые в Бюллетене Суда, будут востребованы не только юристами-правоведами, но заинтересуют всех, кто анализирует развитие и применение права Союза, многообразии интеграции.

*С уважением,
Председатель Суда ЕАЭС*

Ж.Н. Баишев

Dear colleagues and readers!

We are glad to present you the latest issue of the Bulletin of the Court of the Eurasian Economic Union. The analysis of the work of the Court shows that the main trend of the past year was an increase in the number of requests for clarification from the Eurasian Economic Commission. In 2018 the Court examined three cases based on these requests, which is more than during the entire previous period. These requests dealt with such issues as the exercise by the Commission of its powers to stop violations of the general rules of competition taking place in the form of coordination of the business activities of economic entities; the employment of professional athletes and the award of a long service pension to the officials and employees of the Bodies of the Union. This category of cases allows the Court to ensure the uniform application of the Union law, and opens a new page in the relationship between the Commission and the Court as bodies of an integration union. A significant number of requests for clarification of the provisions of the Union law considered by the Court reflect the high efficiency of this mechanism and an increasing trust of the Member States and the Commission in the Court.

For the Eurasian Economic Union Court the year has also been marked by the development of international cooperation with the Council of Europe, the World Trade Organization, the Court of Justice of the European Union and international administrative tribunals. I believe that sharing experience and best practices between international judicial bodies and organisations could be an important tool in overcoming the fragmentation of international law and will help to increase international awareness of the integration processes in Eurasia.

The International Conference «International Justice and the Enhancement of Integration Processes» held by the Court on October 18-19, 2018 provided an opportunity to exchange views with the representatives of the scientific community and legal practitioners on topical issues of international justice, as well as to discuss the main priorities for the improvement of the functioning of the Court and the development of the Eurasian Economic Union law.

We hope that the materials presented in the Bulletin of the Court will be used not only by the lawyers and legal practitioners, but will be of interest to all those who analyse the development and application of the Union law, the diversity of integration.

Yours faithfully,

President of the Court of the Eurasian Economic Union

Zholymbet N. Baishev

**СУДЕБНЫЕ АКТЫ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 января 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Чайки К.Л., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., при секретаре судебного заседания Чеченовой Н.С.,

рассмотрев в открытом судебном заседании ходатайство Министерства национальной экономики Республики Казахстан об отзыве заявления о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

16 ноября 2017 года заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан принято к производству.

В заявлении Министерство национальной экономики Республики Казахстан (далее – Министерство национальной экономики, заявитель) просило Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) дать разъяснение Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (далее – Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин), являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе).

Из заявления Министерства национальной экономики следует, что на основании статьи 372 Таможенного кодекса Таможенного союза органами государственных доходов Республики Казахстан ввозные таможенные пошлины, взимаемые при таможенном декларировании товаров в рамках контрактов на недропользование, не распределяются между государствами – членами Союза.

В силу статьи 372 Таможенного кодекса Таможенного союза к правоотношениям, возникшим в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) в Республике Казахстан и Российской Федерации до вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза и возникающим

после его вступления в силу, применяется соответственно таможенное законодательство Республики Казахстан и таможенное законодательство Российской Федерации, в соответствии с которыми действуют контракты, а в части, не урегулированной таможенным законодательством, – положения Таможенного кодекса Таможенного союза.

Как указал заявитель, большинство контрактов на недропользование в углеводородном секторе Республики Казахстан заключено до вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза, многие из которых содержат условие о применении норм таможенного и налогового законодательства Республики Казахстан, действовавшего с 1995 по 1999 годы, в котором отсутствовала правовая норма о распределении ввозных таможенных пошлин.

Заявитель указал, что с даты вступления в силу Договора о Союзе пунктом 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин между государствами-членами определен порядок зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года.

На основании изложенного Министерство национальной экономики просило Суд разъяснить:

– распространяются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин на контракты на недропользование, заключенные до 1 сентября 2010 года, в которых содержится условие о сохранении таможенной и налоговой стабильности, и не применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза;

– являются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин частью таможенного законодательства.

17 января 2018 года в Суд по дипломатическим каналам поступило ходатайство Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 16 января 2018 года №19-3/23-И об отзыве заявления о разъяснении.

В соответствии со статьей 76 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года, заявитель вправе отозвать заявление о разъяснении в любое время до принятия Судом консультативного заключения. Отзыв заявления о разъяснении является основанием для прекращения Судом производства по делу о разъяснении в срок, не превышающий 5 календарных дней со дня получения письменного уведомления об отзыве заявления о разъяснении.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 76, 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Ходатайство Министерства национальной экономики Республики Казахстан об отзыве заявления о разъяснении удовлетворить.

Прекратить производство по делу по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

3. Копию постановления направить заявителю.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик

К.Л. Чайка

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

О С О Б О Е М Н Е Н И Е
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-2-1/3-17-БК)

город Минск

17 января 2018 года

1. 17 января 2018 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза вынесено постановление о прекращении производства по делу по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан (далее – Министерство национальной экономики, заявитель) о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (далее – Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин), являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Исхожу из того, что согласно взаимосвязанному прочтению пункта 1 статьи 79, абзаца 3 пункта 2 статьи 84 Регламента Суда судья Суда Евразийского экономического союза вправе заявлять особое мнение к постановлению о прекращении производства по делу, вынесенному в виде отдельного судебного акта и являющемуся окончательным актом, завершающим рассмотрение дела.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

2. 16 ноября 2017 года заявление Министерства национальной экономики о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин Большой коллегией Суда принято к производству.

Министерство национальной экономики просило Суд разъяснить:

- распространяются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин на контракты на недропользование, заключенные до 1 сентября 2010 года, в которых содержится условие о сохранении таможенной и налоговой стабильности, и не применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза;
- являются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин частью таможенного законодательства.

16 января 2018 года посредством электронной связи в Суд поступила копия ходатайства Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 16 января 2018 года №19-3/23-И об отзыве заявления о разъяснении.

17 января 2018 года в Суд поступила нота посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь о препровождении копии ходатайства Министерства национальной экономики Республики Казахстан от 16 января 2018 года №19-3/23-И.

Учитывая изложенное, прихожу к выводу, что в соответствии со статьей 76 Регламента Суда обязанность по рассмотрению ходатайства об отзыве заявления в пределах пяти календарных дней у Суда возникает только с момента поступления оригинала данного ходатайства, направленного в Суд по дипломатическим каналам.

При таких обстоятельствах, считаю, что, руководствуясь пунктом 49 Статута Суда, статьями 10 и 12 Регламента Суда, Большой коллегии Суда, не следовало прекращать производство по делу по заявлению Министерства национальной экономики, а надлежало оставить копию ходатайства об отзыве ранее направленного заявления о разъяснении без рассмотрения.

Между тем, Суд, прекратив производство по делу о разъяснении, устранился от реализации возложенной на него пунктом 2 Статута Суда функции по обеспечению единообразного применения права Союзом государствами-членами и органами Союза.

Как следует из материалов, представленных Евразийской экономической комиссией, вопросы, поставленные в заявлении, носят не абстрактный характер, а возникли в ходе совместной проверки Комитетом государственного контроля Республики Беларусь, Счетным комитетом по контролю за исполнением республиканского бюджета Республики Казахстан, Счетной палатой Российской Федерации соблюдения норм права Союза в части зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, и до настоящего времени не разрешены. При таких обстоятельствах считаю необходимым изложить позицию по существу дела.

3. Перед ответом на вопросы заявителя полагаю необходимым акцентировать внимание на том, что в связи со вступлением в силу с 1 января 2018 года Таможенного кодекса Евразийского экономического союза в соответствии с пунктом 2 раздела I Приложения № 2 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза Таможенный кодекс Таможенного союза от 27 ноября 2009 года прекратил свое действие. В заявлении о разъяснении поставлен вопрос о реализации Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин применительно к положениям статьи 372 Таможенного кодекса Таможенного союза. Учитывая, что нормы, содержащиеся в статье 372 Таможенного кодекса Таможенного союза, пунктах 1, 2 статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического

союза, единообразно регулируют таможенные правоотношения, описанные в заявлении, за исключением особенностей, изложенных в подпунктах 2 и 3 пункта 2, пункте 3 статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, излагая настоящее особое мнение, исхожу из положений статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и отмечаю, что выводы и правовые позиции, сформулированные в нем применительно к реализации Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин во взаимосвязи с нормой статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, в равной мере относятся к правоотношениям, которые складывались на основании статьи 372 Таможенного кодекса Таможенного союза с момента вступления в силу Договора о Союзе.

В статье 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза с учетом принципа преемственности правового регулирования сохранен подход, изложенный в статье 372 Таможенного кодекса Таможенного союза, согласно которому к правоотношениям, возникшим в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) в Республике Казахстан и Российской Федерации до вступления данного Кодекса в силу и возникающим после его вступления в силу, применяется таможенное законодательство Республики Казахстан и Российской Федерации, в соответствии с которым действуют соответствующие контракты.

4. Как следует из заявления Министерства национальной экономики, суммы ввозных таможенных пошлин, уплаченные в связи с ввозом товаров в рамках контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), заключенных до вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза, не распределяются органами государственных доходов Республики Казахстан между бюджетами государств-членов на том основании, что, по их мнению, Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин является частью таможенного законодательства Таможенного союза, которое, в силу статьи 372 Таможенного кодекса Таможенного союза, не применяется к правоотношениям, возникшим на основании упомянутых контрактов. Соответственно, органы государственных доходов применяют к указанным контрактам действовавшее на момент их заключения таможенное законодательство Республики Казахстан, в котором отсутствовали нормы о распределении сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств-членов.

Исходя из фактических обстоятельств, послуживших причиной обращения Министерства национальной экономики с заявлением о разъяснении, считаю необходимым в первую очередь ответить на вопрос, являются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин частью таможенного законодательства, а с этой целью определить понятие «таможенное регулирование» в праве Союза. При этом

отмечаю, что статья 32 Договора о Союзе и нормы Таможенного кодекса Евразийского экономического союза не используют понятие «таможенное законодательство», а исходят из понятия «таможенное регулирование». В этой связи следует оценить, относится ли Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин к источникам таможенного регулирования в значении права Союза.

4.1. В силу статьи 32 Договора о Союзе единое таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями данного Договора.

Положения статьи 32 Договора о Союзе получили свое отражение в пункте 2 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, согласно которому таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, включая данный Кодекс, и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с Договором о Союзе. Таким образом, в силу указанной нормы акт права Союза относится к числу источников таможенного регулирования в Союзе, если им регулируются таможенные правоотношения.

Грамматическое толкование пункта 1 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза позволяет определить объект таможенных правоотношений в Союзе как урегулированные правом Союза отношения, связанные с перемещением товаров через таможенную границу Союза, их нахождением и использованием на таможенной территории Союза или за её пределами, совершением таможенных операций, связанных с прибытием товаров на таможенную территорию Союза, их убытием с таможенной территории Союза, временным хранением товаров, их таможенным декларированием и выпуском, иных таможенных операций, порядком уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых, компенсационных пошлин и проведением таможенного контроля, а также властные отношения между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и (или) распоряжения товарами на таможенной территории Союза или за её пределами.

Указанное позволяет сделать вывод, что вопросы зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин не входят в сферу регулирования таможенных правоотношений. Уплата ввозных таможенных пошлин является тем юридическим фактом, с наступлением которого прекращаются обязательства участника внешнеэкономической деятельности перед государством в связи с перемещением товаров через таможенную границу Союза, и в отношении уплаченных сумм ввозных таможенных пошлин возникают бюджетные правоотношения государств-членов по их зачислению и распределению.

Исходя из изложенного, нормы права Союза, регулирующие таможенные правоотношения, не регулируют бюджетные отношения государств-членов по зачислению и распределению сумм ввозных таможенных пошлин. Из содержания понятия «таможенные правоотношения» следует, что их субъектами являются таможенные органы государств-членов и лица, реализующие права владения, пользования и распоряжения товарами, перемещаемыми через таможенную границу Таможенного союза.

4.2. Зачисление и распределение ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств-членов определено статьей 26 Договора о Союзе. Пунктом 1 данной статьи установлена императивная норма, предусматривающая, что уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов. Порядок зачисления и распределения указанных пошлин определен Протоколом о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин.

В соответствии с пунктом 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин данный Протокол регулирует порядок зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин между государствами-членами, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года, сумм пеней (процентов), начисленных на суммы ввозных таможенных пошлин в случаях и порядке, предусмотренных в соответствии с регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в связи с перечислением соответствующих сумм в доход бюджетов государств-членов (далее – правоотношения по распределению сумм ввозных таможенных пошлин). Как следует из пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, субъектами данных правоотношений выступают только государства – члены Союза в лице уполномоченных государственных органов, осуществляющих кассовое обслуживание исполнения бюджета этих государств-членов.

Следовательно, правоотношения по зачислению и распределению сумм ввозных таможенных пошлин и таможенные правоотношения характеризуются различным субъектным составом и объектом регулирования.

Изложенное позволяет установить, что вопросы распределения сумм ввозных таможенных пошлин, хотя и связаны с таможенными правоотношениями, но имеют отличную природу и относятся к сфере регулирования финансовых (бюджетных) правоотношений государств – членов Союза.

Учитывая, что Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин распространяет свое действие исключительно на финансовые (бюджетные) правоотношения государств – членов Сою-

за, возникшие после уплаты участниками внешнеэкономической деятельности ввозных таможенных пошлин, считаю, что данный Протокол не является источником таможенного регулирования по смыслу пункта 1 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

4.3. Анализ Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин свидетельствует о том, что, хотя зачисление и распределение сумм ввозных таможенных пошлин осуществляется уполномоченными органами – органами, осуществляющими кассовое обслуживание исполнения бюджета государств-членов, они не обладают какой-либо дискрецией при совершении данных действий. В силу подпункта 5 пункта 3 Положения о Комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе, сфера деятельности по зачислению и распределению ввозных таможенных пошлин отнесена к компетенции Комиссии, что во взаимосвязи со статьей 26 Договора о Союзе и Протоколом о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин свидетельствует о передаче регулирования данных полномочий на наднациональный уровень.

Договор о Союзе не содержит правовых норм, которые бы допускали исключения из порядка зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств – членов Союза, в том числе уплаченных в связи с исполнением в Республике Казахстан контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора). Этот вывод подтверждается императивным методом правового регулирования норм части 1 статьи 26 Договора о Союзе и пункта 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, которые определяют, что ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов.

Считаю, что в отсутствие нормативно установленных в статье 26 Договора о Союзе и в Протоколе о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин исключений из правила о зачислении и распределении между бюджетами государств-членов сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза возникла с 1 сентября 2010 года, все уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов.

Исходя из конституционных норм и установлений государств – членов Союза отмечаю, что Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, являясь приложением к Договору о Союзе, с его вступлением в силу стал частью национальных правовых систем государств-членов и подлежит непосредственному применению. На государствах-членах лежит обязанность по исполнению данного Протокола согласно принятым международно-правовым обязательствам в рамках Союза.

Положения права Союза в части распределения сумм ввозных таможенных пошлин возлагают международно-правовые обязательства на государства-члены, независимо от принятия соответствующих законодательных актов на национальном уровне. Иной подход означал бы, что обязательства, взятые государствами-членами на основании Договора о Союзе, являются не безусловными, а лишь возможными и зависящими от воли государств-членов по включению соответствующих норм в национальное законодательство.

В случае отсутствия во внутригосударственном законодательстве норм о распределении сумм ввозных таможенных пошлин, с введением такого требования Договором о Союзе, подписанным и ратифицированным государством-членом Союза, соответствующие нормы становятся частью правовой системы государства-члена и подлежат непосредственному применению его уполномоченными органами, независимо от наличия или отсутствия национальных актов, направленных на их имплементацию.

Отсутствие в национальном законодательстве норм о распределении сумм ввозных таможенных пошлин между бюджетами государств-членов не является основанием для неисполнения государством-членом своих обязательств по их распределению в рамках статьи 26 Договора о Союзе и Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин исходя из приоритета права Союза.

Вывод о приоритете права Союза согласуется и с пунктом 3 статьи 4 Конституции Республики Казахстан, согласно которой международные договоры, ратифицированные Республикой Казахстан, имеют приоритет перед ее законами. Аналогичные нормы содержались в части 3 статьи 5 Закона Республики Казахстан от 20 июля 1995 г. № 2368 «О таможенном деле в Республике Казахстан» (утратил силу с 1 мая 2003 года) и в пункте 2 статьи 4 Таможенного кодекса Республики Казахстан от 5 апреля 2003 года (утратил силу с 1 июля 2010 года), на которые ссылается заявитель, а также в пункте 1 статьи 3 Кодекса Республики Казахстан «О таможенном деле в Республике Казахстан» от 30 июня 2010 года № 296-IV ЗРК, которыми также предусмотрено, что если международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, установлены иные правила, чем те, которые содержатся в таможенном законодательстве Республики Казахстан, применяются правила указанного договора. Договор о Союзе ратифицирован 14 октября 2014 года Законом Республики Казахстан № 240-V, а, значит, национальное законодательство Республики Казахстан не может противоречить Договору о Союзе, Протоколу о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, положения которых устанавливают международно-правовые обязательства государств-членов по распределению сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых возникла с 1 сентября 2010 года, а также определяют порядок их распределения.

Данный правовой подход также нашел отражение в постановлении Конституционного Совета Республики Казахстан от 11 октября 2000 года «Об официальном толковании норм Конституции Республики Казахстан», которым установлен приоритет международных договоров, ратифицированных Республикой Казахстан, перед ее законами и их непосредственное применение.

На отсутствие у участника международного договора права ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора прямо указано в статье 27 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

5. Для ответа на вопрос заявителя, распространяются ли положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин на контракты в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), заключенные до 1 сентября 2010 года, в которых сохранена таможенная и налоговая стабильность и не применяются ставки Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, следует установить возможность применения государством-членом ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от унифицированных на уровне Союза.

Применение метода исторического толкования и обращение к статье 2 Договора о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 года свидетельствует о том, что формированию Таможенного союза предшествовало установление единого таможенного тарифа, а также порядка зачисления и распределения таможенных пошлин, иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие. По этой причине принятие Соглашения о едином таможенно-тарифном регулировании от 25 января 2008 года, действовавшего до вступления в силу Протокола о едином таможенно-тарифном регулировании, являющегося приложением № 6 к Договору о Союзе (далее – Протокол о едином таможенно-тарифном регулировании), являлось, в соответствии с решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 6 октября 2007 года № 1, одним из этапов формирования договорно-правовой базы таможенного союза.

Учет данных обстоятельств позволяет констатировать, что с формированием Таможенного союза государства-члены приняли на себя международно-правовые обязательства по применению единого таможенно-тарифного регулирования при исчислении ввозных таможенных пошлин, а также по распределению между бюджетами государств-членов соответствующих сумм ввозных таможенных пошлин.

Данный вывод применим и к международно-правовым обязательствам государств – членов Евразийского экономического союза.

Систематический анализ статей 42, 43 и 44 Договора о Союзе свидетельствует о том, что в Союзе осуществляется единое таможенно-тарифное регу-

лирование, в рамках которого применение исключений допускается только в порядке и на условиях, определенных правом Союза.

В силу статей 36, 40, пункта 6 статьи 42, статьи 43 Договора о Союзе, пункта 4 Протокола о едином таможенно-тарифном регулировании, пункта 2 статьи 53 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, пункта 2 решения Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» исчисление таможенных пошлин при ввозе товаров на таможенную территорию Союза по ставкам, отличным от установленных Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза, допускается только в случаях предоставления тарифных преференций в отношении товаров, происходящих из развивающихся стран и (или) наименее развитых стран; в соответствии с международными договорами в рамках Союза или международными договорами Союза с третьей стороной; применения ответных мер в отношении третьей стороны; утверждения Комиссией перечня ставок, отличных от ставок Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, применяемого государством, присоединившимся к Всемирной торговой организации и Союзу, на основании международного договора о присоединении такого государства к Всемирной торговой организации и Союзу; применения тарифных льгот, а также тарифных квот в отношении сельскохозяйственных товаров.

Полагаю, что данный перечень является исчерпывающим и не содержит исключения для товаров, ввозимых на основании контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), заключенных до вступления в силу международного договора, регулирующего таможенные правоотношения в Союзе.

При таких обстоятельствах и учитывая принцип верховенства права Союза следует, что у государства-члена отсутствуют правовые основания для применения в отношении указанных товаров ставок ввозных таможенных пошлин, отличных от установленных Единым таможенным тарифом Евразийского экономического союза.

Вместе с тем, государства-члены в пределах, установленных правом Союза, вправе предоставлять хозяйствующим субъектам льготы и преимущества по уплате ввозных таможенных пошлин, включая ставки, по которым уплачиваются такие пошлины.

6. Поскольку одним из оснований для вывода о возможности не распределять между бюджетами государств-членов суммы ввозных таможенных пошлин в связи с ввозом товаров в рамках контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), является применение органами государственных доходов Республики Казахстан норм права Союза, регулирующих таможенные правоотношения в части переходных положений к правоотно-

шениям, возникшим в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), полагаю, что следует осуществить толкование соответствующих положений права Союза и оценить допустимость их применения к правоотношениям по распределению сумм ввозных таможенных пошлин.

6.1. Основу права Союза как автономной правовой системы интеграционного объединения составляет Договор о Союзе, статьёй 6 которого введено понятие «право Союза» и установлена иерархия входящих в него правовых актов. В соответствии с пунктом 3 указанной статьи в случае возникновения противоречий между международными договорами в рамках Союза и Договором о Союзе последний имеет приоритет.

Определяя место международных договоров в рамках Союза, в том числе регулирующих таможенные правоотношения в его автономной правовой системе, следует, что согласно пункту 1 статьи 99 Договора о Союзе Таможенный кодекс Евразийского экономического союза является международным договором в рамках Союза в значении пункта 1 статьи 6 Договора о Союзе, а, следовательно, в силу пункта 3 указанной статьи в случае возникновения противоречий между ним и Договором о Союзе последний имеет приоритет.

Соответственно, при возникновении противоречий между Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и Протоколом о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, являющимся неотъемлемой частью Договора о Союзе, применению подлежат положения данного Протокола.

6.2. Телеологическое толкование статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза свидетельствует о том, что ее основной целью являлось предоставление хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), на основании контрактов, заключенных до вступления данного Кодекса в силу, гарантий стабильности законодательного регулирования в сфере таможенных правоотношений (прибытия товаров на таможенную территорию Союза, таможенных операций и процедур, выпуска товаров, уплаты таможенных пошлин и других таможенных правоотношений) в течение всего периода действия соответствующих контрактов посредством изъятия данных правоотношений из-под сферы действия права Союза.

Статья 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза призвана регулировать отношения между хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), с одной стороны, и перечисленными в указанной статье государствами – членами Союза, с другой. Данная статья не распространяет свое действие на отношения между государствами – членами Союза и не влияет на международно-правовые обязательства, принятые государствами-членами в отношении друг друга на основании статьи 26 Договора о Союзе. Соответ-

ственно, целью статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза не являлось предоставление каких-либо преимуществ по распределению ввозных таможенных пошлин государствам-членам.

6.3. Определяя сферу действия статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, следует исходить из буквального толкования данной правовой нормы, что ее ключевым элементом являются «правоотношения в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора)», которые могли возникнуть как до вступления в силу Таможенного кодекса, так и после его вступления в силу, но в любом случае на основании контрактов, заключенных до вступления Кодекса в силу.

Указанная норма Таможенного кодекса Евразийского экономического союза не является отступлением от принципа верховенства права Союза, а представляет собой временное, до истечения срока действия соответствующего контракта исключение таможенных правоотношений из регулирования правом Союза.

Считаю необходимым отметить, что будучи исключением из общего правила таможенного регулирования в Союзе, статья 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза должна быть интерпретирована ограничительно. В случае, если перезаключение контракта в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) или продление существующего контракта имело место после вступления Таможенного кодекса в силу, то к таможенным правоотношениям в рамках такого контракта подлежат применению положения Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. Подход об ограничительном толковании исключений из принципов функционирования Союза согласуется с позицией Суда Евразийского экономического союза, изложенной в абзаце 3 пункта 10 консультативного заключения от 30 октября 2017 года по заявлению Комиссии.

6.4. Уяснение статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза свидетельствует о возможности её применения при одновременном выполнении двух условий: соответствующие правоотношения входят в понятие «правоотношения в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора)» и регулируются таможенным законодательством Республики Казахстан или Российской Федерации, действовавшим до вступления в силу международных договоров, регулирующих таможенные правоотношения.

При таких обстоятельствах для того, чтобы определить допустимость применения статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза к распределению сумм ввозных таможенных пошлин, уплаченных в связи с исполнением контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), необходимо установить, входит ли распределение сумм ввозных таможенных пошлин в понятие «правоотношения в сфере недропользо-

вания (топливно-энергетического сектора)» и регулировались ли эти вопросы законодательством Республики Казахстан, действовавшим до формирования Таможенного союза.

Не осуществляя толкование национального законодательства государства-члена, а лишь констатируя наличие соответствующих правовых норм, на основе положений преамбулы, пункта 18 статьи 1, пункта 1 статьи 3, статей 35, 40, 116 – 118 Закона Республики Казахстан от 24 июня 2010 года № 291-IV «О недрах и недропользовании», учитывая, что понятие «топливно-энергетический сектор» использовано в качестве уточнения по отношению к понятию «правоотношения в сфере недропользования», прихожу к выводу, что правоотношения в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) в Республике Казахстан в целях применения статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза следует рассматривать как урегулированные законодательством Республики Казахстан общественные отношения по предоставлению и прекращению права пользования недрами, содержащими энергоносители, государственному геологическому изучению таких недр, разведке и (или) добыче энергоносителей, а также отношения по государственному контролю в области охраны, изучения и использования недр, содержащих энергоносители. Как следует из указанных норм, данные правоотношения носят частно-публичный характер, а их субъектами выступают государство и хозяйствующий субъект – пользователь недр.

Правоотношения по распределению сумм ввозных таможенных пошлин не входят в состав правоотношений в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) в связи с различным содержанием, правовой природой и субъектным составом данных правоотношений.

Относительно второго условия применения статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, со ссылкой на пункт 5 настоящего особого мнения отмечаю, что обязательства по распределению сумм ввозных таможенных пошлин возникли у государств-членов только с момента формирования Таможенного союза.

Изложенное позволяет сформулировать вывод, что к распределению сумм ввозных таможенных пошлин, уплаченных в связи с ввозом товаров во исполнение контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), положения статьи 460 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза не могут быть применены.

6.5. В контексте ответа на вопрос заявителя о распространении положений Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин на контракты в сфере недропользования, заключенные до 1 сентября 2010 года, с учетом вывода о предмете регулирования данного Протокола, сделанного в пункте 4.2 настоящего особого мнения, полагаю, что Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин

не распространяет свое действие на частно-публичные отношения, которые возникают на основании контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), не предоставляет каких-либо прав и не порождает законных интересов у хозяйствующих субъектов. В отличие от положений контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), заключенных между государством и хозяйствующим субъектом – пользователем недр, Протокол о порядке распределения сумм ввозных таможенных пошлин является инструментом регулирования финансовых (бюджетных) отношений между государствами-членами.

Следовательно, положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин не распространяются на контракты в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), независимо от момента их заключения. Вместе с тем, в соответствии с пунктом 1 Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин данный Протокол определяет порядок распределения сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года. Грамматическое толкование данной нормы свидетельствует о том, что для применения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин правовое значение имеет не дата заключения контракта, а момент возникновения обязанности по уплате ввозных таможенных пошлин.

В соответствии с пунктом 1 статьи 91 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза при прибытии товаров на таможенную территорию таможенного союза обязанность по уплате ввозных таможенных пошлин возникает у лица в момент пересечения товарами таможенной границы.

Соответственно, если товар прибыл на таможенную территорию таможенного союза и обязанность по уплате таможенной пошлины возникла 1 сентября 2010 года или после указанной даты, Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин подлежит применению, независимо от даты заключения контракта в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора).

При таких обстоятельствах следует, что положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин распространяются на суммы ввозных таможенных пошлин, уплачиваемых при таможенном декларировании товаров в рамках контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), заключённых до 1 сентября 2010 года, в тех случаях, когда обязанность по уплате сумм таможенных пошлин возникла с 1 сентября 2010 года.

7. Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

7.1. Положения Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин распространяются на все суммы ввозных тамо-

женных пошлин, уплаченных по ставкам Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также сумм пеней (процентов), начисленных на суммы ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза в рамках контрактов в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора), возникла с 1 сентября 2010 года, независимо от даты заключения соответствующих контрактов и наличия в них условий о применении норм таможенного законодательства государства-члена Союза.

7.2. Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин не является источником таможенного регулирования по смыслу статьи 32 Договора о Союзе и пункта 2 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-2-1/3-17-БК)

город Минск

17 января 2018 года

Поддерживаю позицию Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) о необходимости прекращения дела о разьяснении по ходатайству государства, направившего запрос о разьяснении. Не могу согласиться лишь с тем, что любая читаемая форма, сопровождаемая нотой посольства, является надлежащей письменной формой такого ходатайства.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявляю особое мнение по постановлению Большой коллегии Суда Евразийского экономического союза от 17 января 2018 года по делу № СЕ-2-1/3-17-БК.

1. 16 ноября 2017 года Суд своим постановлением принял к рассмотрению заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разьяснении положений Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (приложение № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Протокол), и приступил к работе по делу.

На основании статьи 372 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС) органы государственных доходов Республики Казахстан не распределяют между государствами – членами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) ввозные таможенные пошлины, взимаемые при таможенном декларировании товаров в рамках контрактов на недропользование. Данная обязанность закреплена в статье 26 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Протоколе. Как указывает в своем заявлении Министерство национальной экономики Республики Казахстан (далее – заявитель), основания для проведения такого распределения отсутствуют. То есть, по мнению заявителя, статья 372 ТК ТС изымает контракты на недропользование из-под действия международных договоров в рамках Союза и отсылает к национальному законодательству Республики Казахстан, в котором отсутствуют указания на обязанность по распределению ввозных таможенных пошлин.

Заявителя интересовало, распространяются ли положения Протокола на контракты на недропользование, заключенные до 1 сентября 2010 года.

Согласно статье 26 Договора уплаченные (взысканные) ввозные таможенные пошлины подлежат зачислению и распределению между бюджетами государств-членов, то есть распределению подлежат средства, уже уплаченные хозяйствующим субъектом и поступившие в бюджет государства-члена.

В развитие этого в пункте 1 Протокола указано, что он определяет порядок зачисления и распределения между государствами-членами сумм ввозных таможенных пошлин, обязанность по уплате которых в отношении товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, возникла с 1 сентября 2010 года. Протокол применяется также в отношении сумм пеней (процентов), начисленных на суммы ввозных таможенных пошлин в случаях и порядке, предусмотренных в соответствии с регулирующими таможенные отношения международными договорами и актами, составляющими право Союза.

Во всех случаях момент возникновения обязанности по уплате ввозной таможенной пошлины привязывается к моменту регистрации таможенным органом таможенной декларации либо моменту ввоза товара на таможенную территорию таможенного союза, пересечения товарами таможенной границы.

Таким образом, распределению между бюджетами государств-членов подлежат уже уплаченные хозяйствующими субъектами ввозные таможенные пошлины, обязанность уплаты которых возникла после 1 сентября 2010 года, вне зависимости от даты заключения того или иного контракта на недропользование.

Положения Протокола в полной мере распространяются на все контракты на недропользование, независимо от даты их заключения, так как обязанность зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин возникает с момента поступления такой пошлины в бюджет государства-члена в случае, если обязанность уплаты пошлины возникла после 1 сентября 2010 года, и не зависит от даты заключения какого-либо контракта.

Протокол, являясь частью Договора о Союзе, не регулирует ни таможенные правоотношения, ни иные отношения с участием хозяйствующих субъектов, но направлен на определение обязательств государств-членов в сфере формирования бюджета ЕАЭС.

2. Развернутый ответ Суда с подобными выводами уже был подготовлен и согласован судьями.

Прежде всего, процессуальная тема, которая прозвучала в этом деле, уже однажды была затронута в решении Суда Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕврАзЭС), правовые позиции из решений которого продолжают действовать для Суда ЕАЭС. В решении Суда ЕврАзЭС от 10 июля 2013 года по запросу Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь о применении отдельных положений решений Комиссии Таможенного союза уже было указано, что на той стадии дела, когда Судом проделана большая работа, созданы условия для своевременного решения во-

просов, поставленных перед Судом, когда акт готов, дело завершено, и Суд в тайне совещания обсуждает проект решения и голосует по нему, прекращение процесса невозможно.

Указанное решение восприняло и продолжило общую линию, существующую в международно-правовой практике. Точно так же Суд Европейского союза (далее – Суд ЕС) многие годы решал подобные случаи, когда сторона отзывает свое заявление, уже зная проект решения (учитывая принятую практику его публикации). Суд ЕС запретил отзывать заявления в таких случаях, обосновывая это тем, что суд функционирует на деньги налогоплательщиков и требование прекратить рассмотрение дела, когда суд уже провел всю подготовительную работу и составил проект акта, свидетельствует о неуважении к суду и неэффективно потраченных средствах налогоплательщиков.

Оба этих аргумента полностью применимы к ситуации, которая сложилась в настоящем деле. Причем в отношении Республики Казахстан это происходит уже во второй раз: в деле Суда ЕврАзЭС по запросу Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан о разъяснении положений Соглашения о государственных (муниципальных) закупках от 9 декабря 2010 года была точно такая же ситуация: дело было прекращено, когда уже шло голосование по проекту.

Хочу подчеркнуть, что сегодня описанная выше практика Суда ЕС уже закреплена в виде статутной нормы: согласно пункту 1 статьи 100 Регламента Суда ЕС, Суд ЕС принимает к рассмотрению отзыв заявления, только если он поступил до того, как заинтересованные лица получили сообщение о дате вынесения решения.

В настоящем деле дата заседания по вынесению консультативного заключения – 17 января 2018 года – также была известна заранее.

Кроме того, статья 76 Регламента Суда содержит формулировку следующего рода: Суд выносит постановление о прекращении производства по делу о разъяснении в срок, не превышающий 5 календарных дней со дня получения письменного уведомления об отзыве заявления о разъяснении. То есть дело прекращается, если ходатайство об отзыве заявления о разъяснении в **письменной** форме поступает в Суд до принятия консультативного заключения.

В настоящем деле ходатайство об отзыве заявления о разъяснении поступило в электронной форме и было сопровождено нотой Посольства Республики Казахстан в Республике Беларусь от 17 января 2018 года № 31/37 без подписи, то есть в день, который был объявлен как день заседания по делу в постановлении Суда от 16 ноября 2017 года о принятии заявления о разъяснении к производству.

Суд большинством голосов посчитал, что требования о письменной форме заявления государства-члена, поступившего по дипломатическим каналам (пункт 49 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2

к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда)), было выполнено.

3. Не могу с этим согласиться, так как в международном праве, особенно в отношении судебных процессов, письменной формой считается оригинал документа с подписями, заверенными в определенном порядке.

Полагаю, что Суду следовало разъяснить значение понятия «письменное уведомление об отзыве заявления» для установления возможности расценить письмо Министра национальной экономики Республики Казахстан в качестве поданного надлежащим образом в Суд. В отсутствие определения понятия «письменное уведомление об отзыве заявления» в Регламенте Суда Суду следовало сослаться на пункт 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Согласно «Словарю русского языка» в четырех томах (Малый академический словарь), «письменный» означает «выраженный, осуществляемый средствами письма, написанный». При этом контекст, в рамках которого применяется Регламент Суда, предполагает, что правовое регулирование деятельности других международных судов исходит из того, что направление отсканированной копии процессуального документа в суд не позволяет соблюсти требование о том, что этот документ написан, а затем подан в письменном виде. Понятие «написан» нельзя подменить понятием «прочитан». Писанный текст должен быть заверен подписантом. При этом важно отметить, что критерий письменного оформления какого-либо документа служит скорее установлению действительности соответствующего документа через идентификацию подписи уполномоченного лица.

Так, пункт 3 статьи 38 Регламента Международного суда ООН от 14 апреля 1978 года устанавливает, что оригинал заявления должен быть подписан либо агентом заявителя, либо дипломатическим агентом стороны в стране, в которой находится суд, либо другим уполномоченным лицом. При наличии подписи лица, не являющегося дипломатическим представителем, подпись заверяется дипломатическим представителем или компетентным органом министерства иностранных дел. Иной способ – заверение в соответствии с Гаагской конвенцией, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 года.

Пунктом 1 статьи 57 Регламента Суда ЕС установлено, что оригинал каждого процессуального документа должен иметь рукописную подпись агента или представителя стороны. Пунктом 2 статьи 57 Регламента Суда ЕС установлено, что оригиналы со всеми приложениями подаются в пяти экземплярах с заверением соответствующей подписи. Заверение осуществляется в поряд-

ке требований национального законодательства или вышеуказанной Гаагской конвенции 1961 года.

Следовательно, международное право исходит из того, что надлежащей формой подачи процессуального документа признается направление оригинала соответствующего документа с рукописной подписью и ее заверением.

Современная практика Европейского суда по правам человека исходит из того, что существует возможность электронной подачи документов в данный орган. При этом подача таких документов согласуется с универсальными конвенциями ООН о признании электронных подписей: весь процесс происходит в защищенной процедуре, с заверением подписей лиц, которые подают такие заявления, с оформлением специального «ключа» специалистов, проводящих проверку с целью исключения случаев подачи в суд фальсифицированного документа.

Все указанные требования направлены на устранение технических возможностей фальсификации подписей на документах, подаваемых в суд. Даже очень либеральная Венская конвенция о международной купле-продаже товаров 1980 года, предусматривающая письменную форму с передачей по телеграфу и телеграфу, предполагает заверение подобных документов передающими органами.

Простая передача по каналам электронной связи исключает техническую возможность соблюдения указанных требований.

Ни одно из перечисленных требований в настоящем деле не было соблюдено.

Между тем, согласно пункту 3.1.7. Инструкции по делопроизводству в Суде Евразийского экономического союза, утвержденной приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 11 мая 2015 года № 11, дополнительно поступившие документы по принятым к производству Суда судебным делам, поступившие по электронной, факсимильной и другим видам электрической связи, до поступления в Суд их оригиналов на бумажном носителе носят исключительно информационный характер. Данное правило, хотя и является внутренним правилом Суда, призвано исключить возможность подлога и учета Судом для принятия решений недостоверных копий процессуальных документов, которые могут вызывать подозрения в оригинальности представленной в них информации и исключают возможность проверки. Такое правило было выработано Судом для того, чтобы избежать ситуаций, когда подпись должностного лица сканируется с иного документа и технически присоединяется к любому другому тексту. Ноты посольств, возможно, исключают такую ситуацию только в том случае, когда заверены оригинальной подписью посла, что в данном деле отсутствовало.

Таким образом, Суд может вынести постановление о прекращении производства по делу о разъяснении только после получения оригинала письмен-

ного уведомления об отзыве заявления о разъяснении, подписи на котором заверены в надлежащем порядке.

Уведомления, поступившие в электронной форме, не могут служить основанием для прекращения производства по делу.

Нарушение этого правила может привести к дискредитации работы Суда и бессмысленной трате бюджетных средств Союза.

Иное отношение к понятиям «письменная форма документа» и «дипломатические каналы» не является эффективной формой работы Суда, осуществляющего нормоконтроль, и в конечном итоге дискредитирует Суд.

4. Прекращение дела на данной стадии процесса без строгого соблюдения формальных требований чревато также тем, что нарушаются все принципы судопроизводства: независимость, беспристрастность, самостоятельность суда, отстраненность его от дел государства при рассмотрении спора, поведение его как независимого арбитра. Так, существует опасность, что проекты решений становятся известны заявителям до их официального принятия «по недосмотру» кого-либо в Суде. Представляется, что такой «недосмотр» – это даже не демонстрация неуважения к Суду, нарушение его основ и принципов, а серьезное правонарушение против правосудия. В каждом случае, когда проект решения не устраивает сторону, – дело прекращается. Примерами тому только за последнее время являются дело по заявлению ООО «Производственное предприятие «Ремдизель» (прекращено на последней стадии по ходатайству Евразийской экономической комиссии), дело по заявлению ООО «ТМР импорт» (ходатайство Евразийской экономической комиссии о прекращении дела поступило также на последней стадии процесса), настоящее дело по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Примеров достаточно, хотя случаев прекращения дела после появления согласованной позиции в Суде было больше.

Эти два момента – неуважение к Суду и правонарушительная составляющая в процессе – заставляют думать о том, что Суд должен найти способы борьбы с этим явлением сначала в своей практике, а затем и в качестве предложения по улучшению статутных документов, учитывая, что особую озабоченность толкователя должно вызывать следование четким формулировкам источников международного права, закрепленных в пункте 50 Статута Суда. В соответствии с этим Суду по собственной инициативе следовало объявить перерыв в заседании Суда с указанием срока для представления оригинала ходатайства об отзыве заявления в надлежащей форме.

Судья

Т.Н. Нешатаева

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Министерства национальной экономики Республики Казахстан
№ СЕ-2-1/3-17-БК

Ключевые слова:

О разъяснении положений Договора.

Обязанность по распределению ввозных таможенных пошлин – правоотношения в сфере недропользования (топливно-энергетического комплекса) – применение таможенного законодательства Республики Казахстан.

Протокол о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин (иных пошлин, налогов и сборов, имеющих эквивалентное действие), их перечисления в доход бюджетов государств-членов (Приложение № 5 к Договору) – Таможенный кодекс Таможенного союза.

Отзыв заявления – прекращение производства – особые мнения.

Описание:

Министерство национальной экономики Республики Казахстан обратилось в Суд с заявлением о разъяснении Протокола о порядке зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, являющегося приложением № 5 к Договору о Евразийском экономическом союзе. 16 ноября 2017 года заявление принято Судом к производству.

Из заявления Министерства национальной экономики Республики Казахстан следует, что органы государственных доходов Республики Казахстан не распределяют между государствами – членами Союза ввозные таможенные пошлины, взимаемые при таможенном декларировании товаров в рамках контрактов на недропользование.

Свою позицию заявитель аргументирует тем, что согласно статье 372 Таможенного кодекса Таможенного союза к правоотношениям, возникшим в сфере недропользования (топливно-энергетического сектора) в Республике Казахстан и Российской Федерации до вступления в силу Кодекса и возникающим после его вступления в силу, применяются таможенные законодательства данных государств, в соответствии с которыми действуют соответствующие контракты. В части, не урегулированной национальным законодательством, применяются положения Кодекса.

Как указал заявитель, большинство контрактов на недропользование в углеводородном секторе Республики Казахстан заключены до вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного союза. Многие из них содержат условие о применении норм таможенного и налогового законодательства, дей-

ствовавшего с 1995 по 1999 годы, в котором отсутствовали нормы о распределении ввозных таможенных пошлин.

17 января 2018 года Суд прекратил производство по делу в связи с поступлением ходатайства Министерства национальной экономики Республики Казахстан об отзыве заявления.

К постановлению о прекращении производства приложены особые мнения судей Т.Н. Нешатаевой и К.Л. Чайки.

Case summary
on the explanations based on the application filed by the Ministry of
National Economy of the Republic of Kazakhstan
No.CE-2-1/3-17-БК

Keywords:

Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan.

Clarification of the provisions of the Treaty.

An obligation to distribute the import customs duties – legal relations in the field of subsoil use (fuel and energy complex) – application of the customs legislation of the Republic of Kazakhstan.

Protocol on the procedure of crediting and distribution of import customs duties (other duties, taxes and fees having a similar effect), their transfer to the budgets of the Member States (Appendix 5 to the Treaty) – Customs Code of the Customs Union.

Application cancellation – termination of proceedings – separate opinions.

Substance of the case:

The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan submitted an application to the Court asking to clarify the Protocol on the procedure of crediting and distribution of the amounts of import customs duties, being Appendix 5 to the Treaty on the Eurasian Economic Union. On November 16, 2017 the Court initiated proceedings based on the application.

As it follows from the application submitted by the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, the public revenue bodies of the Republic of Kazakhstan do not distribute the import customs duties, collected on customs declaration of goods under the subsoil use contracts, among the Member States of the Union.

The applicant argues his position by the fact that according to Article 372 of the Customs Code of the Customs Union the relations arising in the field of subsoil use (fuel and energy complex) in the Republic of Kazakhstan and in the Russian Federation - before the Code enters into force and arising after its entry into force - are governed by the customs laws of these countries, in accordance with which the relevant contracts are valid. All matters not covered by the national legislation shall be governed by the provisions of the Code.

According to the applicant, most of the contracts for subsoil use in the hydrocarbon sector of the Republic of Kazakhstan have been concluded before the entry into force of the Customs Code of the Customs Union. Many of them contain a condition on the application of customs and tax legislation in force from 1995 to 1999, in which there were no rules on distribution of import customs duties.

On January 17, 2018 the Court terminated the proceedings due to the petition for application cancellation filed by the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan.

Separate opinions of Judges T.N. Neshataeva and K.L. Chayka are attached to the judgment on termination of proceedings .

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 мая 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г. А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А.К., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Министерство юстиции Республики Беларусь обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) от имени Республики Беларусь (далее – заявитель) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Заявитель ссылается на пункт 1 статьи 6 Договора, согласно которому право Евразийского экономического союза (далее – Союз) составляют: Договор, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Общими переходными положениями, установленными в статье 99 Договора, определен порядок применения международных договоров государств-членов, заключенных в рамках формирования договорно - правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также решений Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и Евразийской экономической комиссии, действующих на дату вступления в силу Договора (пункты 1,2 статьи 99 Договора).

На основании изложенного заявитель просит Суд разъяснить, входят ли решения Комиссии Таможенного союза в понятие «право Союза».

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут

Суда), Суд по заявлению государства-члена Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Пунктом 49 Статута Суда предусмотрено, что обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Нотой от 27 февраля 2015 года № 18-31/4374, поступившей в Суд 2 марта 2015 года (вх. № 5-1-4/34), Министерство иностранных дел Республики Беларусь проинформировало Суд, что в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 30 января 2015 года № 43 «О мерах по реализации Договора о Евразийском экономическом союзе» Министерство юстиции Республики Беларусь определено органом, уполномоченным на обращение от имени Республики Беларусь в Суд с заявлением о рассмотрении спора или с заявлением о разъяснении положений Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Таким образом, Министерство юстиции Республики Беларусь является уполномоченным органом по смыслу пункта 49 Статута Суда и имеет право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении от имени государства-члена в соответствии с пунктом 46 Статута Суда.

В заявлении запрашивается разъяснение статей 6, 99 Договора, что соответствует компетенции Суда по рассмотрению заявлений о разъяснении на основании пункта 46 Статута Суда.

В силу пункта 2 статьи 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда. Согласно подпункту б) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителями государств-членов в Суде могут выступать руководители уполномоченных органов и организаций государств-членов, определенных в соответствии с пунктом 49 Статута Суда.

Заявление подписано министром юстиции Республики Беларусь – руководителем органа, уполномоченного на обращение в Суд в порядке, предусмотренном пунктами 46 и 49 Статута Суда. Таким образом, заявление соответствует требованиям указанных норм Регламента Суда.

Заявление соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда в части указания наименования Суда, положений Договора, по которым требуется разъяснение, сведений о заявителе и даты подачи заявления.

Большая коллегия отмечает, что по вопросу, указанному заявителем, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом ранее не предоставлялось.

Оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда, не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Республики Беларусь о разъяснении Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 9 июля 2017 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Копию постановления направить заявителю.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

10 июля 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Ажибраимовой А.М., судей Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Асаналиевой А. К., заслушав судью-докладчика, исследовав материалы дела, руководствуясь пунктами 46, 47, 49, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Вопрос заявителя

Министерство юстиции Республики Беларусь обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) от имени Республики Беларусь (далее – заявитель) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор, Договор о Союзе).

Заявитель ссылается на пункт 1 статьи 6 Договора, согласно которому право Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) составляют: Договор, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Общими переходными положениями, установленными в статье 99 Договора, определен порядок применения международных договоров государств-членов, заключенных в рамках формирования договорно - правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также решений Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и Евразийской экономической комиссии, действующих на дату вступления в силу Договора (пункты 1, 2 статьи 99 Договора).

На основании изложенного заявитель просит Суд разъяснить, входят ли решения Комиссии таможенного союза в понятие «право Союза».

Компетенция Суда

Юрисдикция Суда в отношении вынесения консультативного заключения по заявлению Республики Беларусь установлена на основании пунктов 46 и 49 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут), постановлением Суда от 14 мая 2018 года о принятии заявления к производству.

Процедура в Суде

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), направлены запросы и получены ответы Евразийской экономической комиссии, министерств юстиции Республики Армения, Республики Беларусь, Российской Федерации, Комитета государственных доходов при Правительстве Республики Армения, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Министерства экономики Кыргызской Республики, Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, Аппарата Конституционного Совета Республики Казахстан, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Института законодательства Министерства юстиции Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Института государства и права Российской академии наук.

Выводы Большой коллегии Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута, Большая коллегия осуществляет разъяснение положений Договора в их системной взаимосвязи между собой на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

При разъяснении международно-правовых норм Большая коллегия, следуя принципу *stare decisis*, основывается на правовых позициях, ранее сформулированных Судом.

1. Большая коллегия полагает, что для ответа заявителю требуется разъяснить такие понятия, как «право Союза», «решение Комиссии таможенного союза».

По мнению Большой коллегии, содержание понятия «право Союза» подлежит разъяснению в контексте рассмотрения системы права, призванной обеспечивать наднациональный характер правового регулирования функционирования Союза.

2. Евразийский экономический союз, согласно пункту 2 статьи 1 Договора, является международной организацией региональной экономической интеграции.

Договор о Союзе представляет собой кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства (далее – ТС и ЕЭП), предусмотренную Декларацией о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 года (далее – Декларация). Действуя в интересах интеграционного сообщества, государства-члены передали на наднациональный уровень регулирования компетенцию по установлению единых для всех субъектов государств-членов правовых норм в определенных сферах в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза.

В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Договора право Союза составляют:

Договор;

международные договоры в рамках Союза;

международные договоры Союза с третьей стороной;

решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Согласно статье 2 Договора «международные договоры в рамках Союза» – международные договоры, заключаемые между государствами-членами по вопросам, связанным с функционированием и развитием Союза; «международные договоры с третьей стороной» – международные договоры, заключаемые с третьими государствами, интеграционными объединениями и международными организациями; «распоряжение» – акт, принимаемый органами Союза, имеющий организационно-распорядительный характер; «решение» – акт, принимаемый органами Союза, содержащий положения нормативно-правового характера.

Договором установлен следующий подход к применению актов, составляющих право Союза. Согласно абзацу шестому пункта 1 статьи 6 Договора решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством. В соответствии с пунктом 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о ЕЭК), решения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия) входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов как решения наднационального органа.

В Договоре используется обобщающий термин «международные договоры, составляющие право Союза» для общей ссылки на международные договоры,

в соответствии с которыми осуществляется регулирование соответствующих отношений в Союзе (в том числе в статьях 32, 89-91 Договора).

В статьях 99, 101 Договора, пунктах 4, 24, 43, 52, 55 Положения о ЕЭК, статье 1 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанного в г. Минске 10 октября 2014 года, статье 1 Договора о присоединении Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанного в г. Москве 23 декабря 2014 года, Протоколе о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и отдельные международные договоры, входящие в право Евразийского экономического союза, в связи с присоединением Кыргызской Республики к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, подписанном в г. Москве 8 мая 2015 года, используется формулировка «входят в право Союза».

В пункте 2 статьи 99 Договора в отношении решений ЕЭК используется словосочетание «сохраняют свою юридическую силу».

Таким образом, исходя из смысла Договора, в рамках ЕАЭС существуют международные договоры и акты, которые составляют право Союза (пункт 1 статьи 6 Договора), международные договоры, заключенные в рамках ТС и ЕЭП, которые входят в право Союза (пункт 1 статьи 99, пункт 1 статьи 101 Договора), и решения, принятые в рамках ТС и ЕЭП, которые сохраняют свою юридическую силу (пункт 2 статьи 99 Договора).

В связи с этим Большая коллегия отмечает, что словосочетания «составляют право», «входят в право» и «сохраняют свою юридическую силу» обозначают, что соответствующий договор или акт включается в право Союза.

3. Пункты 1 и 2 статьи 99 Договора устанавливают два обязательных условия, при которых в праве Союза действуют и сохраняют свою юридическую силу международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы ТС и ЕЭП, а также решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и ЕЭК:

- действуют на момент вступления в силу Договора, т.е. на 1 января 2015 года;
- не противоречат Договору.

По мнению Большой коллегии, в переходных положениях Договора в отношении актов в целом и решений Комиссии в частности применен принцип преемственности правового регулирования при соблюдении указанных выше условий.

Данный вывод подтверждается правовой позицией, сформулированной в решении Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по заявлению индивидуального предпринимателя Тарасика К. П., согласно которой в основу

Договора были положены результаты кодификации договорно-правовой базы ТС и ЕЭП. Договор о Союзе в статье 99 предусматривает преемственность системы права при развитии евразийских экономических интеграционных процессов от ТС и ЕЭП к Союзу. При соблюдении условий, установленных Договором о Союзе, в рамках Союза продолжают действовать международные договоры ТС и ЕЭП и решения Комиссии, заключенные и принятые до начала функционирования Союза, в качестве правовых актов, составляющих право Союза.

4. Для уяснения правового содержания понятия «решение Комиссии таможенного союза» (далее – решение КТС) Большая коллегия полагает необходимым проанализировать эволюцию статуса решений КТС в контексте развития евразийской интеграции.

Комиссия таможенного союза как единый постоянно действующий регулирующий орган Таможенного союза была учреждена на основании Договора о Комиссии таможенного союза от 6 октября 2007 года (далее – Договор о КТС). Данным международным договором впервые были закреплены наднациональные функции регулирующего органа. Статья 7 Договора о КТС определяла, что Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, имеющие обязательный характер для Сторон. Решения КТС, в соответствии с пунктом 4 Решения Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (Высшего органа Таможенного союза) от 27 ноября 2009 года № 15 «О вопросах организации деятельности Комиссии таможенного союза», подлежали непосредственному применению в государствах – участниках Таможенного союза.

Со вступлением в силу Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 года (далее – Договор о ЕЭК) Стороны учредили Евразийскую экономическую комиссию как единый постоянно действующий регулирующий орган ТС и ЕЭП (статья 1 Договора о ЕЭК).

На основании абзаца шестого статьи 39 Договора о ЕЭК полномочия, которыми была наделена КТС в соответствии с международными договорами, формирующими договорно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также решениями Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества, были переданы ЕЭК. Согласно статье 38 Договора о ЕЭК решения КТС, действующие на 1 января 2012 года, сохраняли свою юридическую силу, в них могли быть внесены изменения. Статус КТС и ЕЭК как единого постоянно действующего регулирующего органа Таможенного союза (с дополнительным наделением ЕЭК полномочиями в сфере ЕЭП), связанная с этим передача полномочий от КТС к ЕЭК, а также сохранение юридической силы решений КТС позволяют Большой коллегии сделать вывод о правопреемстве этих органов интеграционного объединения и их актов.

Договор о ЕЭК утратил силу в связи с вступлением в силу с 1 января 2015 года Договора о Союзе, которым в соответствии с пунктом 1 статьи 18 предусмотрено сохранение статуса ЕЭК как постоянно действующего регулирующего органа.

Комиссия, учрежденная в соответствии с Договором о ЕЭК, согласно абзацу третьему пункта 3 статьи 99 Договора о Союзе, осуществляет свою деятельность в соответствии с Договором о Союзе.

Решения ЕЭК, принятые до вступления в силу Договора, и действующие на дату вступления в силу Договора, согласно пункта 2 статьи 99 Договора, сохраняют свою юридическую силу и применяются в части, не противоречащей Договору.

5. Большая коллегия полагает, что применительно к вопросу заявителя дополнительно следует рассмотреть наднациональный характер решений КТС.

В связи с указанным вопросом Большая коллегия учитывает правовую позицию, сформированную Судом ЕврАзЭС в решении от 10 июля 2013 года по делу по запросу Кассационной коллегии Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, в соответствии с которой «государства – члены Таможенного союза создали Комиссию Таможенного союза как регулирующий орган, обладающий наднациональными функциями, добровольно переданными Сторонами, с правом принятия решений, имеющих обязательный характер на территории Таможенного союза».

Большая коллегия констатирует, что так же как и решения ЕЭК, созданной в соответствии с Договором о ЕЭК, решения КТС, не противоречащие Договору о Союзе, подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

В практике Суда сформулированы критерии отнесения правовых норм Союза к категории «наднациональное регулирование»:

- 1) наличие унифицированного правового регулирования;
- 2) передача государствами-членами компетенции в данной сфере органам Союза в рамках их наднациональных полномочий (Консультативное заключение от 4 апреля 2017 года по заявлению Министерства юстиции Республики Беларусь).

При соблюдении указанных условий в сферах, относящихся к исключительной компетенции Союза, обеспечивается приоритет права Союза над национальными правовыми актами. Это, в том числе, означает, что по вопросам, переданным на наднациональный уровень регулирования, государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза.

В отношении наднациональных актов Союза установлено правило непосредственного их применения. Так, пунктом 13 Положения о ЕЭК устанавливается, что Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, но-

сящие нормативно-правовой характер. Такие решения входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

На основании изложенного Большая коллегия приходит к выводу о том, что решения КТС, несмотря на то, что не упоминаются в переходных положениях Договора, входят в право Союза наравне с решениями ЕЭК, действующей на основании Договора о ЕЭК.

Данный вывод подтверждается признанием и применением на своей территории государствами – членами Союза действующих решений КТС, официальной позицией ЕЭК и практикой Суда.

Руководствуясь вышеизложенным, Большая коллегия считает обоснованным сформулировать следующий вывод:

Решения Комиссии таможенного союза, действующие на 1 января 2015 года и не противоречащие Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, входят в право Евразийского экономического Союза, являются обязательными для государств-членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов Союза.

Заключительные положения

1. Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.
2. Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик

А.М. Ажибраимова

Судьи

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме
по делу СЕ-2-1/2-18-БК
(Министерство юстиции Республики Беларусь)

Ключевые слова:

О разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года на предмет того, входят ли решения Комиссии таможенного союза в понятие «право Евразийского экономического союза».

Право Евразийского экономического союза; решения Евразийской экономической комиссии; договорно - правовая база Таможенного союза и Единого экономического пространства; решения Комиссии таможенного союза; действие решений Комиссии таможенного союза во времени.

Пункт 1 статьи 6 Договора – пункт 1 статьи 99 Договора – пункт 2 статьи 99 Договора.

Консультативное заключение – разъяснение положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Описание:

Министерство юстиции Республики Беларусь обратилось в Суд Евразийского экономического союза от имени Республики Беларусь (заявитель) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (Договор о Союзе, Договор).

Заявитель просит Суд разъяснить, входят ли решения Комиссии таможенного союза в понятие «право Союза». Вопрос возник в связи с тем, что пункт 1 статьи 6 Договора о Союзе устанавливает, что право Евразийского экономического союза составляют: Договор о Союзе, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза. При этом, общими переходными положениями, установленными в статье 99 Договора о Союзе, не определен статус решений Комиссии таможенного союза.

В консультативном заключении от 10 июля 2018 года Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что решения Комиссии таможенного союза, действующие на 1 января 2015 года и не противоречащие Договору о Союзе, входят в право Союза, являются обязательными для государств-членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов Союза.

Правовые позиции Большой коллегии Суда:

1. Действуя в интересах интеграционного сообщества, государства-члены передали на наднациональный уровень регулирования компетенцию по становлению единых для всех субъектов государств-членов правовых норм в определенных сферах в пределах и объемах, установленных Договором и международными договорами в рамках Союза.

(см. абзац 2 пункта 2 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

2. В рамках ЕАЭС существуют международные договоры и акты, которые составляют право Союза (пункт 1 статьи 6 Договора), международные договоры, заключенные в рамках ТС и ЕЭП, которые входят в право Союза (пункт 1 статьи 99, пункт 1 статьи 101 Договора), и решения, принятые в рамках ТС и ЕЭП, которые сохраняют свою юридическую силу (пункт 2 статьи 99 Договора). В связи с этим, словосочетания «составляют право», «входят в право» и «сохраняют свою юридическую силу» обозначают, что соответствующий договор или акт включается в право Союза.

(см. абзацы 9 – 10 пункта 2 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

3. В праве Союза действуют и сохраняют свою юридическую силу международные договоры, заключенные в рамках формирования договорно - правовой базы ТС и ЕЭП, а также решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав правительств и ЕЭК при соблюдении двух обязательных условий:

– действуют на момент вступления в силу Договора, т.е. на 1 января 2015 года;

– не противоречат Договору.

(см. абзац 1 пункта 3 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

4. Договор о Союзе в статье 99 предусматривает преемственность системы права при развитии евразийских экономических интеграционных процессов от ТС и ЕЭП к Союзу. При соблюдении условий, установленных Договором о Союзе, в рамках Союза продолжают действовать международные договоры ТС и ЕЭП и решения Комиссии, заключенные и принятые до начала функционирования Союза, в качестве правовых актов, составляющих право Союза.

(см. абзац 3 пункта 3 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

5. Статус Комиссии таможенного союза (КТС) и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) как единого постоянно действующего регулирующего органа Таможенного союза (с дополнительным наделением ЕЭК полномочиями в сфере ЕЭП), связанная с этим передача полномочий от КТС и ЕЭК, а также сохранение юридической силы решений КТС позволяют сделать вывод о правопреемстве этих органов интеграционного объединения и их актов.

(см. абзац 4 пункта 4 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

6. По вопросам, переданным на наднациональный уровень регулирования, государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза.

(см. абзац 5 пункта 5 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

7. В отношении наднациональных актов Союза установлено правило непосредственного их применения. Комиссия в пределах своих полномочий принимает решения, носящие нормативно - правовой характер. Такие решения входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

(см. абзац 6 пункта 5 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

8. Решения КТС, действующие на 1 января 2015 года и не противоречащие Договору о Союзе, входят в право Союза, являются обязательными для государств-членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств – членов Союза.

(см. абзац 10 пункта 5 раздела Выводы Большой коллегии Суда)

Case summary
CE-2-1/2-18-БК
(Ministry of Justice of the Republic of Belarus)

Keywords:

Ministry of Justice of the Republic of Belarus

Clarification of the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 regarding inclusion of the decisions of the Commission of the Customs Union into the “law of the Eurasian Economic Union”.

The Law of the Eurasian Economic Union; decisions of the Eurasian Economic Commission; legal framework established by the treaties of the Customs Union and the Single Economic Space; decisions of the Commission of the Customs Union; operation of the decisions of the Commission of the Customs Union in time.

Article 6(1) of the Treaty – Article 99(1) of the Treaty – Article 99(2) of the Treaty.

Advisory opinion – clarification of the provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014.

Description:

The Ministry of Justice of the Republic of Belarus acting on behalf of the Republic of Belarus (applicant) submitted an application to the Court of the Eurasian Economic Union for the clarification of provisions of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 (Treaty on the Union, Treaty).

The claimant asks the Court to provide clarifications whether the decisions of the Commission of the Customs Union are in the concept “law of the Union”. The issue arose due to the fact that Article 6(1) of the Treaty on the Union establishes that the law of the Eurasian Economic Union consists of: the Treaty on the Union, international treaties within the Union, international treaties of the Union with a third party, decisions and dispositions of the Supreme Eurasian Economic Council, the Eurasian Intergovernmental Council and the Eurasian Economic Commission adopted within the powers provided for by the Treaty on the Union and international treaties within the Union. At the same time, the general transitional provisions set out in Article 99 of the Treaty on the Union do not determine the status of the decisions of the Commission of the Customs Union.

As it follows from the Advisory opinion dated July 10, 2018, the Grand Chamber of the Court came to the conclusion that the decisions of the Commission of the Customs Union effective on January 1, 2015 and not contradicting to the Treaty on the Union, are within the law of the Union, are binding upon the Member States and are subject to direct applicability in the Member States of the Union.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. Acting in the interests of the integration community, the Member States transferred their competence to the supranational level of regulation to establish uniform legal norms for all entities of Member States in certain areas to the extent and within the limits established by the Treaty and the international treaties within the Union.

(see subparagraph 2, paragraph 2, section Findings of the Advisory Opinion)

2. Within the Eurasian Economic Union, there are international treaties and acts that constitute the Union's law (Article 6(1) of the Treaty), international treaties concluded within the CU and the Single Economic Space which are included into law of the Union (Article 99(1), Article 101(1) of the Treaty), and the decisions adopted within the CU and the Single Economic Space, which remain in force (Article 99(2) of the Treaty). In this regard, the phrases "constitute law", "are included into law" and "remain in force" means that the relevant treaty or act is included into law of the Union.

(see subparagraphs 9 – 10, paragraph 2, section Findings of the Advisory Opinion)

3. The international treaties concluded within the formation of the legal framework established by the treaties of the CU and the Single Economic Space, and also the decisions of the Supreme Eurasian Economic Council at the highest level, Supreme Eurasian Economic Council at the level of Heads of Government and the Eurasian Economic Commission are effective and remain legally valid in law of the Union provided that two obligatory conditions are observed:

– they have an effect as of the entry into force of the Treaty, i.e. as of January 1, 2015;

– they are consistent with the Treaty.

(see subparagraph 1, paragraph 3, section Findings of the Advisory Opinion)

4. Article 99 of the Treaty on the Union stipulates the continuity of the system of law in the course of development of Eurasian economic integration processes from the CU and the Single Economic Space to the Union. Provided that the conditions set out in the Treaty on the Union are observed, within the frame of the Union the international treaties of the CU and the Single Economic Space and also the decisions of the Commission concluded and adopted prior to functioning of the Union remain effective as legal acts constituting law of the Union.

(see subparagraph 3, paragraph 3, section Findings of the Advisory Opinion)

5. The status of the Commission of the Customs Union (CCU) and of the Eurasian Economic Commission (EEC) as a single permanent regulatory body of the Customs Union (with granting the EEC additional powers in the field of the Single Economic Space), related to its delegation of authority from the CCU and the EEC, and also

survival of the decisions of the CCU are indicative of legal succession of these integration bodies and their acts.

(see subparagraph 4, paragraph 4, section Findings of the Advisory Opinion)

6. The Member States shall refrain from adopting national regulatory acts, which are contrary to the legal standards of the Union on the issues transferred to the supranational level of regulation.

(see subparagraph 5, paragraph 5, section Findings of the Advisory Opinion)

7. In relation to the supranational acts of the Union a rule of direct applicability has been established. The Commission within the scope of its powers adopts decisions of a regulatory type. Such decisions are included into law of the Union and are subject to direct applicability in the Member States.

(see subparagraph 6, paragraph 5, section Findings of the Advisory Opinion)

8. The decisions of the CCU effective as of January 1, 2015 and compliant with the Treaty on the Union are included into law of the Union, are binding upon the Member States and are subject to direct applicability in EAEU Member States.

(see subparagraph 10, paragraph 5, section Findings of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

14 мая 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Айриян Э.В., судей Ажибраимовой А.М., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Винник В.В., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении применения положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года.

УСТАНОВИЛА:

Министерство национальной экономики Республики Казахстан обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении применения положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года (далее – Договор от 5 июля 2010 года) в части возможности и (или) необходимости декларирования физическими лицами наличной валюты свыше 10 000 (десяти тысяч) долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства – члена Союза транзитом через территорию третьих стран, в случае, если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

Как следует из заявления, указанный вопрос возник в связи с неясностью применения положений указанных международных договоров в правовом регулировании порядка и правил декларирования физическими лицами наличной иностранной валюты при следовании из Республики Казахстан в Республику Беларусь воздушным транспортом транзитом через Украину в 2016 году, в период действия Договора от 5 июля 2010 года, что повлекло за собой негативные правовые последствия для гражданина Республики Казахстан.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, а также по заявлению сотрудников и должностных лиц органов Союза и Суда положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза, связанных с трудовыми правоотношениями (далее – разъяснение).

Согласно пункту 49 Статута Суда обращение в Суд от имени государства-члена с заявлением о рассмотрении спора или с заявлением о разъяснении осуществляется уполномоченными органами и организациями государства-члена, перечень которых определяется каждым государством-членом и направляется в Суд по дипломатическим каналам.

Нотой от 20 мая 2015 года № 21-37596/1759 Министерство иностранных дел Республики Казахстан уведомило Суд о том, что Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2015 года № 20 «Об органах и организации, уполномоченных на обращение в Суд Евразийского экономического союза», Министерству национальной экономики Республики Казахстан предоставлено право на обращение в Суд Евразийского экономического союза от имени Республики Казахстан с заявлением о разъяснении положений Договора о Союзе, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Заявление подписано руководителем уполномоченного органа государства – члена Союза, Министром национальной экономики Республики Казахстан, что соответствует пункту 2 статьи 10, подпункту б) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

В этой связи заявитель является лицом, имеющим право на обращение в Суд в порядке, предусмотренном пунктами 46 и 49 Статута Суда.

Текст заявления размещен на официальном номерном бланке Министерства национальной экономики Республики Казахстан, содержащем все необходимые реквизиты: сведения о заявителе, место его нахождения, почтовый адрес, номера телефона и факса в международном формате, адрес электронной почты, исходящий номер и дату отправления.

Большая коллегия Суда считает, что разъяснение положений перечисленных в заявлении Министерства национальной экономики Республики

Казахстан международных договоров в соответствии с пунктом 46 Статута Суда отнесено к компетенции Суда.

Согласно пункту 73 Статута Суда Суд рассматривает дела о разьяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

В соответствии с пунктами 68 и 73 Статута Суда Суд рассматривает дела о разьяснении в порядке, определяемом Регламентом Суда.

Требования, предъявляемые к содержанию заявления государства – члена Союза о разьяснении, и перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разьяснении *prima facie* соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда отмечает, что по вопросу, указанному заявителем, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом ранее не предоставлялось.

Оснований для отказа в принятии заявления о разьяснении к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда, не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 49, 68, 69, 73, 74, подпунктом 1) пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разьяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года в части возможности и (или) необходимости декларирования физическими лицами наличной валюты свыше 10 000 (десяти тысяч) долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства-члена Союза на территорию другого государства – члена Союза транзитом через территорию третьих стран, в случае, если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 25 июня 2018 года на 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Копию постановления направить Министерству национальной экономики Республики Казахстан.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

Э.В. Айриян

А.М. Ажибраимова

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

15 октября 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза
в составе:

Председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н.,
судьи-докладчика Айриян Э.В.,
судей Ажибраимовой А.М., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,
Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А.,
Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Винник В.В.,

исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика,

руководствуясь пунктами 46, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан о разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года.

I. Вопрос заявителя

Министерство национальной экономики Республики Казахстан обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении применения положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года (далее – Договор от 5 июля 2010 года) в части возможности и (или) необходимости декларирования физическими лицами наличной валюты свыше 10 000 (десяти тысяч) долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства - члена Евразийского экономического союза на территорию другого государства - члена Евразийского экономического союза транзитом через территорию третьих стран в случае, если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

В заявлении указывается, что в соответствии со статьей 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор

от 29 мая 2014 года) в рамках Таможенного союза осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором от 29 мая 2014 года.

Подпунктом 35) пункта 1 статьи 4 Таможенного кодекса таможенного союза, являющегося приложением к Договору о Таможенном кодексе таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества (высшего органа Таможенного союза) на уровне глав государств 27 ноября 2009 года № 17 (далее – ТК ТС) предусмотрено, что товар – это любое движимое имущество, перемещаемое через таможенную границу, в том числе носители информации, валюта государств - членов Таможенного союза, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, электрическая и иные виды энергии, а также иные перемещаемые вещи, приравненные к недвижимому имуществу.

Как следует из заявления, 16 августа 2016 года гражданин Республики Казахстан Амирханов М.Ж. следовал авиамаршрутом из г. Алматы (Республика Казахстан) в г. Минск (Республика Беларусь) транзитом через г. Киев (Украина) с пассажирской таможенной декларацией (далее – ПТД) на вывоз 20 000 (двадцати тысяч) долларов США из Республики Казахстан, удостоверенной таможенным органом Республики Казахстан.

На таможенном посту «Минск 2» (Республика Беларусь) ему отказали в легализации валюты, не признав ПТД удостоверенной таможенным органом Республики Казахстан, при этом потребовав предъявить декларацию на вывоз 20 000 (двадцати тысяч) долларов США из Украины.

В связи с отсутствием ПТД, удостоверенной таможенным органом Украины, у Амирханова М.Ж. была конфискована сумма в размере 9 300 (девять тысяч триста) долларов США (с учетом перерасчета на национальную валюту Республики Беларусь), 700 (семьсот) долларов США были потеряны.

Заявитель отмечает, что предъявить декларацию из Украины Амирханову М.Ж. не представлялось возможным, поскольку он находился в трансферной зоне международного аэропорта «Борисполь», где таможенный и пограничный контроль не предусмотрен.

Кроме того, Амирханов М.Ж. не покидал трансферную зону международного аэропорта «Борисполь», что подтверждается отсутствием в его паспорте отметки пограничной службы Украины, а также официальным письмом Государственной пограничной службы Украины № 0.64-17028/0/15-17 от 25 мая 2017 года об отсутствии сведений о пересечении государственной границы Украины указанным лицом 16 августа 2016 года.

В заявлении указывается, что Верховным Судом Республики Беларусь в соответствии с частью 2 статьи 14.5 Кодекса об административных правона-

рушениях Республики Беларусь, а также на основании Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года Амирханов М.Ж. был признан виновным.

По мнению заявителя, в соответствии со статьей 3 Договора от 5 июля 2010 года ввоз физическим лицом наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на таможенную территорию Таможенного союза осуществляется без ограничений в следующем порядке:

при единовременном ввозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, равную либо не превышающую в эквиваленте 10 000 (десять тысяч) долларов США, указанные денежные средства и (или) дорожные чеки не подлежат таможенному декларированию в письменной форме;

при единовременном ввозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 000 (десять тысяч) долларов США, указанные денежные средства и (или) дорожные чеки подлежат таможенному декларированию в письменной форме путем подачи ПТД на всю сумму ввозимых наличных денежных средств и (или) дорожных чеков.

При этом перемещение денежных средств между территориями государств – членов Союза Договором от 5 июля 2010 года не регламентировано. Заявитель указывает, что, таким образом, перемещение наличных денежных средств между территориями государств – членов Союза осуществляется физическими лицами без ограничений и без применения таможенного декларирования.

Заявитель просит Суд дать разъяснение касательно применения положений статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года и Договора от 5 июля 2010 года в части возможности и (или) необходимости декларирования физическими лицами наличной валюты свыше 10 000 (десяти тысяч) долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства – члена Союза транзитом через территорию третьих стран, в случае если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

Постановлением Большой коллегии Суда от 14 мая 2018 года заявление Министерства национальной экономики Республики Казахстан принято к производству.

II. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося Приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда) порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического

союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Судопроизводство по делам о разъяснении осуществляется в соответствии с положениями Главы VIII Регламента Суда.

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда. В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению Судом в порядке статьи 75 Регламента Суда были направлены запросы в Евразийскую экономическую комиссию, Верховный Суд Республики Беларусь, таможенные органы государств - членов Союза, Всемирную таможенную организацию.

В Суд Союза поступили из Верховного Суда Республики Беларусь копии актов судебных органов Республики Беларусь по делу об административном правонарушении гражданина Амирханова М.Ж., ответы из Комитета государственных доходов при Правительстве Республики Армения, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Евразийской экономической комиссии.

III. Компетенция Суда

1. В соответствии с пунктом 46 Статута Суда, Суд по заявлению государства-члена или органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора от 29 мая 2014 года, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Большая коллегия Суда считает, что, исходя из содержания указанной нормы Статута Суда и заявления Министерства национальной экономики Республики Казахстан, предметом разъяснения являются положения статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года и Договора от 5 июля 2010 года в период его действия как международного договора в рамках Союза в части правового регулирования возможности и (или) необходимости декларирования физическими лицами наличной валюты свыше 10 000 (десяти тысяч) долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства - члена Союза на территорию другого государства - члена Союза транзитом через территорию третьих стран в случае, если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

Предметом настоящего консультативного заключения не являются указанные в заявлении правоотношения конкретного физического лица с органами власти государств – членов Союза и третьих стран.

IV. Выводы Суда

2. Большая коллегия Суда, руководствуясь общим правилом толкования международных договоров, установленным статьей 31 Венской Конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, констатирует следующее.

В части разъяснения положений статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года Большая коллегия Суда предоставляет консультативное заключение применительно к формулировке заявления и в пределах нормативного регулирования положений подпунктов 4) и 5) пункта 1 статьи 25 Договора в связи с тем, что положения подпунктов 1) – 3) пункта 1 и пункта 2 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года не регулируют порядок и правила декларирования физическими лицами наличных денежных средств при их перемещении с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства – члена Союза.

Исходя из формулировки заявления Большая коллегия Суда считает, что разъяснение связано с исследованием Судом вопроса о наличии либо отсутствии (для целей обязательного таможенного декларирования наличных денежных средств) связи между фактическим ввозом/вывозом физическим лицом воздушным транспортом таких средств с/на таможенную территорию таможенного союза и пребыванием данного лица в трансферной зоне международного аэропорта государства, не являющегося членом Союза.

Статья 25 Договора от 29 мая 2014 года, регламентирующая принципы функционирования таможенного союза, включена в Раздел VI «Функционирование Таможенного союза» данного Договора и соотносится с нормами абзаца 15 статьи 2 и абзаца 6 статьи 3 Договора от 29 мая 2014 года. Согласно указанным положениям таможенным союзом является форма торгово - экономической интеграции государств-членов, предусматривающая единую таможенную территорию. Одним из основных принципов Евразийского экономического союза является функционирование таможенного союза без изъятий и ограничений после окончания переходных периодов.

В рамках Таможенного союза положениями подпунктов 4) и 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года установлены единое таможенное регулирование и свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного, фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных Договором от 29 мая 2014 года.

С данной нормой корреспондируют положения статей 1 – 2 Главы 1 ТК ТС, подлежащие исследованию во взаимосвязи с положениями международных договоров, являющихся объектом разъяснения.

В силу положений статьи 2 ТК ТС единую таможенную территорию таможенного союза составляют территории государств-членов, а также находящиеся за пределами их территорий искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией.

Пределы таможенной территории таможенного союза являются таможенной границей таможенного союза. В соответствии с международными договорами государств - членов таможенного союза таможенной границей могут являться пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств - членов таможенного союза.

В ряде случаев таможенная граница совпадает с государственной границей одного из государств-членов.

Как и государственная, таможенная граница указывает на территориальные пределы единой таможенной территории за которыми действуют установленные иными международными договорами и законодательством третьих стран правила в части ввоза/вывоза товаров с/на их территории.

3. Принцип свободного перемещения товаров между территориями государств-членов, установленный подпунктом 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года включает императивное условие неприменения таможенного декларирования товаров и государственного контроля, за исключением случаев, предусмотренных данным Договором.

Учитывая, что нормой подпункта 35) пункта 1 статьи 4 ТК ТС к товарам отнесены, наряду с прочим, валюта государств – членов Таможенного союза, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки, указанный принцип распространяется и на них.

Существенное значение для целей разъяснения положения статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года имеет то обстоятельство, что указанная норма применяется при условии, что свободное перемещение товаров, в том числе валюты, валютных ценностей, осуществляется непосредственно между территориями государств - членов Союза.

Большая коллегия Суда констатирует, что правовое регулирование свободного перемещения валюты, валютных ценностей, денежных средств в пределах таможенной территории Союза осуществляется на международно - правовом уровне, путем принятия соответствующих международных договоров.

Взаимосвязанное прочтение относящихся к разъясняемым нормам положений подпунктов 4) – 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года в соответствии с их значением, в их контексте, а также в свете объекта и целей Договора, ТК ТС, позволяет сформулировать следующий вывод.

Перемещение физическими лицами наличных денежных средств между территориями государств-членов исключает обязанность их таможенного декларирования при соблюдении следующих условий:

перемещение наличных денежных средств осуществляется между территориями государств - членов Союза в пределах единой таможенной территории Союза;

перемещение наличных денежных средств воздушным, водным видами транспорта между территориями государств - членов Союза осуществляется транзитом через государство, не являющееся членом Союза, без совершения остановки (посадки, пересадки), захода водного судна в порт третьего государства.

При этом перемещение наличных денежных средств воздушным или водным транспортом между двумя государствами – членами Союза без совершения остановки в третьем государстве не является вывозом с таможенной территории Союза и ввозом на данную территорию по смыслу положений главы 49 «Особенности перемещения товаров для личного пользования» ТК ТС и соответствующих положений Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, принятого Договором о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года (далее – ТК ЕАЭС).

В случае, если имеет место вывоз/ввоз наличных денежных средств физическим лицом, хотя и следующим из одного государства – члена Союза в другое (другие) государство - член Союза, однако совершающим остановку в транзитной, трансферной зоне международного аэропорта третьего государства, норма подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года в отношении указанного лица не подлежит применению по следующим основаниям.

В соответствии с пунктами 3) – 4) и 22) статьи 4 Главы 1 ТК ТС:

ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза – совершение действий, связанных с пересечением таможенной границы, в результате которых товары прибыли на таможенную территорию таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до их выпуска таможенными органами;

вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза – совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза любым способом, включая пересылку в международных почтовых отправлениях, использование трубопроводного транспорта и линий электропередачи, до фактического пересечения таможенной границы;

перемещение товаров через таможенную границу - ввоз товаров на таможенную территорию таможенного союза или вывоз товаров с таможенной территории таможенного союза.

Большая коллегия Суда считает, что фактическое пересечение таможенной границы таможенного союза физическим лицом, имеющим при себе товары или наличные денежные средства, означает их вывоз или ввоз и исключает действие нормы подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года.

При этом, согласно пункту 1, подпункту 5) пункта 2, пункту 3 статьи 355 ТК ТС, таможенное декларирование товаров для личного пользования осуществлялось физическими лицами при их следовании через таможенную границу одновременно с представлением товаров таможенному органу.

Таможенному декларированию в письменной форме подлежали валюта государств - членов таможенного союза, ценные бумаги и (или) валютные ценности, дорожные чеки в случаях, установленных законодательством и (или) международным договором государств - членов таможенного союза.

Таможенное декларирование товаров для личного пользования производилось в письменной форме с применением пассажирской таможенной декларации. Форма пассажирской таможенной декларации, порядок ее заполнения, подачи и регистрации определены решением Комиссии таможенного союза. Аналогичные нормы содержатся в подпункте 7) пункта 1, пункте 3 статьи 260 ТК ЕАЭС.

Применительно к обстоятельствам дела, изложенным в заявлении, Большая коллегия Суда констатирует, что физическим лицом двукратно совершено фактическое пересечение таможенной границы таможенного союза с перемещением наличных денежных средств. Соответственно, имели место фактические выезд физического лица из одного государства - члена ЕАЭС через транзитную зону аэропорта третьего государства в другое государство-член ЕАЭС, вне зависимости от того, что в отношении данного лица не осуществлялись процедуры таможенного и пограничного контроля в период его пребывания в транзитной, трансферной зоне международного аэропорта третьего государства.

Указанные обстоятельства исключают действие подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года, устанавливающего свободное перемещение товаров (включая наличные денежные средства) между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования.

4. Учитывая, что заявителем сформулирован вопрос о разъяснении положений Договора от 5 июля 2010 года, Большой коллегией Суда исследованы положения данного Договора во взаимосвязи с соответствующими нормами ТК ТС.

Договор от 5 июля 2010 года определял порядок перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза и содержал условия его применения,

включая «пороговый» критерий общей денежной суммы для осуществления обязательного таможенного декларирования, установленный положениями абзаца третьего пункта 1 статьи 3 и абзаца третьего пункта 1 статьи 4 данного Договора:

на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 000 (десять тысяч) долларов США, при единовременном ввозе,

на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 000 (десять тысяч) долларов США, при единовременном вывозе.

При этом в соответствии с пунктом 3 статьи 3 и пунктом 3 статьи 4 Договора от 5 июля 2010 года ввоз и вывоз физическим лицом денежных инструментов, за исключением дорожных чеков, осуществлялся при условии таможенного декларирования в письменной форме путем подачи пассажирской таможенной декларации.

Большая коллегия Суда считает, что положения Договора от 5 июля 2010 года не распространялись на правоотношения, связанные с перемещением физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов между территориями государств - членов Союза без пересечения ими таможенной границы таможенного союза.

Для обязательного декларирования наличных денежных средств и (или) дорожных чеков (при наличии критериев, установленных абзацем третьим пункта 1 статьи 4 и абзацем третьим пункта 1 статьи 3 Договора от 5 июля 2010 года) имеет значение фактическое пересечение лицом таможенной границы таможенного союза при следовании из одного государства - члена Союза (включая воздушный транспорт) в другое государство - член Союза, включая остановку в трансферных зонах международных аэропортов третьих государств.

5. Большая коллегия Суда отмечает, что определения терминов «ввоз» и «вывоз» содержат положения пунктов 3) – 4) и 22) статьи 4 Главы 1 ТК ТС.

В соответствии со статьей 357 ТК ТС в местах прибытия на таможенную территорию таможенного союза или убытия с этой территории для целей таможенного декларирования товаров для личного пользования могла применяться система двойного коридора, применение которой предусматривает самостоятельный выбор физическим лицом, следующим через таможенную границу, таможенного декларирования в письменной форме товаров для личного пользования и соответствующего коридора («зеленого» или «красного») для совершения таможенных операций.

Согласно пункту 1 статьи 6 Соглашения от 18 июня 2010 года «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» (утратило силу 19 марта 2018 года, далее – Соглашение от 18 июня 2010 года) в местах прибытия на таможенную

территорию таможенного союза или убытия с этой территории (далее – места прибытия или убытия) может применяться система двойного коридора.

«Зеленый» коридор является специально обозначенным в местах прибытия или убытия местом, предназначенным для перемещения физическими лицами через таможенную границу в сопровождаемом багаже товаров для личного пользования, не подлежащих таможенному декларированию, при одновременном отсутствии у таких лиц несопровождаемого багажа.

«Красный» коридор является специально обозначенным в местах прибытия или убытия местом, предназначенным для перемещения физическими лицами через таможенную границу в сопровождаемом багаже товаров, подлежащих таможенному декларированию, а также товаров, в отношении которых осуществляется декларирование по желанию физического лица.

В силу статьи 8 указанного международного договора декларирование товаров для личного пользования осуществляется физическими лицами при их следовании через таможенную границу одновременно с представлением товаров таможенному органу; декларирование товаров для личного пользования, за исключением пересылаемых в международных почтовых отправлениях и помещаемых под таможенную процедуру таможенного транзита, производится в письменной форме с применением пассажирской таможенной декларации.

Согласно статье 357 ТК ТС требования, применяемые к обустройству системы двойного коридора в местах прибытия товаров на таможенную территорию таможенного союза и убытия с этой территории, определялись решением Комиссии таможенного союза (ЕЭК).

Указанные требования утверждены Решением Комиссии таможенного союза от 20 мая 2010 года № 259 «О требованиях, применяемых к обустройству системы двойного коридора в местах прибытия товаров на таможенную территорию таможенного союза и убытия с этой территории».

Из положений ТК ТС и Соглашения от 18 июня 2010 года следует, что перемещение физического лица через «зеленый» или «красный» коридор является фактом пересечения им таможенной границы таможенного союза, что исключает применение к такому лицу подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года, который применяется только в тех случаях, когда товар, наличные денежные средства и (или) дорожные чеки не покидают таможенную территорию таможенного союза.

При наличии у физического лица наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 000 долларов США, такое лицо, несмотря на наличие у него права самостоятельного выбора «коридора», в целях исключения наступления негативных правовых последствий должно пересекать таможенную границу через «красный коридор»,

а указанные денежные средства и (или) дорожные чеки подлежат таможенному декларированию в письменной форме путем подачи пассажирской таможенной декларации на всю сумму ввозимых/вывозимых наличных денежных средств и (или) дорожных чеков.

Таким образом, пересечение физическим лицом в соответствии со статьей 357 ТК ТС таможенной границы таможенного союза в пункте убытия, письменное декларирование им в целях вывоза в третье государство наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тысяч долларов США, означает юридический факт вывоза физическим лицом наличных денежных средств за пределы таможенной территории таможенного союза.

Пребывание физического лица в транзитной, трансферной зоне международного аэропорта третьего государства подтверждает факт нахождения лица за пределами единой таможенной территории таможенного союза.

С учетом изложенного и в рамках вопроса заявителя Большая коллегия Суда приходит к следующему выводу.

При перемещении физическими лицами наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тысяч долларов США, воздушным транспортом с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства – члена Союза через транзитные, трансферные зоны международных аэропортов третьих государств подлежало применению положение абзаца третьего пункта 1 статьи 3 Договора от 5 июля 2010 года, устанавливающее обязанность физических лиц при единовременном ввозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тысяч долларов США, осуществлять таможенное декларирование наличных денежных средств и (или) дорожных чеков, или положение абзаца третьего пункта 1 статьи 4 Договора от 5 июля 2010 года, устанавливавшего обязанность физических лиц при единовременном вывозе наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышавших в эквиваленте 10 тысяч долларов США, осуществлять таможенное декларирование указанных денежных средств и (или) дорожных чеков.

6. Большая коллегия Суда отмечает, что в период действия Договора от 5 июля 2010 года Комиссией совместно с государствами-членами изучалась возможность внесения изменений в указанный Договор в части отмены обязательного таможенного декларирования физическими лицами наличных денежных средств и (или) дорожных чеков на общую сумму, превышающую в эквиваленте 10 тысяч долларов США воздушным транспортом с территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена транзитом через территорию третьих стран, в случае, если физическое лицо находи-

лось в трансферной (транзитной) зоне аэропорта третьего государства. Меры, предложенные Комиссией по изменению процедур таможенного декларирования в отношении указанной категории физических лиц, не нашли нормативного закрепления.

7. Большая коллегия Суда считает необходимым отметить следующее.

Положения Договора от 5 июля 2010 года (в настоящее время статьи 260 ТК ЕАЭС) соответствовали сложившейся международной практике в части регулирования порядка перемещения наличных денежных средств и дорожных чеков.

В положениях Конвенции против транснациональной организованной преступности, принятой 15 ноября 2000 года Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Конвенция от 15 ноября 2000 года), и Рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в версии, утвержденной 15 февраля 2012 года (далее – Рекомендации ФАТФ), закреплены нормы, направленные на повышение эффективности процедур мониторинга движения наличных денежных средств при одновременном устранении излишних барьеров.

Необходимость соблюдения государствами - членами ООН международных стандартов, содержащихся в Рекомендациях ФАТФ, включена в пункт 7 Резолюции 1617 (2005), принятой Советом Безопасности ООН на 5244-м заседании 29 июля 2005 года.

В соответствии с Рекомендацией ФАТФ № 32 странам следует иметь в наличии меры по выявлению физического трансграничного перемещения наличных денег и оборотных инструментов на предъявителя, в том числе через систему декларирования и/или систему информирования. Государства должны обеспечить наличие эффективных, соразмерных и сдерживающих санкций в отношении лиц, которые осуществляют недостоверное декларирование или информирование.

Реализация указанных международно-правовых механизмов регламентировалась нормой абзаца первого статьи 6 Договора от 5 июля 2010 года (в настоящее время – нормой абзаца первого пункта 17 статьи 260 ТК ЕАЭС) об указании в пассажирской таможенной декларации обязательных сведений в целях обеспечения противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, подлежащих декларированию в письменной форме. В их число пункт 3) статьи 6 Договора от 5 июля 2010 года включал сведения об источнике наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, их владельцах (в случаях перемещения наличных денежных средств и (или)

денежных инструментов, не являющихся собственностью декларанта), а также о предполагаемом использовании.

В соответствии с подпунктом 7 пункта 1 статьи 6 ТК ТС одной из основных задач таможенных органов являлось обеспечение мер по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при осуществлении контроля за перемещением через таможенную границу валюты государств - членов таможенного союза, ценных бумаг и (или) валютных ценностей, дорожных чеков.

Аналогичная норма включена в подпункт 4) пункта 2 статьи 351 ТК ЕАЭС от 11 апреля 2017 года, что показывает последовательность в международно-правовом регулировании перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов государствами - членами Союза.

Анализ положений Договора от 5 июля 2010 года, ТК ТС, ТК ЕАЭС позволяет сделать вывод о том, что установленный правом Союза порядок перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов соответствует международным стандартам.

Положения Договора от 5 июля 2010 года устанавливали паритет прав и обязанностей физических лиц, перемещающих через таможенную границу таможенного союза наличные денежные средства и дорожные чеки. Большая коллегия Суда отмечает, что при выявлении нарушений порядка перемещения наличных денежных средств и (или) дорожных чеков необходимо соблюдать принцип пропорциональности санкций при решении вопроса о привлечении лица к административной или уголовной ответственности.

8. Большая коллегия Суда отмечает, что с 1 января 2018 года – даты вступления в силу ТК ЕАЭС, – порядок и правила перемещения наличных денежных средств через таможенную границу Союза регулируются положениями статьи 260 Главы 37 «Особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров для личного пользования» ТК ЕАЭС.

Критерии, являющиеся правовым основанием для возникновения обязанности таможенного декларирования таких средств, установленные нормой статьи 260 ТК ЕАЭС, тождественны критериям, ранее регламентированным Договором от 5 июля 2010 года.

В соответствии с подпунктами 7) - 8) пункта 1 статьи 260 ТК ЕАЭС таможенному декларированию подлежат:

наличные денежные средства и (или) дорожные чеки, если общая сумма таких наличных денежных средств и (или) дорожных чеков при их единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза превышает сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации;

денежные инструменты, за исключением дорожных чеков.

Обязанность по декларированию наличных денежных средств и (или) дорожных чеков, установленная в статье 260 ТК ЕАЭС, распространяется на физических лиц, также перемещающих наличные денежные средства и (или) дорожные чеки между государствами - членами Союза через третьи государства в случаях, если имело место пересечение таможенной границы Союза, в том числе при следовании физических лиц транзитом через трансферные зоны международных аэропортов третьих государств.

V. Заключительные положения

9. Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

10. Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий:

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик:

Э.В. Айриян

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-2-1/3-18-БК)

город Минск

15 октября 2018 года

1. 15 октября 2018 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая коллегия Суда) вынесено консультативное заключение по заявлению Министерства национальной экономики Республики Казахстан (далее – Министерство национальной экономики, заявитель) о разъяснении применения положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе) и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года (далее – Договор о порядке перемещения денежных средств).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение. Разделяя основные выводы консультативного заключения, тем не менее, считаю необходимым дать некоторые дополнительные пояснения относительно лежащей в его основе системы правовой аргументации, прояснить содержание отдельных положений судебного акта.

Также отмечаю, что отдельные вопросы, поставленные в заявлении Министерства национальной экономики, к сожалению, не нашли разрешения. В частности, в консультативном заключении не изложена позиция Большой коллегии Суда о применении норм права Евразийского экономического союза о взаимном признании решений таможенных органов государств-членов к ситуации перемещения наличных денежных средств из одного государства – члена Союза в другое государство-член через территорию третьего государства с использованием пассажирской таможенной декларации, удостоверенной таможенным органом государства-члена. Также не в полной мере аргументирована правовая позиция на вопрос заявителя о допустимости помещения под таможенную процедуру таможенного транзита наличных денежных средств, перемещаемых из одного государства – члена Союза в другое государство-член через территорию третьего государства.

2. Министерство национальной экономики обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд Союза) с заявлением о предоставлении консультативного заключения по вопросу о применении положений статьи 25 Договора о Союзе и Договора о порядке перемещения денежных средств в части возможности и (или) необходимости декларирования физическим лицом наличной валюты в сумме свыше 10 000 долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства – члена Союза транзитом через территории третьих стран, в случае, если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

Как видно из заявления, поводом для обращения Министерства национальной экономики в Суд Союза явилась ситуация, произошедшая в 2016 году с гражданином Республики Казахстан при ввозе на территорию Республики Беларусь воздушным транспортом из Республики Казахстан через территорию государства, не являющегося членом Союза, денежных средств в сумме, превышающей в эквиваленте 10 000 долларов США. Из материалов, представленных Суду Союза Евразийской экономической комиссией (далее – Комиссия), следует, что аналогичный вопрос возникал и ранее, причем подходы уполномоченных органов государств-членов к правовой оценке сложившейся ситуации не отличались единообразием.

Изложенное свидетельствует о том, что в качестве предмета разъяснения по настоящему делу Большой коллегии Суда следовало рассматривать не только абстрактное толкование норм права Союза (*in abstracto*), но и уяснение их значения применительно к конкретным обстоятельствам, изложенным в заявлении, складывающимся в правоприменительной практике государств – членов Союза (толкование *in concreto*).

Поскольку толкование *in concreto* направлено на разъяснение положений права Союза не только в правовом, но и в фактическом контексте, оно способствует обеспечению единообразного применения права Союза, в том числе при разрешении спорных ситуаций, возникающих в правоприменительной практике. Осуществленное Судом Союза толкование *in concreto* позволяет органам Союза и государств-членов соотнести рассматриваемую ими правовую ситуацию с той, что была предметом оценки Суда Союза, и установить, насколько правовая позиция Суда Союза применима к поставленному перед ними вопросу.

Полагаю, что неотъемлемой частью толкования является указание в тексте судебного акта не только обстоятельств, послуживших поводом для обращения в Суд Союза, но и установленных им при подготовке дела к рассмотрению фактических обстоятельств, связанных с пересечением гражданином Республики Казахстан таможенной границы Евразийского экономического союза и привлечением его к административной ответственности.

3. В заявлении Министерство национальной экономики указывает, что в 2016 году гражданин Республики Казахстан прибыл воздушным транспортом из города Алматы (Республика Казахстан) в город Минск (Республика Беларусь) транзитом через государство, не являющееся членом Союза, с пассажирской таможенной декларацией на вывоз 20 000 долларов США из Республики Казахстан, удостоверенной таможенным органом Республики Казахстан.

Заявитель отмечает, что на таможенном посту в Республике Беларусь гражданину Республики Казахстан отказали в легализации валюты, не признали пассажирскую таможенную декларацию, удостоверенную таможенным органом Республики Казахстан и потребовали предъявить таможенную декларацию на вывоз наличных денежных средств с территории третьего государства. По мнению Министерства национальной экономики, отсутствие такой таможенной декларации послужило основанием для привлечения гражданина Республики Казахстан к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях с конфискацией денежных средств в сумме, превышающей 10 000 долларов США.

При этом, как сообщил заявитель, у гражданина Республики Казахстан отсутствовала возможность представить пассажирскую таможенную декларацию из третьего государства, так как, пребывая на его территории, он не пересекал государственную границу данного государства и находился исключительно в трансферной зоне международного аэропорта, где не осуществляется таможенный и пограничный контроль.

Материалы, представленные Верховным Судом Республики Беларусь, свидетельствуют, что основанием привлечения гражданина Республики Казахстан к административной ответственности послужил факт ввоза на таможенную территорию Союза наличных денежных средств в сумме, превышающей 10 000 долларов США без письменного декларирования, что подтверждается пересечением таможенной границы в пункте пропуска аэропорта города Минска через «зеленый» коридор.

4. Перед изложением позиции по предмету разъяснения полагаю необходимым обратить внимание, что со вступлением в силу с 1 января 2018 года Таможенного кодекса Евразийского экономического союза Договор о порядке перемещения денежных средств прекратил свое действие.

Вместе с тем, в заявлении о разъяснении, датированном 26 апреля 2018 года, поставлен вопрос о взаимосвязанном правоприменении статьи 25 Договора о Союзе и статей 3, 4 Договора о порядке перемещения денежных средств, прекратившего действие с 1 января 2018 года. При предоставлении консультативного заключения Большая коллегия Суда посчитала необходимым осуществить толкование недействующих договоров в рамках Союза (Таможенно-

го кодекса Таможенного союза, Договора о порядке перемещения денежных средств и Соглашения о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском, от 18 июня 2010 года). Одновременно Большая коллегия Суда отметила, что выводы, содержащиеся в консультативном заключении, применимы к правоотношениям, возникшим с 1 января 2018 года.

Согласно пункту 1 статьи 6 Договора о Союзе право Союза составляют Договор о Союзе, международные договоры в рамках Союза и международные договоры Союза с третьей стороной, а также решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Комиссии.

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда по заявлению органа Союза Суд осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Статьей 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года предусмотрено, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться.

Взаимосвязанное прочтение указанных правовых норм свидетельствует о том, что право Союза составляют только действующие международные договоры, и только подобные договоры могут быть предметом разъяснения, осуществляемого Судом Союза.

Указанный вывод также подтверждает логическое толкование Венской конвенции о праве международных договоров, в которой нормы о толковании международных договоров включены в часть III «Соблюдение, применение и толкование договоров». Данное обстоятельство позволяет заключить, что толкование правовой нормы неразрывно связано с ее применением и реализацией.

В отличие от решения Суда Союза, предметом оценки по которому являются правоотношения, возникшие до вынесения судебного акта, консультативное заключение применимо лишь к тем правоотношениям, которые возникают после его вынесения, то есть регулируемым действующими международными договорами. Изложенное дополнительно подтверждает, что при предоставлении консультативного заключения Суду Союза следовало исходить из толкования положений тех международных договоров, которые действовали на момент вынесения судебного акта.

Данная позиция, тем не менее, не препятствует при толковании норм права Союза обращаться к содержанию утративших силу международно-правовых актов в рамках метода исторического толкования и на его основе констатировать применимость выводов Суда к правоотношениям, которые складывались в соответствии с ранее действовавшими правовыми нормами при условии их тождественности действующим нормам права Союза.

Следует особо отметить, что именно толкование действующих норм права Союза содействует достижению цели единообразного применения права Союза государствами-членами и органами Союза.

Учитывая, что нормы, содержащиеся в статьях 3 и 4 Договора о порядке перемещения денежных средств со вступлением в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза прекратили свое действие, а нормы подпунктов 7 и 8 пункта 1 статьи 260 данного Кодекса единообразно регулируют таможенные правоотношения, связанные с таможенным декларированием наличных денежных средств, исхожу из того, что при предоставлении консультативного заключения следовало разъяснить содержание действующих норм права Союза и указать на применение соответствующих правовых позиций к правоотношениям, которые складывались на основании статей 3 и 4 Договора о порядке перемещения денежных средств с момента вступления в силу Договора о Союзе.

При изложении настоящего особого мнения исхожу из норм, содержащихся в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, а анализ положений ранее действовавших международных договоров считаю обоснованным при толковании *in concreto*.

5. Полагаю, что для полного и объективного ответа на вопрос Министерства национальной экономики Большой коллегии Суда следовало сформулировать позицию о действии в пространстве нормы подпункта 5 пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе.

5.1. В соответствии с подпунктами 1, 4 и 5 пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе в рамках Таможенного союза функционирует внутренний рынок товаров, осуществляется единое таможенное регулирование, а также свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного), за исключением случаев, предусмотренных данным Договором.

Пунктом 2 статьи 28 Договора о Союзе предусмотрено, что внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям Договора о Союзе обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Уяснение содержания указанных правовых норм, а также логическое толкование Договора о Союзе, в котором статья 28, посвященная внутреннему рынку, включена в раздел VI «Функционирование таможенного союза», свидетельствует о том, что внутренний рынок товаров представляет собой один из элементов таможенного союза. Иным элементом таможенного союза является единое таможенное регулирование, которое в силу статьи 32 Договора о Союзе осуществляется в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и регулирующими таможенные правоотношения

международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями данного Договора.

Согласно пункту 1 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза единое таможенное регулирование в Союзе включает в себя установление порядка и условий перемещения товаров через таможенную границу Союза. Из данной правовой нормы следует, что правообразующим юридическим фактом, с которым связано осуществление единого таможенного регулирования, является пересечение товарами таможенной границы Союза по смыслу подпункта 27 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

5.2. Исходя из содержания подпункта 5 пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе и учитывая существо вопроса заявителя, полагаю необходимым изложить те правовые основания, при наличии которых действуют правила о свободном перемещении товаров между территориями государств-членов.

Уяснение вышеуказанной нормы свидетельствует о наличии двух совокупных условий осуществления свободного перемещения товаров – это (1) перемещение в рамках таможенного союза и (2) между территориями государств-членов.

Согласно статье 2 Договора о Союзе таможенный союз представляет собой форму торгово-экономической интеграции, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины (иные пошлины, налоги и сборы, имеющие эквивалентное действие), меры нетарифного регулирования, специальные защитные, антидемпинговые и компенсационные меры, действуют Единый таможенный тариф Евразийского экономического союза и единые меры регулирования внешней торговли товарами с третьей стороной.

В силу пункта 1 статьи 5 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенную территорию Союза составляют территории государств-членов, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией.

Согласно пункту 2 статьи 5 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенной границей Союза являются пределы таможенной территории Союза, а также в соответствии с международными договорами в рамках Союза – пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов.

Анализ данных правовых норм позволяет установить, что понятия «таможенная граница» и «таможенная территория» рассматриваются правом Союза в их географическом значении. При таких обстоятельствах использование в подпункте 5 пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе лингвистического оборота

«перемещение товаров между территориями государств-членов» означает перемещение товара с территории одного государства-члена на территорию другого без пересечения таможенной границы Союза. Соответственно, действие в пространстве норм о свободном перемещении товаров ограничено единой таможенной территорией Союза, а пересечение таможенной границы Союза является тем юридическим фактом, которым обусловлено прекращение действия указанной нормы.

Учитывая вывод, сделанный в пункте 5.1 настоящего особого мнения, отмечаю, что перемещение товаров через таможенную границу Союза по смыслу подпункта 27 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза одновременно является правообразующим фактом для осуществления единого таможенного регулирования и прекращения действия правовых положений о свободном перемещении товаров между территориями государств-членов.

5.3. В порядке уточнения данного вывода считаю обоснованным учесть особенности перемещения товаров между территориями государств-членов при перевозке воздушным или водным транспортом, предусмотренные правом Союза.

В соответствии с пунктами 1 и 2 статьи 303, положений главы 14 «Прибытие товаров на таможенную территорию Союза и таможенные операции, связанные с таким прибытием» и главы 15 «Убытие товаров с территории Таможенного союза и таможенные операции, связанные с таким убытием» Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование не применяется к товарам, когда они перевозятся воздушным или водным транспортом без совершения посадки воздушного судна на территории государства, не являющегося членом Союза, либо захода водного судна в порт такого государства.

В силу подпунктов 3 и 5 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза ввоз товаров на таможенную территорию Союза – это совершение действий, которые связаны с пересечением таможенной границы Союза и в результате которых товары прибыли на таможенную территорию Союза любым способом до выпуска таких товаров таможенными органами, а вывоз товаров с таможенной территории Союза – это совершение действий, направленных на вывоз товаров с таможенной территории Союза любым способом, включая пересечение таможенной границы Союза.

Из содержания названных правовых норм следует, что ключевой характеристикой ввоза и вывоза товаров, как действий, направленных на прибытие и убытие товаров, является пересечение данными товарами таможенной границы Союза. При таких обстоятельствах, если товар перемещается с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории воздушным или водным транспортом через территорию государства, не

являющегося членом Союза, но без совершения посадки воздушного судна на территории такого государства либо без захода водного судна в порт такого государства, отсутствуют основания считать, что такой товар перемещался через таможенную границу Союза.

Изложенное позволяет заключить, что свободное перемещение товаров между территориями государств-членов – это перемещение товаров между местом убытия и местом прибытия, расположенными в разных государствах-членах, при условии, что данные товары не пересекают таможенную границу Союза, а также перемещение товаров, перевозимых водным и воздушным транспортом с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории Союза через территории государств, не являющихся членами Союза, без совершения посадки воздушного судна на территории государства, не являющегося членом Союза, либо захода водного судна в порт такого государства. В развитие данного вывода считаю необходимым отметить, что в случае, если товар перемещался с одной части таможенной территории Союза на другую часть таможенной территории воздушным или водным транспортом с совершением посадки воздушного судна на территории такого государства либо с заходом водного судна в порт такого государства, нормы права Союза о свободном перемещении товаров не подлежат применению.

Распространяя данный подход на вопрос, поставленный Министерством национальной экономики, и разделяя позицию Большой коллегии Суда, согласно которой в силу подпунктов 8, 23 и 45 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза наличные денежные средства входят в понятие «товар», прихожу к выводу, что положения подпункта 5 пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе неприменимы к случаям перемещения наличных денежных средств с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства-члена воздушным транспортом с посадкой воздушного судна на территории третьего государства и нахождением лица, перемещающего наличные денежные средства, в транзитной (трансферной) зоне международного аэропорта.

С учетом изложенного считаю возможным констатировать, что с момента перемещения наличных денежных средств через таможенную границу Союза они становятся объектом таможенного регулирования. При этом, последующий ввоз денежных средств на таможенную территорию Союза не имеет правового значения, поскольку действия по вывозу являются окончанными в момент пересечения таможенной границы Союза.

5.4. Учитывая особенности таможенных процедур в связи с совершением отдельных таможенных операций, исхожу из необходимости конкретизировать момент осуществления вывоза и ввоза товаров при следовании воздушным транспортом.

В силу пункта 2 статьи 10 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза местами перемещения товаров через таможенную границу Союза являются пункты пропуска через государственные границы государств-членов либо иные места, определенные в соответствии с законодательством государств-членов.

Анализ законодательства государств - членов о государственной границе свидетельствует о том, что под пунктом пропуска через государственную границу понимается, в том числе территория в пределах аэропорта, открытого для международных сообщений (международных полетов), где в соответствии с законодательством государства-члена осуществляется пропуск через государственную границу лиц, транспортных средств, грузов, товаров и животных (статья 1 Закона Республики Беларусь от 21 июля 2008 года № 419-З «О Государственной границе Республики Беларусь», статья 2 Закона Республики Казахстан от 16 января 2013 года № 70-V «О Государственной границе Республики Казахстан», статья 1 Закона Кыргызской Республики от 16 мая 2015 года № 98 «О Государственной границе Кыргызской Республики», статья 9 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 года № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»).

Изложенное свидетельствует о том, что пункты пропуска через государственную границу могут не располагаться на таможенной границе, а находиться на территории международного аэропорта.

При таких обстоятельствах при перевозке воздушным транспортом товары перемещаются через таможенную границу Союза в пункте пропуска, расположенном в международном аэропорту, и именно с этого момента в отношении указанных товаров не применяются нормы о свободном перемещении между территориями государств-членов, и они являются объектом единого таможенного регулирования.

В силу пункта 1 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза одним из элементов единого таможенного регулирования является таможенное декларирование. Подпунктом 35 пункта 1 статьи 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза предусмотрено, что таможенное декларирование – это заявление таможенному органу с использованием таможенной декларации сведений о товарах, об избранной таможенной процедуре и (или) иных сведений, необходимых для выпуска товаров, то есть предоставление таможенному органу заполненной письменной таможенной декларации.

В соответствии с пунктом 2 статьи 256 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза положения главы 37 «Особенности порядка и условий перемещения через таможенную границу Союза товаров для личного пользования» данного Кодекса применяются в отношении наличных денежных средств, перемещаемых физическими лицами через таможенную границу Союза.

Особенности таможенного декларирования товаров для личного пользования определены статьей 260 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. В соответствии с подпунктом 7 пункта 1 данной статьи таможенному декларированию подлежат наличные денежные средства, если их общая сумма при одновременном ввозе на таможенную территорию Союза или одновременном вывозе с таможенной территории Союза превышает сумму, эквивалентную 10 000 долларов США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу пассажирской таможенной декларации.

Применение данной правовой нормы к вопросу, поставленному Министерством национальной экономики, позволяет сделать вывод, что в случае, если сумма наличных денежных средств, которая одновременно перемещается физическим лицом через таможенную границу Союза, превышает в эквиваленте 10 000 долларов США, пересечение таможенной границы Союза влечет обязанность письменного декларирования всей суммы наличных денежных средств.

6. Поскольку заявитель, излагая ситуацию, произошедшую с гражданином Республики Казахстан, указал, что ему предъявлялось требование о представлении пассажирской таможенной декларации, удостоверенной таможенным органом третьего государства, считаю целесообразным отметить следующее.

Перечень документов, подлежащих представлению таможенному органу государства – члена Союза при таможенном декларировании товаров для личного пользования, определен в пункте 1 статьи 261 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. Данный перечень является исчерпывающим и не включает требования о представлении пассажирской таможенной декларации на вывоз наличных денежных средств из третьего государства.

Осуществление или неосуществление государством, не являющимся членом Союза, мероприятий по пограничному контролю в отношении лица, прибывшего на его территорию с целью дальнейшего перемещения воздушным транспортом в иное государство, а также предъявление или непредъявление к нему требований о таможенном декларировании наличных денежных средств является предметом регулирования национального законодательства соответствующего государства или интеграционного объединения, и их неисполнение не влечет правовых последствий с точки зрения права Союза. Ни право Союза, ни законодательство государств-членов не содержат норм, устанавливающих ответственность за несоблюдение требований законодательства иного государства или интеграционного объединения.

Кроме того, подходы различных государств и интеграционных объединений к вопросу о необходимости декларирования наличных денежных средств при следовании через их территорию в иное государство, в том числе в случае нахождения лица, перемещающего наличные денежные средства, в транзитной (трансферной) зоне международного аэропорта,

различны. В силу пункта 2 статьи 260 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза не подлежат таможенному декларированию наличные денежные средства и (или) дорожные чеки, если их общая сумма при единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза превышает сумму, эквивалентную 10 000 долларов США, перемещаемые в сопровождаемом багаже физического лица, следующего воздушным транспортом транзитом через таможенную территорию Союза, если такое лицо после прибытия на таможенную территорию Союза, не покидая транзитной (трансферной) зоны международного аэропорта, убывает с таможенной территории Союза. Иная позиция свойственна праву Европейского Союза (далее – ЕС). Согласно статье 3(1) Регламента № 1889/2005 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О контроле за ввозом в ЕС и вывозом из ЕС наличных денежных средств» в толковании Суда Европейского Союза в решении от 4 мая 2017 года по делу C-17/16 *El Dakkak* любое физическое лицо, которое въезжает в ЕС или выезжает из ЕС, и вывозит наличные денежные средства в сумме 10 000 евро или больше, должно декларировать эту сумму компетентным органам власти государства – члена ЕС, через которое это лицо въезжает в ЕС, независимо от нахождения на территории ЕС исключительно в транзитной (трансферной) зоне международного аэропорта.

7. Учитывая, что в заявлении Министерства национальной экономики указано на непризнание таможенным органом Республики Беларусь пассажирской таможенной декларации, удостоверенной таможенным органом Республики Казахстан, полагаю, что в контексте поставленного вопроса подлежат истолкованию нормы права Союза о взаимном признании решений таможенных органов государств – членов Союза. Поскольку соответствующие нормы, содержащиеся в Таможенном кодексе Таможенного союза, действовавшем в период, когда имела место ситуация, описанная в заявлении, и в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, отличны по своему содержанию, исхожу из необходимости уяснения и ранее действовавших правовых норм, и положений действующего права Союза.

В соответствии со статьей 125 Таможенного кодекса Таможенного союза решения таможенных органов, принятые при совершении таможенных операций в отношении товаров, в том числе ввозимых на таможенную территорию таможенного союза либо вывозимых за ее пределы, находящихся под таможенным контролем, перевозимых по таможенной территории таможенного союза в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита, взаимно признавались таможенными органами государств – членов таможенного союза и имели равную юридическую силу.

В силу пунктов 1, 2 статьи 96, пункта 3 статьи 150 и статьи 151 Таможенного кодекса Таможенного союза наличные денежные средства, перемещаемые

через таможенную границу, находились под таможенным контролем исключительно в местах перемещения через таможенную границу, к числу которых относились и пункты пропуска через государственную границу, расположенные в пределах международных аэропортов. Таким образом, с момента вывоза наличных денежных средств через пункт пропуска, расположенный в международном аэропорту государства-члена и до их ввоза через пункт пропуска, расположенный в международном аэропорту другого государства-члена, наличные денежные средства не находились под таможенным контролем.

Согласно пункту 4 статьи 354 Таможенного кодекса Таможенного союза товары для личного пользования при перемещении через таможенную границу подлежали таможенному декларированию в соответствии со статьей 355 данного Кодекса и выпуску для личного пользования без помещения под таможенные процедуры. Применение данной правовой нормы к правовому регулированию перемещения наличных денежных средств свидетельствует о том, что последние при перемещении через таможенную границу не подлежали помещению под таможенные процедуры, включая таможенную процедуру таможенного транзита.

С учетом изложенного выражаю мнение, что в соответствии с положениями Таможенного кодекса Таможенного союза к наличным денежным средствам, перемещаемым через таможенную границу при следовании из одного государства – члена Союза в другое государство-член через территорию третьего государства неприменимы правила о взаимном признании решений таможенных органов.

Аналогичный вывод следует и из толкования положений Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

В соответствии со статьей 357 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза решения таможенных органов, принятые при совершении таможенных операций, и результаты проведения таможенного контроля, оформленные в установленном порядке, взаимно признаются в государствах-членах и имеют равную юридическую силу на таможенной территории Союза, за исключением случаев, установленных данным Кодексом.

Телеологическое толкование указанной статьи свидетельствует о том, что норма о взаимном признании решений таможенных органов имеет своей целью правовую регламентацию таможенных процедур и связанных с ними таможенных операций, которые носят длящийся характер и совершаются таможенными органами разных государств – членов Союза. При этом для таможенных органов одного государства-члена имеют правовое значение решения, принятые таможенным органом другого государства-члена.

Действия физического лица по перемещению товаров, в том числе наличных денежных средств, через таможенную границу Союза не являются тамо-

женной процедурой, исчерпывающий перечень которых определен пунктом 2 статьи 127 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

Из содержания подпункта 7 пункта 1 статьи 260 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, устанавливающего условия, при которых на физическое лицо возложена обязанность по таможенному декларированию наличных денежных средств, следует, что таможенное декларирование при единовременном ввозе наличных денежных средств на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза представляет собой самостоятельную таможенную операцию, при совершении каждой из которых таможенный орган принимает отдельное самостоятельное решение. Данный вывод согласуется с позицией, изложенной в пункте 5.3 настоящего особого мнения, согласно которой действия по вывозу наличных денежных средств являются окончанными в момент пересечения таможенной границы Союза.

Для таможенного органа государства-члена, в котором осуществляется пересечение таможенной границы Союза и ввоз наличных денежных средств, не имеет правового значения таможенное декларирование при вывозе данных денежных средств. Перечисленные обстоятельства исключают взаимное признание решений таможенных органов.

В развитие позиции о неприменении статьи 357 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза о взаимном признании решений таможенных органов к рассматриваемой ситуации, считаю необходимым также учитывать вывод, сделанный ранее при толковании статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, согласно которому с момента перемещения через пункт пропуска в международном аэропорту вылета наличные денежные средства не находятся под таможенным контролем, а, значит, результаты контроля, осуществленного таможенным органом одного государства-члена, не влияют на обязанность лица произвести декларирование наличных денежных средств при их ввозе на территорию другого государства-члена и на право таможенного органа данного государства осуществить таможенный контроль.

8. Так как заявитель сослался на «перемещение наличных денежных средств транзитом через территорию государства, не являющегося членом Союза», полагаю обоснованным установить допустимость применения таможенной процедуры таможенного транзита при перемещении наличных денежных средств из одного государства – члена Союза в другое государство-член через территорию третьего государства.

Для оценки правового регулирования, действовавшего в период, когда имела место ситуация, изложенная в заявлении Министерства национальной экономики, то есть до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, необходимо обратиться к нормам Соглашения о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования

через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском, от 18 июня 2010 года. В силу пункта 1 статьи 9 данного Соглашения под таможенную процедуру таможенного транзита могли помещаться товары для личного пользования, перемещаемые в сопровождаемом багаже, такие как: транспортные средства для личного пользования, не зарегистрированные на таможенной территории Таможенного союза и территории иностранного государства; товары для личного пользования, в отношении которых предоставляется освобождение от уплаты таможенных платежей в соответствии с пунктами 3 – 10 раздела I Приложения 3 к данному Соглашению при их перемещении от места прибытия до таможенного органа, в регионе деятельности которого постоянно или временно проживает физическое лицо. Анализ Приложения 3 к Соглашению показывает, что наличные денежные средства не относились к числу товаров, в отношении которых предоставлялось освобождение от уплаты таможенных платежей.

Из систематического толкования перечисленных правовых норм следует, что в период до вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, процедура таможенного транзита не применялась в отношении наличных денежных средств, перемещаемых в сопровождаемом багаже.

Аналогичный вывод следует и из уяснения содержания норм Таможенного кодекса Евразийского экономического союза. Пункт 1 статьи 263 данного Кодекса содержит исчерпывающий перечень товаров для личного пользования, перемещаемых через таможенную границу Союза в сопровождаемом багаже, которые могут помещаться под таможенную процедуру таможенного транзита для перевозки по таможенной территории Союза.

Буквальное толкование данной правовой нормы свидетельствует, что в отношении товаров для личного пользования, перемещаемых в сопровождаемом багаже, таможенная процедура таможенного транзита применима только при их перемещении по таможенной территории Союза, но не при следовании из одного государства – члена Союза в другое государство-член через территорию третьего государства.

9. Вопрос заявителя о наличии или отсутствии зависимости между обязанностью по таможенному декларированию наличных денежных средств, перемещаемых из одного государства – члена Союза в другое через третье государство, и нахождением лица, перемещающего указанные денежные средства, в транзитной (трансферной) зоне аэропорта третьего государства, требует уяснения и анализа международно-правовых норм и стандартов, регламентирующих статус транзитных (трансферных) зон, в частности, Конвенции о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 года и Приложения 9 к данной Конвенции.

Согласно статье 32 Договора о Союзе единое таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Таможенным кодексом Евразийского

экономического союза и регулируемыми таможенными правоотношениями международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями данного Договора. Аналогичная правовая позиция закреплена в пункте 2 статьи 1 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза.

В решении Апелляционной палаты Суда Союза от 21 июня 2016 года по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт» Суд Союза сформулировал позицию, согласно которой международный договор, не являющийся международным договором в рамках Союза или международным договором Союза с третьей стороной, подлежит применению в рамках Союза при наличии двух кумулятивных условий: все государства – члены Союза являются участниками международного договора; сфера действия международного договора относится к области единой политики в рамках Союза (абзац 11 пункта 5.1.1).

Уяснение содержания статей 6 и 32 Договора о Союзе с учетом правовой позиции Суда Союза, высказанной в решении Апелляционной палаты по заявлению ЗАО «Дженерал Фрейт», свидетельствует о том, что в сфере таможенного регулирования, помимо Договора о Союзе, Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а также международных договоров в рамках Союза и международных договоров Союза с третьей стороной, регулирующих таможенные правоотношения, применяются международные договоры, участниками которых являются все государства-члены Союза и которые посвящены вопросам таможенных правоотношений, как находящимся в пределах сферы, отнесенной к единой политике в рамках Союза.

Участниками Конвенции о международной гражданской авиации являются все государства – члены Союза.

Согласно преамбуле к Конвенции о международной гражданской авиации целью ее принятия являлось развитие международной гражданской авиации, а также сотрудничество между нациями и народами в данной области.

Анализ Конвенции о международной гражданской авиации свидетельствует, что в сферу ее регулирования входит организация международного сообщения и использования воздушного пространства, общие вопросы организации международных полетов воздушных судов, а также деятельность Международной организации гражданской авиации.

Приложение 9 к Конвенции о международной гражданской авиации посвящено упрощению формальностей при прибытии и вылете воздушных судов, осуществлению международных авиационных перевозок пассажиров, багажа и грузов.

Из изложенного следует, что Конвенция о международной гражданской авиации и Приложение 9 к ней не регулируют таможенные правоотношения и, следовательно, не могут рассматриваться в качестве источника таможенного

регулирования в Союзе. Более того, нормы указанных международно-правовых актов возлагают обязанности лишь на договаривающиеся государства и не обладают свойством прямого действия, в связи с чем они не могут использоваться для установления обязательств физического лица.

По вопросам, связанным с регулированием таможенных правоотношений, Приложение 9 к Конвенции о международной гражданской авиации содержит отсылочные нормы к актам Всемирной таможенной организации либо прямо включает нормы, принятые Всемирной таможенной организацией. Так в силу пункта 2.3 раздела «А» главы II данного Приложения рекомендуемой практикой, направленной на эффективное оформление прибывающих или вылетающих воздушных судов, является оформление государствами и авиакомпаниями, осуществляющими международные перевозки в это государство, меморандумов о взаимопонимании на основе применимых типовых документов, разработанных для этой цели Всемирной таможенной организацией. Добавление 6 к Приложению 9 к Конвенции о международной гражданской авиации, являющееся составной частью Приложения 9, воспроизводит Рекомендацию Совета таможенного сотрудничества (в настоящее время Всемирная таможенная организация) «Об упрощении таможенного контроля авиапассажиров на основе двухканальной системы» от 8 июня 1971 года.

При таких обстоятельствах прихожу к выводу, что правоотношения, связанные с ввозом товаров на таможенную территорию Союза и вывозом товаров с таможенной территории Союза, подлежат регулированию исключительно правом Союза.

Одновременно отмечаю, что в силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суда при осуществлении правосудия Суд применяет общепризнанные принципы и нормы международного права, к числу которых в контексте рассматриваемого вопроса относится Конвенция о международной гражданской авиации, а также Приложения к ней.

В соответствии с подпунктом «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года для целей толкования международного договора наряду с контекстом учитываются любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками.

При таких обстоятельствах Конвенция о международной гражданской авиации и Приложения могут применяться Судом Союза в качестве вспомогательного средства толкования для уяснения понятий, связанных с осуществлением международных авиационных перевозок.

Согласно статье 1 Конвенции о международной гражданской авиации договаривающиеся государства признают, что каждое государство обладает полным и исключительным суверенитетом над воздушным пространством над своей территорией. В силу статьи 2 Конвенции под территорией государства

понимаются сухопутные территории и прилегающие к ним территориальные воды, находящиеся под суверенитетом, сюзеренитетом, протекторатом или мандатом данного государства.

В соответствии со статьей 13 Конвенции о международной гражданской авиации и разделом «А» главы I Приложения 9 к ней допуск на территорию договаривающегося государства или отправление с его территории через международный аэропорт экипажа, пассажиров или груза воздушных судов, включая въезд, выпуск, иммиграцию, паспортный и таможенный контроль, регулируется законодательством соответствующего государства.

Из указанных правовых норм следует, что государства обладают безусловным суверенитетом в отношении своей территории и воздушного пространства над ней. С момента посадки воздушного судна в международном аэропорту государства, то есть на территории данного государства, и до момента его отбытия из международного аэропорта в отношении экипажа и пассажиров воздушного судна действуют правила, установленные законодательством соответствующего государства, в том числе в части паспортного и таможенного контроля.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что пребывание гражданина Республики Казахстан в транзитной (трансферной) зоне международного аэропорта третьего государства свидетельствует о его нахождении на территории данного государства.

10. Следуя подходу о толковании *in concreto* применительно к ситуации привлечения гражданина Республики Казахстан к административной ответственности, предусмотренной частью 2 статьи 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, с конфискацией денежных средств в сумме, превышающей 10 000 долларов США, считаю необходимым изложить следующую позицию.

При истолковании Судом Союза в пункте 7 консультативного заключения универсальных международных договоров и актов международных организаций (Резолюций Генеральной ассамблеи ООН, Рекомендаций Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) в первую очередь необходимо было изложить правовую позицию не только о применении государствами мер по выявлению перемещения наличных денежных средств и соответствующих оборотных инструментов через границы государств и мер по контролю за таким перемещением, но и о необходимости соблюдения гарантий и отсутствия препятствий перемещению законного капитала, а также об обеспечении баланса публичных интересов и интересов физических лиц.

Вступление государств-членов в Евразийский экономический союз и обусловленная этим передача части полномочий на наднациональный уровень не освобождает их от обязательств, ранее принятых на основании иных международных договоров.

О том, что государства – члены Союза приняли на себя обязательство по соблюдению и имплементации норм международного универсального права свидетельствует пункт 17 статьи 260 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а ранее статьи 6 Договора о порядке перемещения денежных средств, согласно которым при единовременном вывозе и ввозе наличных денежных средств в сумме свыше 10 000 долларов США в пассажирской таможенной декларации указываются обязательные сведения в целях обеспечения противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.

При несоблюдении вышеуказанных норм международными стандартами предусмотрено, что лица, которые подают ложную декларацию или делают ложное заявление, должны подлежать эффективным, соразмерным и сдерживающим санкциям (уголовным, гражданским и административным).

Преамбулой Договора о Союзе предусмотрено его учреждение на основе соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Право частной собственности гарантировано Конституциями всех государств – членов Союза (статья 31 Конституции Республики Армения, статья 26 Конституции Республики Казахстан, пункт 1 статьи 42 Конституции Кыргызской Республики, статья 44 Конституции Республики Беларусь, статья 35 Конституции Российской Федерации), что соотносится с пунктом 1 статьи 17 Всеобщей декларации прав человека.

В силу подпункта 1 пункта 50 Статута Суда Суд Союза при осуществлении правосудия, которое включает и предоставление консультативного заключения, применяет общепризнанные принципы и нормы международного права. В связи с изложенным представляется обоснованным вывод, согласно которому при вынесении судебного акта целесообразно основываться на общих конституционных традициях государств – членов Союза, а также международных соглашениях о защите прав человека. Подобный подход обеспечивает защиту основных прав человека на уровне эквивалентном тому, что обеспечивается в соответствии с общепризнанными принципами международного права и конституционными нормами государств – членов Союза.

Соблюдению права Союза способствует установление государствами – членами Союза санкций, которые являются в достаточной мере эффективным инструментом, направленным на предотвращение нарушения, и одновременно согласуются с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также с принципом верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина.

В законодательстве ряда государств – членов Союза в качестве одной из возможных санкций за неосуществление письменного декларирования подлежащих декларированию наличных денежных средств и (или) денежных ин-

струментов предусмотрена конфискация предмета административного правонарушения.

Установление административной ответственности в виде конфискации предмета административного правонарушения затрагивает осуществление права собственности.

Оценка соответствия санкции в виде конфискации предмета административного правонарушения общепризнанным принципам международного права, а также конституционным правам и свободам человека и гражданина обуславливает необходимость соблюдения принципов справедливости и пропорциональности при назначении соответствующей санкции. Следование названным принципам направлено, с одной стороны, на достижение баланса между требованиями защиты общественного и государственного интереса, а с другой, на обеспечение защиты прав человека. Такой баланс недостижим в ситуации, когда на виновное лицо возлагается чрезмерное бремя, то есть когда мера ответственности строже, чем это необходимо для достижения соответствующей цели.

Одним из способов обеспечения пропорциональности является установление в национальном праве дифференцированной санкции за административное правонарушение, допускающей индивидуализацию наказания посредством применения как штрафа, так и конфискации предмета административного правонарушения. К подобному выводу пришел и Конституционный Суд Российской Федерации в определениях от 29 сентября 2015 года № 1877-О, от 23 апреля 2015 года № 906-О, от 6 ноября 2014 года № 2477-О.

Санкция части 2 статьи 14.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях в редакции Закона Республики Беларусь от 8 января 2018 года № 95-З предусматривает либо наложение штрафа с конфискацией незадекларированных наличных денежных средств и (или) дорожных чеков в части превышения над суммой, перемещение которой через таможенную границу Союза допускается без таможенного декларирования, либо без таковой. Данная норма права позволяет правоприменителю соблюсти баланс интересов общества и государства, а также прав физического лица, привлекаемого к административной ответственности, учесть характер совершенного правонарушения и его общественную опасность, личность виновного, наличие квалифицирующих обстоятельств.

Исходя из пункта 7 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, а также Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 года, принцип невмешательства во внутренние дела государств распространяется как на другие государства или группы государств, так и на международные органи-

зации. Последние компетентны выполнять свои функции лишь в том объеме полномочий, который передан им государствами-членами.

Поскольку компетенция Суда Союза исчерпывающе определена в пункте 39 Статута Суда, оценка пропорциональности санкции за несоблюдение права Союза, примененной уполномоченным органом государства-члена при рассмотрении конкретного дела, не может входить в круг его полномочий.

11. На основании изложенного считаю, что Большой коллегии Суда исходя из уяснения действующих норм права Союза надлежало сформулировать в консультативном заключении следующие выводы:

11.1. Норма подпункта 5 пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе о свободном перемещении товаров между территориями государств-членов без осуществления таможенного декларирования неприменима к ситуации, когда наличные денежные средства в сумме, превышающей в эквиваленте 10 000 долларов США, одновременно перемещаются с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства-члена воздушным транспортом с нахождением (посадкой) воздушного судна на территории третьего государства и нахождением физического лица, перемещающего наличные денежные средства, в транзитной (трансферной) зоне международного аэропорта третьего государства.

11.2. Одновременное перемещение наличных денежных средств в сумме, превышающей в эквиваленте 10 000 долларов США, с территории одного государства – члена Союза на территорию другого государства-члена воздушным транспортом через территорию третьего государства, не являющегося членом Союза, с пребыванием физического лица, перемещающего наличные денежные средства в транзитной (трансферной) зоне международного аэропорта третьего государства, является основанием для обязательного письменного декларирования наличных денежных средств.

Судья Суда Евразийского
экономического союза

К.Л. Чайка

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Министерства национальной экономики Республики Казахстан
№ СЕ-2-1/3-18-БК

Ключевые слова:

Министерство национальной экономики Республики Казахстан (государство – член Союза).

О разъяснении положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года.

Функционирование таможенного союза – свободное перемещение товаров между территориями государств-членов – таможенное декларирование и государственный контроль – декларирование физическими лицами наличной валюты – перемещение денежных средств через территорию государств - членов ЕАЭС; ввоз и вывоз наличных денежных средств – транзит через территорию третьих стран – нахождение в трансферной зоне аэропорта; нахождение в транзитной зоне аэропорта.

Статья 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года – Договор о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года.

Консультативное заключение – разъяснение положений международного договора, устанавливающего порядок перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу ЕАЭС – особое мнение.

Описание:

Министерство национальной экономики Республики Казахстан обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении применения положений статьи 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Договора о порядке перемещения физическими лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 5 июля 2010 года.

Заявитель просил разъяснить возможность и (или) необходимость декларирования физическими лицами наличной валюты свыше 10 тысяч долларов США при перемещении воздушным транспортом с территории одного государства-члена Евразийского экономического союза на территорию другого государства-члена Евразийского экономического союза транзитом через тер-

риторию третьих стран в случае, если физическое лицо находилось в трансферной зоне.

15 октября 2018 года Большая коллегия Суда предоставила консультативное заключение, указав, что норма подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе о свободном перемещении товаров между территориями государств - членов без осуществления таможенного декларирования товаров и государственного контроля применяется при условии, что свободное перемещение товаров, в том числе валюты и валютных ценностей, осуществляется непосредственно между территориями государств - членов Союза. Соответственно, в случае, если имеет место вывоз/ввоз наличных денежных средств физическим лицом, хотя и следующим из одного государства-члена Союза в другое (другие) государство - член Союза, однако совершающим остановку в транзитной зоне международного аэропорта третьего государства, данная норма не подлежит применению.

Суд пришел к выводу, что положения Договора от 5 июля 2010 года устанавливали обязанность таможенного декларирования наличных денежных средств и (или) дорожных чеков, если их сумма при единовременном ввозе на таможенную территорию Союза или единовременном вывозе с таможенной территории Союза превышала сумму, эквивалентную 10 тысячам долларов США, а также денежных инструментов, за исключением дорожных чеков, в том числе при следовании транзитом через трансферные зоны международных аэропортов третьих государств. Схожая норма установлена и статьёй 260 Таможенного кодекса ЕАЭС, вступившего в силу 1 января 2018 года.

К консультативному заключению Суда заявлено особое мнение судьи Чайки К.Л.

Правовые позиции Большой коллегии Суда:

1. Норма подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора о Союзе применяется при условии, что свободное перемещение товаров, в том числе валюты, валютных ценностей, осуществляется непосредственно между территориями государств - членов Союза.

(см. абзац 3 пункта 3 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

2. Перемещение физическими лицами наличных денежных средств между территориями государств-членов исключает обязанность их таможенного декларирования при соблюдении следующих условий:

перемещение наличных денежных средств осуществляется между территориями государств - членов Союза в пределах единой таможенной территории Союза;

перемещение наличных денежных средств воздушным, водным видами транспорта между территориями государств - членов Союза осуществляется транзитом через государство, не являющееся членом Союза, без совершения

остановки (посадки, пересадки), захода водного судна в порт третьего государства.

При этом перемещение наличных денежных средств воздушным или водным транспортом между двумя государствами - членами Союза без совершения остановки в третьем государстве не является вывозом с таможенной территории Союза и ввозом на данную территорию по смыслу положений главы 49 «Особенности перемещения товаров для личного пользования» ТК ТС и соответствующих положений ТК ЕАЭС.

(см. абзацы 6, 7 пункта 3 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

3. В случае, если имеет место вывоз/ввоз наличных денежных средств физическим лицом, хотя и следующим из одного государства - члена Союза в другое (другие) государство - член Союза, однако совершающим остановку в транзитной, трансферной зоне международного аэропорта третьего государства, норма подпункта 5) пункта 1 статьи 25 Договора от 29 мая 2014 года в отношении указанного лица не подлежит применению.

(см. абзац 8 пункта 3 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

4. Для обязательного декларирования наличных денежных средств и (или) дорожных чеков при наличии критериев, установленных абзацем третьим пункта 1 статьи 4 и абзацем третьим пункта 1 статьи 3 Договора от 5 июля 2010 года, имеет значение фактическое пересечение лицом таможенной границы таможенного союза при следовании из одного государства - члена Союза (включая воздушный транспорт) в другое государство - член Союза, включая остановку в трансферных зонах международных аэропортов третьих государств.

(см. абзац 5 пункта 4 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

5. Обязанность по декларированию наличных денежных средств и (или) дорожных чеков, установленная в статье 260 ТК ЕАЭС, распространяется на физических лиц, перемещающих наличные денежные средства и (или) дорожные чеки в сумме, превышающей в эквиваленте 10 тысяч долларов США, между государствами - членами Союза через третьи государства в случаях, если имело место пересечение таможенной границы Союза, в том числе при следовании физических лиц транзитом через трансферные зоны международных аэропортов третьих государств.

(см. абзацы 3-4 пункта 8 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

6. При выявлении нарушений порядка перемещения наличных денежных средств и (или) дорожных чеков необходимо соблюдать принцип пропорциональности санкций при решении вопроса о привлечении лица к административной или уголовной ответственности.

(см. абзац 10 пункта 7 раздела IV Выводы Консультативного заключения)

**Case summary
on the clarification based on the application filed
by the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan
No.CE-2-1/3-18-БК**

Keywords:

Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan (Member State of the Union).

Clarification of provisions of Article 25 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 and of the Treaty on the procedure of movement of cash and (or) monetary instruments by natural persons across the customs border of the Customs Union dated July 5, 2010.

Functioning of the Customs Union – free movement of goods between the territories of the Member States – customs declaration and government control – declaration of cash currency by natural persons – movement of monetary assets across the territory of the EAEU Member States; import and export of cash – transit through the territory of third countries – stay in the transfer zone of the airport; stay in the transit zone of the airport.

Article 25 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 - Treaty on the procedure of movement of cash and (or) monetary instruments by natural persons across the customs border of the Customs Union dated July 5, 2010.

Advisory opinion – clarification of the provisions of the international treaty establishing the procedure for movement by the individuals of cash and (or) monetary instruments across the customs border of the EAEU – a separate opinion.

Substance of the case:

The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan applied to the Court of the Eurasian Economic Union asking for clarification of application of provisions of Article 25 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 and of the Treaty on the procedure of movement of cash and (or) monetary instruments by natural persons across the customs border of the Customs Union dated July 5, 2010.

The applicant asked to clarify the possibility and (or) the need to declare by the natural persons cash in the amount exceeding USD 10,000 in case of movement by air from one Member State of the Eurasian Economic Union to another Member State of the Eurasian Economic Union in transit through the territory of third countries provided that a natural person stayed in the transfer zone.

On October 15, 2018 the Grand Chamber of the Court submitted an advisory opinion and determined that the rule of paragraph 1 (5) of Article 25 of the Treaty on the Union regarding free movement of goods between the Member States without the

use of customs declarations and state control is applied only in case free movement of the goods, including cash currency and foreign currency assets, is carried out directly between the territories of the Member States of the Union. Consequently, in case a natural person moving from one Member State to another (other) Member State(s) of the Union and making a stop in the transit zone of the international airport of a third country exports/imports cash, this rule does not apply.

The Court came to the conclusion that the provisions of the Treaty dated July 5, 2010 established an obligation to declare cash and (or) traveller's cheques in case their amount while importing into the customs territory of the Union or exporting from the customs territory of the Union exceeded the amount equivalent to USD 10,000. They also established an obligation to declare monetary instruments, except for the traveller's cheques, including during transit through transfer zones of international airports of third countries. A similar rule is set by Article 260 of the Customs Code of the EAEU, which became effective on January 1, 2018.

A separate opinion of Judge K.L. Chayka is attached to the Court's advisory opinion.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The rule of paragraph 1 (5) of Article 25 of the Treaty on the Union is applied provided that free movement of the goods, including cash currency, foreign currency assets is carried out directly between the territories of the Member States of the Union.
(*see subparagraph 3, paragraph 3, part IV "Findings" of the Advisory Opinion*)

2. Movement of cash by natural persons between the territories of the Member States excludes the obligation of their customs declaring procedure provided that the following conditions are observed:

movement of cash is carried out between the Member States within common customs territory of the Union;

movement of cash by air or water transport between the Member States of the Union is carried out in transit through a state which is not a member of the Union without making a stop (boarding, transfer), vessel call at the port of a third country.

At the same time, movement of cash by air or water transport between two Member States of the Union without making a stop in a third country is not considered to be export from the customs territory of the Union and import to this territory within the meaning of the provisions of Chapter 49 "Particulars of Moving of Goods for Personal Use" of the Customs Code of the Customs Union and the relevant provisions of the Customs Code of the EAEU.

(*see subparagraphs 6, 7 of paragraph 3, section IV "Findings" of the Advisory Opinion*)

3. In case a natural person moving from one Member State to another (other) Member State(s) of the Union and making a stop in the transit, transfer zone of

an international airport of a third country exports/imports cash, the rule of paragraph 1(5) of Article 25 of the Treaty dated May 29, 2014 is not applicable to the said person.

(see subparagraph 8, paragraph 3, section IV “Findings” of the Advisory Opinion)

4. For the purpose of obligatory declaration of cash and (or) traveller’s cheques provided that there exist criteria set out in subparagraph 3 of paragraph 1 of Article 4 and subparagraph 3 of paragraph 1 of Article 3 of the Treaty dated July 5, 2010, actual crossing by a natural person of customs border of the Customs Union while traveling from one Member State of the Union (including by air) to another Member State of the Union, including stop over in transfer zones of international airports of third countries is relevant.

(see subparagraph 5, paragraph 4, section IV “Findings” of the Advisory Opinion)

5. An obligation to declare physical cash and (or) traveller’s cheques is established in Article 260 of the Customs Code of the EEU, and is applied to natural persons moving physical cash and (or) traveller’s cheques in the amount exceeding the equivalent of USD 10,000 between the Member States of the Union through third countries in cases when crossing of the customs border of the Union took place, including in the event natural persons move in transit through transfer zones of international airports of third countries.

(see subparagraphs 3-4, paragraph 8, section IV “Findings” of the Advisory Opinion)

6. In case violations in the procedure of movement of cash and (or) traveller’s cheques are identified, it is necessary to observe the principle of sanction proportionality in the course of settlement of an issue on imposition of administrative or criminal sanctions on the natural person.

(see subparagraph 10, paragraph 7, section IV “Findings” of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

07 июня 2018 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н.,

под председательством судьи-докладчика Баишева Ж.Н.,

при секретаре судебного заседания Абдуллиной Г.Б.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» о признании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и оформленных письмом Евразийской экономической комиссии от 12 декабря 2017 года № 13-887, не соответствующими Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающими права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

Общество с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (далее – ООО «Ойл Марин Групп», заявитель, общество) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и оформленных письмом Евразийской экономической комиссии от 12 декабря 2017 года № 13-887, не соответствующими Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающими права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Заявитель указал, что в соответствии с подпунктом 7.1.6 Решения Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» (далее – Решение КТС № 130) плавучие суда, регистрируемые в международных

реестрах судов, установленных законодательством государств – участников Таможенного союза, освобождаются от уплаты ввозных таможенных пошлин. Решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 года № 728 утвержден порядок применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза (далее – Порядок). Однако, указанные решения Комиссии Таможенного союза не применяются на территории Евразийского союза единообразно, в связи с чем созданы препятствия для реализации ООО «Ойл Марин Групп» права на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов, предоставленных подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130. Обществу обратилось в Коллегию Евразийской экономической комиссии с заявлением о нарушении Российской Федерацией прав на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов, предоставленных подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130. Письмом от 12 декабря 2017 года № 13-887 Евразийская экономическая комиссия сообщила заявителю, что рассмотрение обращения по существу не относится к компетенции Евразийской экономической комиссии. Указанный ответ ООО «Ойл Марин Групп» расценивает в качестве действий, выразившихся в отказе Евразийской экономической комиссии в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, оформленных письмом Евразийской экономической комиссии от 12 декабря 2017 года № 13-887.

Рассмотрев заявление ООО «Ойл Марин Групп», а также прилагаемые к нему документы, заслушав судью-докладчика, Коллегия Суда считает, что заявление подлежит принятию к производству по следующим основаниям.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (Приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) (далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, в том числе по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

В заявлении ООО «Ойл Марин Групп» указывает, что, по его мнению, действия Евразийской экономической комиссии, выразившиеся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и оформленные письмом Евразийской экономической комиссии от 12 декабря 2017 года № 13-887, повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пунктом 43 Статута Суда установлено, что спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами, предусмотренными Договором и международными договорами в рамках Союза, за исключением случаев, прямо предусмотренных Договором.

В заявлении ООО «Ойл Марин Групп» указано, а также из приложенных к заявлению документов следует, что заявитель обращался в Коллегию Евразийской экономической комиссии, а Евразийская экономическая комиссия письмом от 12 декабря 2017 года № 13-887 ответила на обращение, то есть досудебный порядок урегулирования спора заявителем соблюден.

Заявление общества, а также приложенные к нему документы *prima facie* отвечают требованиям статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент).

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 39, 43 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента, Коллегия Суда

ПО С Т А Н О В И Л А:

Принять к производству заявление общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» о признании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза и оформленных письмом Евразийской экономической комиссии от 12 декабря 2017 года № 13-887, не соответствующими Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающими права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 12 июля 2018 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию постановления направить сторонам по делу.
Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

11 октября 2018 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., при секретаре судебного заседания Захарове А.Ю., с участием:

представителей истца Гичевой Д.А., Лутченко Д.Н., Соловьева Ю.Г., представителей ответчика Гордеева А.С., Киризева Р.О., Лоцманова А.В., Наумова А.А., Потаповой И.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (Российская Федерация) к Евразийской экономической комиссии о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, не соответствующим Положению о Евразийской экономической комиссии и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, исследовав материалы дела,

УСТАНОВИЛА:

I. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (далее – ООО «Ойл Марин Групп», истец, общество) обратилось 31 мая 2018 года в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании действий Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, ответчик), выразившихся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), не соответствующими Положению о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Положение о Комиссии) и нарушающими права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В судебном заседании 20 сентября 2018 года истец уточнил свои требования

и просил Суд признать бездействие Комиссии, выразившееся в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, не соответствующим Положению о Комиссии и нарушающим права и законные интересы общества в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (далее – заявление).

Общество указало, что в соответствии с подпунктом 7.1.6 решения Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» (далее – Решение КТС № 130) плавучие суда, регистрируемые в международных реестрах судов, установленных законодательством государств – участников Таможенного союза, освобождаются от уплаты ввозных таможенных пошлин.

Решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 года № 728 утвержден Порядок применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза (далее – Порядок). Однако указанные решения Комиссии Таможенного союза применяются на территории Союза неединообразно, в связи с немотивированным изменением правоприменительной практики, что создало препятствия для реализации ООО «Ойл Марин Групп» права на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов, предоставленного подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130.

Как следует из материалов дела, ООО «Ойл Марин Групп» обратилось в Комиссию с заявлением о нарушении таможенными и судебными органами Российской Федерации прав на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов, предоставленных подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130, ссылаясь, в том числе, на полномочия Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомлению государств-членов о необходимости их исполнения.

Письмом от 12 декабря 2017 года № 13-887 Комиссия сообщила истцу, что рассмотрение обращения по существу не относится к ее компетенции.

ООО «Ойл Марин Групп» считает бездействие, выразившееся в отказе Комиссии в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, не соответствующим Положению о Комиссии и обратилось с заявлением в Суд.

II. Процедура в Суде

Постановлением Коллегии Суда от 7 июня 2018 года заявление ООО «Ойл Марин Групп» принято к производству.

Вопрос о наличии компетенции Суда разрешен в указанном судебном акте.

В соответствии с пунктом 55 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда), в целях полного, всестороннего и объективного рассмотрения дела Коллегией Суда направлены запросы и получены ответы из Конституционного Суда Республики Беларусь, Аппарата Конституционного Совета Республики Казахстан, Аппарата Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, Судебного департамента Республики Армения, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Верховного суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации (далее – ФТС России), Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

В Суд поступили заключения:

Института законодательства Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Новосибирского государственного университета, Центра экспертизы по вопросам Всемирной торговой организации.

Ответчиком представлены в Суд письменные возражения на заявление.

III. Доводы истца

ООО «Ойл Марин Групп» является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации. Основной вид экономической деятельности истца – эксплуатация морского транспорта (деятельность морского транспорта).

Согласно подпункту 7.1.6 Решения КТС № 130 плавучие суда, регистрируемые в международных реестрах судов, установленных законодательством государств – участников Таможенного союза, освобождаются от уплаты ввозных таможенных пошлин.

Пунктом 9 Порядка регламентировано, что плавучие суда, регистрируемые в международных реестрах судов, установленных законодательством государств – членов Таможенного союза, освобождаются от уплаты ввозных таможенных пошлин при условии представления в таможенный орган

свидетельства о регистрации судна в международном реестре судов, а также иных документов (платежных документов), установленных законодательством государства – члена Таможенного союза. В случае непредставления указанных документов суда, регистрируемые в международном реестре, освобождаются от уплаты ввозных таможенных пошлин при наличии письменного обязательства о представлении указанных документов в течение 45 дней с даты регистрации декларации на товары.

По мнению общества, Решением КТС № 130 и Порядком каких-либо ограничений в части применения льготы по уплате ввозной таможенной пошлины в зависимости от заявляемой таможенной процедуры не установлено.

Как следует из заявления истца, письмом ФТС России от 21 февраля 2014 года № 01-11/07877 даны разъяснения о том, что, освобождение от уплаты ввозной таможенной пошлины производится при условии предоставления документов, установленных пунктом 9 Порядка, в отношении судов, зарегистрированных в Российском международном реестре судов:

осуществляющих международные перевозки и ввозимых на территорию Таможенного союза после завершения таможенной процедуры переработки вне таможенной территории;

обратно ввозимых судов, являющихся транспортными средствами международной перевозки, в отношении которых были совершены операции по ремонту и (или) другие операции, не предусмотренные пунктом 1 статьи 347 Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС), без их помещения под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории.

Из заявления ООО «Ойл Марин Групп» следует, что практика применения уполномоченными органами Российской Федерации указанных норм существенно отличалась от данных ФТС России разъяснений. По результатам камеральных таможенных проверок обратно ввезенные суда, являющиеся транспортными средствами международной перевозки, в отношении которых были совершены операции по ремонту без их помещения под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории, подверглись обложению таможенными платежами в полном объеме, несмотря на предоставление свидетельства о включении судна в Российский международный реестр судов.

Общество полагает, что в таких условиях созданы препятствия для реализации ООО «Ойл Марин Групп» права на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов, предоставленного подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130.

На основании подпункта 4 пункта 43 Положения о Комиссии истец обратился к ответчику с запросом о проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза.

Комиссия письмом от 12 декабря 2017 года № 13-887 информировала ООО «Ойл Марин Групп» о том, что поставленный им вопрос не относится к её компетенции, поскольку предполагает непосредственное рассмотрение по существу жалоб хозяйствующих субъектов, информирование, консультирование, а также предоставление разъяснений нормативно-правовых актов Союза. По мнению общества, из письма следует, что Комиссией отказано в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза. Истец считает бездействие Комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Союза.

Обращение истца в Комиссию обусловлено очевидным, по мнению ООО «Ойл Марин Групп», фактом воспрепятствования компетентными органами Российской Федерации в реализации обществом (а равно и широким кругом иных лиц) права на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов, предоставленного подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130.

По мнению общества, длительное бездействие Комиссии при очевидном наличии обозначенной проблемы (консультации по данному вопросу проводились с 2014 года) привело к негативным для него последствиям, которые выражены в установившейся практике по взысканию в Российской Федерации таможенных платежей с юридических лиц при рассматриваемых обстоятельствах.

В обоснование своей позиции истец ссылается на охраняемый международным правом принцип легитимного (законного) ожидания, в соответствии с которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности и никто не может быть лишен своего имущества иначе, как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Учитывая формулировки подпункта 7.1.6 Решения КТС № 130, а также определенность формулировок в разъяснении ФТС России, содержащихся в письме от 21 февраля 2014 года № 01-11/07877, российские хозяйствующие субъекты, по мнению истца, имели полное основание для законного ожидания предоставления льготы и действовали исходя из уверенности в наличии у них права на освобождение от уплаты таможенных пошлин и налогов в связи с включением их судов в международный реестр.

ООО «Ойл Марин Групп» считает, что последующие действия таможенных органов Российской Федерации по отказу в предоставлении льготы нарушают права участников внешнеэкономической деятельности в части их законных ожиданий. Такие действия совершаются постфактум в пределах трехлетнего ретроспективного срока таможенного контроля, создавая условия, когда декларант не имеет возможности изменить способ своих действий и ему

приходится оплачивать большие суммы таможенных пошлин и налогов, а зачастую и пени.

По мнению истца, в ряде случаев таможенные органы возбуждают дела об административных правонарушениях, санкция за совершение которых кратна взыскиваемой сумме таможенных платежей.

Как считает общество, указанные нарушения являются, в том числе, результатом длительного бездействия Комиссии, которая, как следует из материалов к вопросу № 2 повестки дня 8-го заседания Рабочей группы по совершенствованию таможенного законодательства, еще в июне 2014 года располагала официальной позицией Российской Федерации по вопросу порядка применения подпункта 7.1.6 Решения КТС № 130, изложенной в письме ФТС России от 21 февраля 2014 года № 01-11/07877.

Комиссией не было выражено несогласие с изложенным подходом Российской Федерации к данному вопросу, что, полагает общество, может быть истолковано как его одобрение. Однако, запрос ООО «Ойл Марин Групп», содержащий исчерпывающие сведения о том, что в Российской Федерации изменен подход к применению спорной нормы, Комиссия также оставила без должной реакции. При этом право уведомления государств-членов о необходимости исполнения решений Комиссии является исключительной компетенцией ответчика.

Таким образом, по мнению истца, уклонение ответчика от исполнения своих полномочий по проведению мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза при наличии очевидных на то оснований нарушает права ООО «Ойл Марин Групп» на уважение правомерных ожиданий.

IV. Возражения ответчика

Ответчик считает, что в заявлении истца не содержатся сведения о том, какие права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленные ему Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международными договорами в рамках Союза, были затронуты и нарушены решением Комиссии и (или) ее действием (бездействием).

Комиссия поясняет, что предметом обращения общества к ответчику являлась информация о возможном нарушении Российской Федерацией прав неопределенного круга лиц на освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении плавучих судов, зарегистрированных в международных реестрах судов, предоставленных подпунктом 7.1.6 Решения КТС № 130, и принятии по данным фактам соответствующих мер. При этом каких-либо фактов, подтверждающих указанное нарушение Российской Федерацией,

выраженных в соответствующих нормативных предписаниях, истец не представил.

Ответчик, ссылаясь на практику Суда (решение Коллегии Суда от 28 декабря 2015 года по делу № СЕ-1-2/2-15-КС), настаивает на том, что для начала процедуры проведения мониторинга хозяйствующему субъекту необходимо представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена существуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, или в государствах – членах Союза складывается различная практика применения международных договоров. При этом несогласие хозяйствующего субъекта с решениями и постановлениями национальных судов не может служить достаточным основанием для начала процедуры проведения такого мониторинга.

Комиссия отмечает, что органом, осуществляющим предоставление официальной позиции Российской Федерации ответчику по вопросам применения положений права Союза, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2015 года № 1126, является Министерство экономического развития Российской Федерации.

Ответчик письмом от 29 июня 2018 года № 03-50 проинформировал Министерство экономического развития Российской Федерации о возможных различных подходах государственных органов Российской Федерации (ФТС России и Министерства финансов Российской Федерации) по вопросам применения отдельных положений права Союза с просьбой предоставить позицию Российской Федерации по данному вопросу.

Комиссия полагает, что поскольку истцом не были предоставлены ответчику доказательства неисполнения Российской Федерацией международно-правовых обязательств в рамках Союза и отсутствия единообразной практики применения международных договоров государствами – членами Союза по вопросу применения тарифной льготы, установленной пунктом 7.1.6 Решения КТС № 130, у Комиссии отсутствовали основания для начала проведения мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза.

На момент обращения истца к ответчику не поступало сведений о различной практике применения международных договоров государствами – членами Союза по вопросу применения тарифной льготы, установленной пунктом 7.1.6 Решения КТС № 130.

Кроме того, Комиссия считает, что её отказ в проведении мониторинга и контроля исполнения Российской Федерацией Решения КТС № 130 не нарушает права и законные интересы общества, так как по вопросу формулировки спорной нормы ответчиком проводилась работа, результатом которой стало принятие статьи 277 Таможенного кодекса Евразийского экономического

союза (далее – ТК ЕАЭС), которая исключила дальнейшее нарушение прав ООО «Ойл Марин Групп».

Ответчик полагает, что, поскольку на момент обращения в Комиссию ООО «Ойл Марин Групп» был принят ТК ЕАЭС, которым спорный вопрос урегулирован, и этот факт признан истцом, требования общества являются необоснованными.

V. Применимое право

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.
2. Положение о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).
3. Статут Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).
4. Регламент Суда Евразийского экономического союза, утвержденный Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101.
5. Договор о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года.
6. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года.
7. Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза».
8. Решение Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 года № 728 «О порядке применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза».

VI. Выводы Суда

Согласно статье 18 Договора и пункту 1 Положения о Комиссии, Комиссия является постоянно действующим регулирующим органом Союза.

Пунктом 2 статьи 8 Договора установлено, что органы Союза действуют в пределах полномочий, которые предоставлены им Договором и международными договорами в рамках Союза.

Пунктом 1 Положения о Комиссии к ее основным задачам отнесены обеспечение условий функционирования и развития Союза, а также выработка предложений в сфере экономической интеграции в рамках Союза.

В соответствии с подпунктами 2, 3, 5 пункта 55 Положения о Комиссии департаменты Комиссии реализуют следующие функции:

осуществляют мониторинг исполнения государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза,

решений и распоряжений Коллегии Комиссии, Совета Комиссии, Межправительственного совета и Высшего совета в целях представления результатов на рассмотрение членами Коллегии Комиссии;

осуществляют подготовку для рассмотрения членами Коллегии Комиссии предложений по результатам мониторинга и анализа законодательства государств-членов в сферах, регулируемых правом Союза;

взаимодействуют с органами государственной власти государств-членов.

В соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии Коллегия Комиссии обеспечивает реализацию функций и полномочий по осуществлению мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также уведомляет государства-члены о необходимости их исполнения.

Согласно подпункту 4 пункта 24 Положения о Комиссии Совет Комиссии рассматривает результаты мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза.

Пункт 43 Положения о Комиссии, закрепляющий в подпункте 4 полномочия Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля за исполнением государствами-членами ее решений, не наделяет хозяйствующих субъектов правом инициирования мониторинга.

Коллегия Суда считает, что хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и, как следствие, в осуществлении Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также в уведомлении государств-членов о необходимости их исполнения, при условии, что такие акты права Союза наделяют его соответствующими правами.

Норма подпункта 7.1.6 Решения КТС № 130 наделяет хозяйствующего субъекта правом при наличии определенных в ней условий не уплачивать ввозную таможенную пошлину в отношении плавучих судов, регистрируемых в международных реестрах судов. Следовательно, обращаясь в Комиссию с заявлением о проведении мониторинга и контроля в отношении исполнения Российской Федерацией подпункта 7.1.6. Решения КТС № 130, истец запрашивал не проведение абстрактного нормоконтроля, как заявлено ответчиком в судебном заседании, а осуществление проверки исполнения конкретной нормы, предоставляющей ему право на льготу и, по его мнению, неправильно применяемой уполномоченными органами Российской Федерации. Общество также указывало на различия в практике применения данной нормы в Российской Федерации.

Как следует из решения Апелляционной палаты Суда от 3 марта 2016 года (дело № СЕ-1-2/2-15-АП), мониторинг, осуществляемый Комиссией, фактически представляет собой деятельность уполномоченного органа Союза

по сбору, обобщению и оценке информации об исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и решений органов Союза для обеспечения единообразного и эффективного правового регулирования в рамках Союза. Основной его целью является оценка исполнения государствами-членами международных договоров и решений органов Союза.

Процесс мониторинга основывается также на информации, предоставляемой самими государствами-членами, и его проведение позволяет выявить проблемные вопросы, препятствующие единообразному и эффективному правовому регулированию, вносить основные предложения по совершенствованию права Союза и гармонизации законодательств его государств-членов.

Как установлено Судом в консультативном заключении от 10 июля 2018 года (дело № СЕ-2-1/2-18-БК), решения Комиссии Таможенного союза, действующие на 1 января 2015 года и не противоречащие Договору, входят в право Союза, являются обязательными для государств-членов и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Следовательно, Комиссия обладает полномочиями осуществлять мониторинг и контроль исполнения Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728 как актов права Союза.

Коллегия Суда отмечает, что Положение о Комиссии содержит базовые принципы осуществления мониторинга, которые регламентируют порядок процессуальных действий структурных подразделений Комиссии в рамках предоставленной им компетенции.

Положение о Комиссии в части регламентирования осуществления мониторинга не содержит изъятий и отсылочных норм и имеет обязательный характер.

Комиссия правомочна принимать правовые акты, конкретизирующие порядок и правила осуществления мониторинга применительно к различным отраслям права Союза. Например, решение Коллегии Комиссии от 14 ноября 2017 года № 155 «Об утверждении Порядка осуществления мониторинга и проведения сравнительно-правового анализа нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов государств – членов Евразийского экономического союза, предусматривающих предоставление субсидий».

Коллегия Суда считает, что установленный Положением о Комиссии порядок осуществления мониторинга состоит из комплекса последовательно проводимых мероприятий организационно-правового характера.

Коллегия Суда приходит к выводу о том, что, исходя из взаимосвязанного прочтения подпунктов 2, 3, 5 пункта 55 Положения о Комиссии, указанный мониторинг включает в себя:

сбор и обобщение информации о нормативных правовых актах государств-членов в конкретной сфере правового регулирования;

проведение сравнительно-правового анализа, в ходе которого осуществляется оценка соответствия нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов государств-членов положениям соответствующих актов права Союза;

изучение практики применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза;

взаимодействие в целях реализации указанных мероприятий с органами государственной власти государств-членов;

документированное закрепление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров по установленной форме;

представление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров на рассмотрение членам Коллегии Комиссии и в Совет Комиссии;

уведомление Коллегией Комиссии государств-членов о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

Итогом проведенного мониторинга является устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

Коллегия Суда считает, что непосредственное применение права Союза в сферах, отнесенных Договором к его юрисдикции, формирование в государствах-членах единообразной правоприменительной практики, исключение негативных правовых препятствий направлено на достижение интеграционных целей Союза.

Коллегия Суда отмечает, что изучение Комиссией практики применения государствами-членами (в лице уполномоченных органов власти) соответствующих актов права Союза является обязательным при осуществлении мониторинга, поскольку вывод об исполнении либо неисполнении государствами-членами актов права Союза связан, в том числе, с анализом такой правоприменительной практики.

Осуществление Комиссией мониторинговых процедур, вне зависимости от оснований для начала их проведения, налагает на Комиссию обязательство по соблюдению без изъятий установленного порядка.

Коллегия Суда отмечает, что мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга, однако обращения в Комиссию хозяйствующих

субъектов могут быть источниками информации при проведении мониторинга. При этом хозяйствующий субъект должен представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная практика применения международных договоров.

Как следует из материалов дела, в 2014 году на 8-м заседании Рабочей группы по совершенствованию таможенного законодательства представлена справка по вопросу о предложениях бизнес-сообщества Российской Федерации по дополнению пункта 1 статьи 347 проекта ТК ЕАЭС в части допущения совершения за пределами таможенной территории Союза ремонтных операций и операций по техническому обслуживанию с временно вывозимыми транспортными средствами международной перевозки – водными судами, зарегистрированными в международных реестрах судов государств – членов Союза.

В указанном документе отмечены сложности с применением подпункта 1 пункта 1 статьи 347 ТК ТС, что повлекло образование различной правоприменительной и судебной практики в Российской Федерации. Предложено поддержать предложения бизнес-сообщества и поручить экспертной группе их проработать.

Указанное обращение бизнес-сообщества послужило одним из оснований для дополнения в последующем статьи 347 ТК ТС (ныне – статья 277 ТК ЕАЭС). Неединообразная практика применения подпункта 7.1.6 Решения КТС № 130 устранена с даты вступления ТК ЕАЭС в силу с 1 января 2018 года.

В своем обращении истец информировал Комиссию о том, что в условиях сложившейся в Российской Федерации правоприменительной и судебной практики созданы препятствия для реализации им своих прав как хозяйствующего субъекта. В подтверждение своих доводов обществом также направлены в Комиссию акты таможенных и судебных органов Российской Федерации.

Из представленной в судебном заседании информации ответчика следует, что в ходе указанной работы Комиссией изучена законодательная база Российской Федерации и установлено отсутствие нормативных коллизий с соответствующими актами права Союза. При этом правоприменительная практика Комиссией не изучалась.

Таким образом, Коллегия Суда констатирует, что Комиссией была проведена работа, являющаяся лишь одним из этапов мониторинга.

На основании изучения материалов дела и сведений, предоставленных сторонами спора в судебном заседании, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что имел место факт проведения Комиссией мониторинга (в том

числе по вопросам, затронутым в обращении истца в Комиссию в 2017 году) и Комиссия обладала информацией о неединообразном применении норм права Союза в Российской Федерации, устанавливающих льготы по уплате таможенных платежей в соответствии с Решением КТС № 130.

Вместе с тем способ осуществления ответчиком мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, решений Комиссии является неполным и поверхностным.

Указанный вывод подтверждается следующими обстоятельствами.

Ответчиком не представлены Суду доказательства (документы, сведения), подтверждающие выполнение Комиссией следующих действий:

изучение в ходе осуществления мониторинга практики применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза;

представление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров на рассмотрение членам Коллегии Комиссии и в Совет Комиссии;

направление Коллегией Комиссии государствам-членам уведомлений о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

Коллегия Суда считает, что при наличии объективных сведений о неприменении государственными органами государства-члена норм права Союза или наличии противоречивой практики их применения Комиссии следует осуществить мониторинг исполнения государством-членом соответствующих актов права Союза в полном объеме, как установлено нормами Положения о Комиссии.

В этой связи осуществление такого мониторинга, не связанного с инициативным обращением в Комиссию истца, но по вопросам, в том числе изложенным в таком обращении, является юридически значимым фактом, порождающим необходимость для Комиссии неукоснительно следовать нормам Положения о ЕЭК.

Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Комиссия не в полном объеме выполнила свою обязанность по осуществлению мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза, решений Комиссии, предусмотренную подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии, поскольку на момент обращения заявителя обладала информацией о неединообразном применении норм Решения КТС № 130 на территории Российской Федерации.

Комиссия ограничилась анализом норм национального законодательства Российской Федерации и уклонилась от необходимости изучения соответствующей правоприменительной практики государств-членов. Такое бездействие Комиссии нельзя считать в полной мере соответствующим Положению о Комиссии.

Коллегия Суда считает, что осуществление Комиссией не в полном объёме возложенных на нее Договором функций по проведению мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Союза непосредственно затрагивает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов заявителя в период до вступления в силу ТК ЕАЭС.

На основании изложенного, руководствуясь пунктом 109 Статута Суда, статьями 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

1. Заявление общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» удовлетворить частично.

2. Признать бездействие Евразийской экономической комиссии не в полной мере соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

3. Пошлину, уплаченную ООО «Ойл Марин Групп», вернуть.

4. Решение Коллегии Суда может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Баишева Ж.Н.
(дело № СЕ-1-2/4-18-КС)

11 октября 2018 года

город Минск

Коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Коллегия Суда) в составе председательствующего судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., вынесено решение по делу по заявлению общества с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» (далее – истец, ООО «Ойл Марин Групп») к Евразийской экономической комиссии (далее – ответчик, Комиссия) о признании бездействия Комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), не соответствующим Положению о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Положение о Комиссии) и нарушающим права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Заявление истца удовлетворено частично, бездействие ответчика признано не в полной мере соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, в случае несогласия с решением Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд, Суд ЕАЭС) или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения Суда.

Не соглашаясь с вынесенным Коллегией Суда решением, заявляю особое мнение по следующим мотивам.

Коллегией Суда установлено, что хозяйствующий субъект временно вывозил за пределы Таможенного союза без помещения под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории плавучие суда (товар) для ремонта, а затем ввозил их обратно без уплаты ввозных таможенных пошлин. На основании проведенной таможенными органами Российской Федерации камеральной таможенной проверки истцу доначислены соответствующие таможенные платежи.

ООО «Ойл Марин Групп», полагая, что в соответствии с решением Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 года № 130 «О едином

таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» (далее – Решение КТС № 130) и решением Комиссии Таможенного союза от 15 июля 2011 года № 728 «О порядке применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза» (далее – Решение КТС № 728) ему предоставлена тарифная льгота, обратился 15 ноября 2017 года в Комиссию с заявлением о нарушении Российской Федерацией его прав. Ответчик письмом от 12 декабря 2017 года сообщил ООО «Ойл Марин Групп», что непосредственное рассмотрение по существу жалоб хозяйствующих субъектов на решения таможенных и судебных органов государств – членов Союза не относится к компетенции Комиссии. Считая, что Комиссия обязана провести мониторинг исполнения Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728, ООО «Ойл Марин Групп» обратился с заявлением в Суд.

Коллегия Суда рассмотрела по существу спор о том, является ли отказ Комиссии в проведении мониторинга и контроля исполнения Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728 обоснованным.

Согласно подпункту 4 пункта 43 Положения о Комиссии Коллегия Комиссии осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

По рассмотренному ранее Судом делу (дело № СЕ-1-2/2-15-КС) установлено, что Суд рассматривает споры по заявлению хозяйствующего субъекта при одновременном наличии следующих обязательных условий:

а) действие (бездействие) Комиссии непосредственно затрагивает права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской деятельности;

б) действие (бездействие) Комиссии повлекло нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза.

Суд ЕАЭС предписал, что в рамках иска о бездействии может оспариваться отрицательный ответ Комиссии, если совершение испрашиваемого заявителем действия является ее прямой обязанностью, которая не может быть делегирована иным лицам (так называемая «специальная обязанность»). Если субъектом обращения в Комиссию с просьбой об инициировании процедуры мониторинга и контроля является хозяйствующий субъект, то необходимым условием для совершения Комиссией юридически значимых действий должны быть достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Факты отсутствия таких сведений, их непредставления, а равно отсутствия самого нарушения не порождают встречной обязанности Комиссии проводить мониторинг и

контроль в соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии. Для инициирования процедуры мониторинга хозяйствующий субъект должен представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная практика применения международных договоров.

В ходе настоящего судебного разбирательства стороны согласились с тем, что противоречий между правом Союза и законодательством Российской Федерации по рассматриваемому вопросу не установлено. Вместе с тем истец утверждал, что в Российской Федерации сложилась разнообразная таможенная и судебная практика по спорным правоотношениям. Признав бездействие ответчика не в полной мере соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза, Коллегия Суда согласилась с тем, что применение Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728 в Российской Федерации носило неединообразный характер и Комиссия обязана была провести не только мониторинг права Союза, но и, по мнению Коллегии Суда, изучение практики применения этих решений.

В этой связи следует отметить, что представленные хозяйствующим субъектом Суду материалы не подтверждают факт неединообразного применения таможенными и судебными органами Российской Федерации главы 48 Таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС), Решения КТС № 130, Решения КТС № 728.

Нарушения таможенных процедур, допущенные ООО «Ойл Марин Групп», установлены таможенными органами Российской Федерации (далее – таможенные органы) при проведении камеральной таможенной проверки. Во всех выявленных случаях таможенные органы единообразно указали на необходимость предварительного помещения временно вывозимых для ремонта судов под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории. Все вступившие в законную силу судебные решения свидетельствуют о том, что судебными органами Российской Федерации поддержана такая позиция уполномоченного органа.

Иных решений, принятых таможенными и судебными органами при тех же фактических обстоятельствах, истцом в Суд не представлено.

Изложенное позволяет сделать вывод, что обществом не представлены в Суд обоснованные доводы и доказательства различной таможенной, судебной и правоприменительной практики применения анализируемых актов права Союза в Российской Федерации. Другие государства – члены Союза сообщили Суду об отсутствии спора и дел этой категории. Следует отметить, что в полученных Судом по делу экспертных заключениях, специалисты единодушно

посчитали, что в удовлетворении требований хозяйствующего субъекта следует отказать.

Единообразный подход государства-члена основан на том, что пунктом 1 статьи 347 ТК ТС установлен исчерпывающий перечень операций, для совершения которых транспортные средства международной перевозки могут временно вывозиться:

1) операции по техническому обслуживанию и (или) текущему ремонту, необходимые для обеспечения их сохранности, эксплуатации и поддержания в состоянии, в котором они находились на день вывоза, если потребность в таких операциях возникла во время использования этих транспортных средств в международной перевозке;

2) операции по безвозмездному (гарантийному) ремонту;

3) операции по ремонту, включая капитальный ремонт, осуществляемых для восстановления транспортных средств международной перевозки после их повреждения вследствие аварии или действия непреодолимой силы, которые имели место за пределами таможенной территории Таможенного союза.

Во всех остальных случаях операции по ремонту допускаются лишь при условии помещения временно вывезенных транспортных средств международной перевозки под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории.

Согласно пункту 2 статьи 347 ТК ТС в случае совершения операций по ремонту без помещения временно вывезенных транспортных средств международной перевозки под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории, при ввозе таких транспортных средств международной перевозки подлежат уплате таможенные пошлины, налоги в соответствии со статьей 262 ТК ТС.

ООО «Ойл Марин Групп» не отрицает, что, хотя его случай не подпадает под описанные пунктом 1 статьи 347 ТК ТС операции, оно не помещало временно вывезенные для ремонта транспортные средства международной перевозки под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории.

Основываясь на этих нормах таможенного законодательства таможенные органы Российской Федерации вынесли решения о доначислении хозяйствующему субъекту таможенных платежей, а судебные органы Российской Федерации признали эти решения законными.

Таким образом, отсутствие у хозяйствующего субъекта права на тарифную льготу опровергает довод истца о нарушении его прав и законных интересов уполномоченными органами государства-члена и, соответственно, Комиссией.

Истец неправоммерно смешивает таможенные правоотношения и отношения по поводу предоставления тарифных льгот хозяйствующему субъекту. Таможенные правоотношения по временному вывозу транспортного средства международной перевозки (товара) для проведения ремонтных работ за

пределами территории Таможенного союза и его последующему возвращению (ввозу) регулируются статьей 347 ТК ТС, а предоставление тарифной льготы при ввозе плавучего судна предусмотрено Решением КТС № 130, порядок ее применения – Решением КТС № 728. В этой связи несоблюдение требований статьи 347 ТК ТС не позволяет хозяйствующему субъекту надеяться на предоставление ему тарифной льготы, предусмотренной Решением КТС № 130 и Решением КТС № 728. Не случайно в судебных заседаниях в Российской Федерации ООО «Ойл Марин Групп» пыталось обосновывать свою позицию, ссылаясь только на нормы ТК ТС, а не на Решение КТС № 130 и Решение КТС № 728.

Взаимосвязанное прочтение главы 48 ТК ТС, Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728 позволяет сделать вывод, что главным критерием предоставления тарифной льготы является не наличие или отсутствие регистрации судна в международном реестре судов, как утверждает ООО «Ойл Марин Групп». Льгота, как следует из норм права Союза, может применяться как при первичном ввозе плавучего судна (когда его регистрация в международном реестре судов на дату подачи декларации на товары отсутствует), так и при его обратном ввозе при помещении плавучего судна (к этому времени уже зарегистрированного в реестре) под таможенную процедуру выпуска для внутреннего потребления после таможенной процедуры переработки вне таможенной территории.

При рассмотрении спора об обязывании Комиссии провести мониторинг его конечным результатом является устранение коллизий в актах права Союза и в законодательстве государств-членов. Коллегии Суда следовало учесть, что с 1 января 2018 года вступил в силу Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС). Пунктом 4 статьи 277 ТК ЕАЭС (бывшей статьи 347 ТК ТС) определено, что совершение ремонта в отношении находящихся за пределами таможенной территории Союза транспортных средств международной перевозки допускается без их помещения под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории. Тем самым государства-члены трансформировали статью 347 ТК ТС в новую норму ТК ЕАЭС, с дополнением разрешительного свойства. При этом указанное дополнение в ТК ЕАЭС носит самостоятельный характер и не затрагивает вопросы применения Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728. Проведенное в 2014 году 8-е заседание Рабочей группы обсуждало эту же проблему дополнения статьи 347 ТК ТС, а не вопросы неединообразной практики применения подпункта 7.1.6 Решения КТС № 130. В этой связи аргумент истца о том, что внесенное изменение в ТК ЕАЭС подтверждает неединообразное применение Решения КТС № 130 и Решения КТС № 728 является необоснованным. К тому же сам истец до 15 ноября 2017 года к Комиссии по этому вопросу не обращался, а предъявлять требования в целях защиты интересов неопределенного круга хозяйствующих субъектов он не вправе.

Дела по заявлениям об оспаривании бездействия Комиссии неоднократно были предметом рассмотрения как Суда ЕАЭС, так и Суда Евразийского экономического сообщества (далее – Суд ЕврАзЭС). Согласно пункту 3 статьи 3 Договора о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 года решения Суда ЕврАзЭС продолжают действовать в прежнем статусе.

Апелляционная палата Суда ЕврАзЭС 7 октября 2014 года констатировала, что «хозяйствующий субъект вправе инициировать осуществление Комиссией мониторинга только в том случае, если затронут его частный интерес. Хозяйствующий субъект не вправе принимать на себя функции публичного лица, ссылаясь на нарушение прав неопределенного круга лиц. По этой причине неединообразие судебной практики в отношении третьих лиц не может являться подтверждением нарушения прав конкретного частного лица. Такая практика – основание оспаривания решений в национальных судах. Учитывая, что хозяйствующий субъект через инициирование действий Комиссии по мониторингу исполнения международных договоров вправе защищать только собственный интерес, при обращении в Комиссию с соответствующим заявлением ему следует представить доказательства, подтверждающие факт нарушения его прав и законных интересов. О таком нарушении может свидетельствовать, в частности, неединообразие практики применения международных договоров, например, сведения о том, что в отношении других хозяйствующих субъектов нормы тех же международных договоров применялись иным образом, либо сведения о том, что в разных государствах-членах складывается разная практика применения международных договоров. Также надлежит указать на причинно-следственную связь неединообразного применения и нарушения прав и законных интересов конкретного субъекта экономических отношений. Таким образом, Комиссии следует принимать заявления хозяйствующих субъектов о начале процедуры мониторинга и осуществлять мониторинг, но лишь в том случае, если подателем заявления о начале мониторинга представлены достаточные доказательства нарушения его прав и законных интересов, явившиеся следствием неединообразного применения одних и тех же норм права. Непредставление хозяйствующим субъектом таких доказательств оправдывает отказ в проведении мониторинга».

Процитированное судебное решение показывает, что обязанность осуществить мониторинг и контроль исполнения по обращению хозяйствующего субъекта может возникнуть у Комиссии только с момента подачи такого обращения и при предоставлении хозяйствующим субъектом достаточных доказательств неединообразного применения норм права. Требования, предъявляемые к Комиссии, о проведении мониторинга складывавшейся правоприменительной практики государств – членов Союза

по вопросу, поднятому ООО «Ойл Марин Групп», по собственной инициативе на более ранних стадиях, при отсутствии соответствующего обращения хозяйствующего субъекта к Комиссии, не соответствует праву Союза и предыдущей практике Суда.

Правомерность (неправомерность) бездействия Комиссии по заявлению хозяйствующего субъекта должна оцениваться Судом с даты возникновения правоотношений между конкретным хозяйствующим субъектом и Комиссией.

Комиссия не наделена правом Союза полномочиями по изучению и оценке практики применения законодательных актов органами государственной власти государств – членом Союза. В государствах-членах существует комплексная система контроля и проверки вышестоящими государственными и судебными органами законности актов правоприменения. Отдельные случаи неправильного понимания и применения норм права, в том числе и международных договоров, уполномоченными органами не могут служить достаточным основанием для вывода о неединообразном применении норм международного договора государством – членом Союза. Хозяйствующий субъект не лишен права оспаривания таких решений в национальных судах, включая Верховный и Конституционный суды.

Возложение на Комиссию обязанности изучать практику применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза наделяет Комиссию и Суд надзорно-контрольными функциями по отношению к уполномоченным органам государств – членом Союза. Не случайно ООО «Ойл Марин Групп» в судебном заседании заявил, что целью его обращения в Суд является использование решения Коллегии Суда для пересмотра состоявшихся судебных актов в Российской Федерации по вновь открывшимся обстоятельствам. Следует учесть, что в соответствии с пунктами 42 и 102 Статута Суда в компетенцию Суда не входит наделение органов Союза дополнительной компетенцией помимо той, которая прямо предусмотрена Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, а решение Суда не может создавать новые нормы права Союза.

Истец мотивирует нарушение своих прав тем, что у него было легитимное (законное) ожидание, основанное на письме Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 21 февраля 2014 года № 01-11/07877 (далее – письмо ФТС России), согласно которого, по мнению истца, для получения тарифной льготы достаточно представить доказательства регистрации судна в Российском международном реестре судов.

Следует отметить, что, во-первых, из указанного письма не усматривается такое основание для освобождения от уплаты ввозных таможенных пошлин, так как предварительным обязательным условием предоставления тарифной

льготы, согласно статье 347 ТК ТС и письму ФТС России, является помещение транспортного средства международной перевозки под таможенную процедуру переработки вне таможенной территории, что истец не сделал.

Во-вторых, письмо ФТС России датировано 21 февраля 2014 года. Как следует из Акта камеральной таможенной проверки от 15 сентября 2016 года № 10300000/210/150916/A0053, ООО «Ойл Марин Групп» вывозило плавучие суда для их последующего ремонта 11 ноября, 3 и 6 декабря 2013 года. Таким образом, в момент вывоза товара за пределы Таможенного союза письмо ФТС России не существовало и оно не могло породить у хозяйствующего субъекта легитимное (законное) ожидание.

Не могу согласиться и с тем, что доначисление и взыскание таможенных пошлин с хозяйствующего субъекта не только нарушает охраняемый международным правом принцип легитимного (законного) ожидания, но и лишает его права собственности. Неисполнение хозяйствующим субъектом своей обязанности порождает дискреционное право уполномоченного органа на такие действия, которые не могут рассматриваться как нарушающие право собственности.

Из решения Коллегии Суда усматривается, что Комиссия должна разработать порядок проведения мониторинга исполнения международных договоров в сфере таможенных отношений. Коллегия Суда самостоятельно установила элементы такого мониторинга, в том числе обязательное изучение практики применения государствами-членами (в лице уполномоченных органов власти) соответствующих актов права Союза. Это при том, что обязанность Комиссии проводить мониторинг правоприменительной практики государств-членов в праве Союза не прописана. Придав этому правилу обратную силу, Коллегия Суда обосновала вывод об уклонении Комиссии от изучения соответствующей правоприменительной практики государств-членов, сославшись на неисполнение сформулированной Судом обязанности Комиссии. При этом Коллегия Суда оценила действия (бездействие) Комиссии, совершенные ею до обращения хозяйствующего субъекта.

Полагаю, что правом Союза на Комиссию возложена обязанность проводить мониторинг исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, но не изучение практики применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза. Так, в решении Коллегии Комиссии от 14 ноября 2017 года № 155, на которое сослался Суд, указывается, что «предметом мониторинга являются нормативные правовые акты государств-членов» и что мониторинг «включает в себя сбор и обобщение информации о нормативных правовых актах государств-членов». О мониторинге правоприменения в этом акте не упоминается.

Учитывая, что согласно решению Суда (дело № СЕ-1-2/2-15-АП) бездействием признается неисполнение либо ненадлежащее исполнение наднациональным органом (должностным лицом) обязанностей, возложенных на него правом Союза, бездействие Комиссии по не проведению мониторинга правоприменительной практики государств-членов не может расцениваться как совершенное в нарушение Положения о Комиссии.

Не соответствующим праву Союза может признаваться бездействие Комиссии только в том случае, когда совершение заявленных в иске действий прямо предписано правом Союза в качестве обязанности органа Союза. Такая обязанность исполняется Комиссией с момента вступления ее в силу.

Принятое Коллегией Суда решение о признании бездействия Комиссии не в полной мере соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза не согласуется с пунктом 109 Статута Суда. Согласно этой норме по результатам рассмотрения дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии Коллегия Суда выносит одно из следующих решений:

1) о признании оспариваемого действия (бездействия) Комиссии не соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

2) о признании оспариваемого действия (бездействия) Комиссии соответствующим Договору и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Таким образом, бездействие органа Союза не может быть частичным. В решении Коллегии Суда признается, что Комиссией изучена законодательная база Российской Федерации и установлено отсутствие нормативных коллизий с соответствующими актами права Союза. Следовательно, неправомерность бездействия Комиссии исключается, так как Комиссия, даже при отсутствии обращения ООО «Ойл Марин Групп», провела работу по правовому мониторингу исследуемой проблемы. При поступлении заявления Комиссия дала ответ истцу, обосновав свою позицию.

Суд Европейского союза (далее – Суд ЕС) по данной категории дел придерживается мнения, аналогичного ранее изложенному в судебных актах Суда ЕАЭС, Суда ЕврАзЭС и заключениях специалистов.

Так, в Решении от 14 февраля 1989 года по делу *Star Fruit Company SA v. Commission* Суд ЕС указал: «Из логики статьи 169 Договора ясно следует, что Комиссия не обязана начинать процедуры, предусмотренные этим положением, но обладает в этом отношении дискрецией, которая исключает право индивидов требовать, чтобы этот орган занял определенную позицию.

Необходимо также отметить, что, требуя от Комиссии начать процедуру, предусмотренную статьей 169 Договора, заявитель фактически требует принятия акта, который не имеет прямого и индивидуального отношения к нему по смыслу параграфа 2 статьи 173 Договора, и который он в любом случае не смог бы оспорить посредством иска об отмене».

В Определении от 12 ноября 1996 года по делу SDDDA v. Commission Судом ЕС сделан следующий вывод: «Комиссия не обязана возбуждать против государства-члена процедуру о нарушении, наоборот, обладает дискреционными полномочиями, исключаящими право частных лиц требовать, чтобы она заняла определенную позицию».

Таким образом, полагаю, что Комиссия обладает дискреционным правом по мониторингу и контролю исполнения международных договоров, принятых в рамках Союза, и решений Комиссии. Обязанность проводить мониторинг и контроль по обращению хозяйствующего субъекта возникает у Комиссии при наличии взаимосвязанных, неразделимых доказательств и фактических данных, представленных истцом Комиссии:

- о нарушении прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных ему международными договорами в рамках Союза;
- о том, что в государстве (государствах-членах) сложилась различная практика применения международных договоров, в том числе и по отношению к заявителю, либо о наличии в правовой системе государства-члена норм, не соответствующих праву Союза, и их применении при разрешении его спора в государстве;
- что сам хозяйствующий субъект выполнил все требования международных договоров и у него возникло право на установленный международным договором льготный режим;
- что его хозяйственная деятельность осуществляется в сфере, урегулированной правом Союза (частный интерес), и созданы препятствия для реализации предоставленных ему международными договорами прав, льгот, преференций и иных благ.

При обращении в Суд хозяйствующий субъект обязан предоставить доказательства того, что действия (бездействие) Комиссии непосредственно затронули его права и законные интересы в сфере предпринимательской деятельности, неисполнение Комиссией своих обязанностей повлекло нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта, предоставленных ему международными договорами в рамках Союза.

По рассмотренному Коллегией Суда делу по заявлению ООО «Ойл Марин Групп» эти обстоятельства, на мой взгляд, отсутствуют.

В соответствии с изложенным не могу согласиться с решением Коллегии

Суда и полагаю, что в удовлетворении заявления ООО «Ойл Марин Групп» следовало отказать, а бездействие Комиссии признать соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Судья
Суда Евразийского
экономического союза

Ж.Н. Баишев

Резюме
по делу № СЕ-1-2/4-18-КС
(ООО «Ойл Марин Групп»)

Ключевые слова:

ООО «Ойл Марин Групп» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (Комиссия, ЕЭК).

Об оспаривании бездействия ЕЭК.

Таможенное регулирование – плавучие суда – транспортные средства международной перевозки – уплата ввозных таможенных пошлин – тарифная льгота – мониторинг и контроль исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза.

Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза» – Таможенный кодекс Таможенного союза – Таможенный кодекс ЕАЭС – Положение о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору).

Частичное удовлетворение требований заявителя – признание бездействия не в полной мере соответствующим Договору – особое мнение.

Описание:

Общество с ограниченной ответственностью «Ойл Марин Групп» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании бездействия Евразийской экономической комиссии, выразившегося в отказе в проведении мониторинга и контроля исполнения международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, не соответствующим Положению о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) и нарушающим права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Решением Коллегии Суда от 11 октября 2018 года заявление ООО «Ойл Марин Групп» удовлетворено частично. Бездействие Евразийской экономической комиссии признано не в полной мере соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы ООО «Ойл Марин Групп» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В обоснование вынесенного решения Коллегия Суда указала, что хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и, как следствие, в осуществлении Комиссией мониторинга

и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также в уведомлении государств-членов о необходимости их исполнения, при условии, что такие акты права Союза наделяют его соответствующими правами. Мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга, однако обращения в Комиссию хозяйствующих субъектов могут быть источниками информации при проведении мониторинга. При этом хозяйствующий субъект должен представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная практика применения международных договоров.

Из представленной в судебном заседании информации ответчика следует, что в ходе проведенной Комиссией работы по обращению истца изучена законодательная база Российской Федерации и установлено отсутствие нормативных коллизий с соответствующими актами права Союза. При этом правоприменительная практика Комиссией не изучалась. В этой связи Коллегией Суда установлено, что Комиссией была проведена работа, являющаяся лишь одним из этапов мониторинга.

Учитывая изложенное, Коллегия Суда пришла к выводу о том, что Комиссия ограничилась анализом норм национального законодательства Российской Федерации и уклонилась от необходимости изучения соответствующей правоприменительной практики государств-членов. Такое бездействие Комиссии нельзя считать в полной мере соответствующим Положению о Комиссии.

К Решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Баишева Ж.Н.

Правовые позиции:

1. Хозяйствующий субъект обладает законным интересом в надлежащем исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и, как следствие, в осуществлении Комиссией мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии, а также в уведомлении государств-членов о необходимости их исполнения, при условии, что такие акты права Союза наделяют его соответствующими правами.

(абзац 8 части VI «Выводы Суда»)

2. Изучение Комиссией практики применения государствами-членами (в лице уполномоченных органов власти) соответствующих актов права Союза является обязательным при осуществлении мониторинга, поскольку вывод об исполнении либо неисполнении государствами-членами актов права Союза связан, в том числе, с анализом такой правоприменительной практики.

(абзац 21 части VI «Выводы Суда»)

3. Мониторинг осуществляется Комиссией на постоянной основе, носит комплексный характер и не связан с необходимостью индивидуального инициативного обращения. Обращение физического или юридического лица с просьбой о мониторинге законодательства государства-члена в той или иной сфере само по себе не может являться безусловным основанием для мониторинга, однако обращения в Комиссию хозяйствующих субъектов могут быть источниками информации при проведении мониторинга. При этом хозяйствующий субъект должен представить в Комиссию обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная практика применения международных договоров.

(абзац 23 части VI «Выводы Суда»)

4. При наличии объективных сведений о неприменении государственными органами государства-члена норм права Союза или наличии противоречивой практики их применения Комиссии следует осуществить мониторинг исполнения государством-членом соответствующих актов права Союза в полном объеме, как установлено нормами Положения о Комиссии.

(абзац 34 части VI «Выводы Суда»)

Case summary
No.CE-1-2/4-18-KC (Oil Marine Group LLC)

Keywords:

Oil Marine Group LLC (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (Commission/EEC).

Contesting a failure to act of the EEC as not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union.

Customs regulation – water vessels – international transport vehicles – payment of import customs duties – tariff preference – monitoring and control over the implementation of international treaties within the Eurasian Economic Union.

Decision of the Customs Union Commission No.130 dated November 27, 2009 “On Common Customs and Tariff Regulation of the Eurasian Economic Union”– Customs Code of the Customs Union – Customs Code of the Eurasian Economic Union – Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex 1 to the Treaty).

Partial satisfaction of Applicant’s claims – declaring inaction as not fully in line with the Treaty – separate opinion.

Substance of the case:

Limited Liability Company Oil Marine Group applied to the Court of the Eurasian Economic Union declaring inaction of the Eurasian Economic Commission, namely, its refusal to exercise monitoring and control over the implementation of international treaties within the Eurasian Economic Union, not in line with the Regulation on the Eurasian Economic Commission (Annex 1 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014) and as violating the rights and legitimate interests of Oil Marine Group LLC in the area of business and other economic activities.

By the judgment of the Chamber of the Court dated October 11, 2018, the application filed by Oil Marine Group LLC was partially satisfied. Inaction of the Eurasian Economic Commission was declared not fully in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 and the international treaties within the Union and as violating the rights and legitimate interests of Oil Marine Group LLC in the area of business and other economic activities.

Substantiating the adopted judgment, the Chamber of the Court has specified that the economic entity has legitimate interest in proper implementation by the Member States of the international treaties within the law of the Union and, consequently, in exercising monitoring and control by the Commission over the implementation of the international treaties within the law of the Union and decisions of the Commission, as well as in notifying the Member States of the need to implement such treaties, provided that such regulatory acts of the Union

law vest it with the relevant rights. The Commission carries out comprehensive monitoring on an ongoing basis. Such monitoring does not depend on individual proactive request. Request of a natural person or a legal person for monitoring the legislation of the Member State in a particular area in itself cannot be considered as an unconditional ground for monitoring, however requests of economic entities to the Commission may be the source of information in the course of monitoring. In addition to the above, the economic entity shall provide the Commission with duly substantiated arguments confirming the fact that the legal system of the Member State stipulates the rules not complying with the international treaties within the law of the Union and (or) the practice in the implementation of international treaties varies in different Member States.

As it follows from the defendant's information provided at the court session, in the course of the work based on the claimant's request the Commission analyzed the legal framework of the Russian Federation and established the fact of absence of normative conflicts with the relevant acts of the Union law. At the same time, the Commission did not focus on the established practice in applying the law. Due to this fact, the Chamber of the Court has found that the Commission has executed the work which forms only a part of the monitoring stages.

Considering the above, the Chamber of the Court came to the conclusion that the Commission had restricted itself to the analysis of the rules of national legislation of the Russian Federation and had avoided the necessary study of the relevant practice in applying the law established by the Member States. Therefore, it cannot be assumed that such failure to act of the Commission complies with the Regulation on the Commission to the full extent.

A separate opinion of Judge Zh.N. Baishev is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

Legal Findings:

1. The economic entity has legitimate interest in proper implementation by the Member States of the international treaties within the law of the Union and, consequently, in exercising by the Commission monitoring and control over the implementation of the international treaties within the law of the Union and decisions of the Commission, as well as in notifying the Member States of the need to implement such treaties, provided that such regulatory acts of the Union law vest it with the relevant rights.

(subparagraph 8 of part VI "Court's Findings")

2. Studying by the Commission of precedents in the application by the Member States (represented by authorized state bodies) of the relevant acts of the Union law is an obligatory part of monitoring as the conclusion on the implementation or non-

implementation by the Member States of the acts of the Union law is related, among other things, with the analysis of such law enforcement practice.

(subparagraph 21 of part VI “Court’s Findings”)

3. The Commission carries out comprehensive monitoring on an ongoing basis. Such monitoring does not depend on individual proactive request. Request of a natural person or a legal person for monitoring the legislation of the Member State in a particular area in itself cannot be considered as an unconditional ground for monitoring, however requests of economic entities to the Commission may be the source of information in the course of monitoring. In addition to the above, the economic entity shall provide the Commission with duly substantiated arguments confirming the fact that the legal system of the Member State stipulates the rules not complying with the international treaties within the law of the Union and (or) the practice in the implementation of international treaties varies in different Member States.

(subparagraph 23 of part VI “Court’s Findings”)

4. When there is objective evidence that the state bodies of the Member State do not apply the rules of the Union law or that there exists contradictory practice in their application, the Commission shall carry out monitoring of implementation by the Member State of the relevant acts of the Union law to the full extent, as provided for by the provisions of the Regulation on the Commission.

(subparagraph 34 of part VI “Court’s Findings”)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

16 июля 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Захарове А.Ю., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

В заявлении Комиссия указывает, что Договором о Евразийском экономическом союзе от 28 мая 2014 года (далее – Договор) закреплен принцип свободного перемещения рабочей силы в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз). Согласно пункту 2 статьи 97 Договора государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания. Однако, в заявлении в Суд Комиссия указывает, что у государств-членов имеются различные позиции по толкованию и применению пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов.

В этой связи заявитель просит Суд разъяснить применение пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-

членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений в отношении указанной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности в государствах-членах.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза (далее – Статут Суда) Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора Евразийская экономическая комиссия является одним из органов Союза.

Таким образом, Комиссия является органом, имеющим право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора.

Заявитель просит разъяснить положения Договора, что входит в компетенцию Суда.

Согласно пункту 73 Статута Суда Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

Пунктом 68 Статута Суда установлено, что порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Требования, предъявляемые к заявлению органа Союза о разъяснении, содержатся в статье 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда приходит к выводу, что заявление Коллегии о разъяснении *prima facie* соответствует требованиям статьи 10 Регламента Суда. По вопросу, указанному заявителем, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом ранее не принималось.

При таких обстоятельствах оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда, не имеется.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 46, 68, 69, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда, статьями 10, 74 Регламента Суда, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 12 ноября 2018 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию постановления направить в Евразийскую экономическую комиссию.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешагаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

7 декабря 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе: председательствующего судьи-докладчика Баишева Ж.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Захарове А.Ю., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза, предоставляет следующее Консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор).

Заявитель указывает, что в статье 1 Договора закреплён принцип свободы движения рабочей силы в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз).

Кроме того, согласно пункту 2 статьи 97 Договора государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

В Комиссию поступило обращение Вице-премьер-министра, Министра международной экономической интеграции и реформ Республики Армения от 21 июня 2016 года о нарушениях прав профессиональных спортсменов – граждан Республики Армения при осуществлении ими трудовой деятельности в профессиональных спортивных клубах Российской Федерации.

На основании обращения заявителем проведен мониторинг и контроль исполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза в части привлечения профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств-членов, к осуществлению трудовой деятельности без применения ограничений по защите национального рынка труда.

По итогам мониторинга установлено, что в государствах-членах существуют ограничения трудовой деятельности профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств-членов. В законодательстве государств-членов содержатся количественные ограничения по участию в спортивных мероприятиях профессиональных спортсменов в зависимости от их гражданства, которые распространяются, в том числе, и на граждан государств-членов.

Решением Коллегии Комиссии от 11 мая 2017 года № 47 «О выполнении государствами – членами Евразийского экономического союза обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 47) государства-члены уведомлены о необходимости исполнения пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществляемой профессиональными спортсменами, являющимися гражданами других государств-членов, трудовой деятельности в физкультурно-спортивных организациях (организациях физической культуры и спорта) государства трудоустройства.

Во исполнение пункта 2 Решения № 47 правительства государств-членов проинформировали Комиссию о принятых мерах, направленных на устранение ограничений в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов.

Вместе с тем, по мнению Российской Федерации, дополнительные требования, которые предусмотрены в законодательных, а также подзаконных актах Министерства спорта, не являются ограничениями, устанавливаемыми и применяемыми в целях защиты национального рынка труда согласно пункту 2 статьи 97 Договора, а служат цели реализации государственной политики Российской Федерации в сфере профессионального спорта и направлены на создание условий для подготовки спортсменов.

Заявитель считает, что государства-члены имеют различные позиции по толкованию и применению пункта 2 статьи 97 Договора об осуществлении трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления количественных ограничений по участию в национальных спортивных мероприятиях. Комиссия отмечает, что правовой статус профессиональных спортсменов, яв-

ляющихся гражданами государств-членов, фактически не отличается от правового статуса спортсменов из третьих стран.

Подобный подход, по мнению заявителя, не в полной мере соответствует положениям Договора, предусматривающим свободу движения рабочей силы в рамках Союза и неприменение ограничений по защите национального рынка труда.

В этой связи Комиссия просит Суд разъяснить применение пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к этой категории лиц при осуществлении трудовой деятельности.

II. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Пунктом 73 Статута Суда установлено, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

В рамках подготовки дела к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда направлены запросы и получены ответы Судебного Департамента Республики Армения, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Верховного суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации, Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства юстиции Республики Казахстан, Министерства юстиции Кыргызской Республики, Министерства юстиции Российской Федерации, Министерства спорта и по делам молодежи Республики Армения, Министерства спорта и туризма Республики Беларусь, Министерства культуры и спорта Республики Казахстан, Государственного агентства по делам молодежи, физической культуры и спорта при Правительстве Кыргызской Республики, Министерства спорта Российской Федерации, Белорусского государственного университета, Института законодательства Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Казанского (Приволжского) федерального университета, Казахстанского института менеджмента, экономики и прогнозирования, Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, Новосибирского государственного университета.

По запросу Суда Комиссия представила дополнительные материалы по делу.

III. Выводы Суда

Руководствуясь пунктом 50 Статута Суда, Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора в их системной взаимосвязи между собой на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений пункта 1 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция), согласно которому договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

1. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Договора в рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Согласно статье 2 Договора «общий (единый) рынок» – совокупность экономических отношений в рамках Союза, при которых обеспечивается свобода перемещения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

В статье 4 Договора в качестве одной из основных целей Союза закреплено стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза.

Пунктами 1 и 2 статьи 28 Договора определено, что Союз принимает меры по обеспечению функционирования внутреннего рынка в соответствии с положениями Договора. Внутренний рынок охватывает экономическое пространство, в котором согласно положениям Договора обеспечивается свободное передвижение товаров, лиц, услуг и капиталов.

Системное толкование указанных норм Договора позволяет сделать вывод, что свободное передвижение лиц является одним из элементов функционирования внутреннего рынка.

Как следует из структуры Договора, раздел XXVI «Трудовая миграция» отнесен к части третьей Договора «Единое экономическое пространство».

В соответствии со статьей 96 данного раздела Договора государства-члены осуществляют сотрудничество по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции в рамках Союза, а также по оказанию содействия организованному набору и привлечению трудящихся государств-членов для осуществления ими трудовой деятельности в государствах-членах.

2. Для регламентации деятельности в сфере профессионального спорта характерно сочетание государственного правового регулирования и саморегу-

лирования организациями физической культуры и спорта. При этом государства-члены устанавливают для организаций физической культуры и спорта пределы регулирования труда профессиональных спортсменов, ограничивая их правовыми рамками и предоставляя возможность разрешения трудовых споров в сфере профессионального спорта в национальных судах.

Пунктом 1 статьи 97 Договора установлено, что работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда. Трудящимся государств-членов не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства.

Согласно пункту 2 статьи 97 Договора государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

Взаимосвязанное прочтение пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора свидетельствует, что содержащиеся в них правовые нормы адресованы государствам – членам Союза, работодателям, заказчикам работ (услуг) и трудящимся государств-членов.

Первое предложение пункта 1 статьи 97 Договора устанавливает право работодателя и заказчика работ (услуг) привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда.

Уяснение второго предложения пункта 1 статьи 97 Договора свидетельствует, что государства-члены не вправе требовать от трудящихся государств-членов получения разрешения на осуществление трудовой деятельности.

По смыслу пункта 2 статьи 97 Договора государства-члены взяли на себя обязательство не устанавливать ограничения в целях защиты национального рынка труда, а если такие ограничения установлены, то не применять их к трудящимся государств-членов, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности и общественного порядка.

Из системного толкования пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора следует, что в отношении трудящихся государств-членов не применяются ограничения, установленные в целях защиты национального рынка труда (лимиты, квоты).

Тот факт, что формулировки пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора наделяют работодателей, заказчиков работ (услуг) и трудящихся государств-членов

правами, а также являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, позволяет констатировать наличие у них свойств прямого действия и непосредственного применения.

3. Большая коллегия Суда полагает, что для ответа на поставленный заявителем вопрос следует установить, соответствует ли деятельность профессиональных спортсменов понятию трудовой деятельности.

Согласно пункту 5 статьи 96 Договора «трудящийся государства-члена» – лицо, являющееся гражданином государства-члена, законно находящееся и на законном основании осуществляющее трудовую деятельность на территории государства трудоустройства, гражданином которого оно не является и в котором постоянно не проживает.

Под «трудовой деятельностью» понимается деятельность на основании трудового договора или деятельность по выполнению работ (оказанию услуг) на основании гражданско-правового договора, осуществляемая на территории государства трудоустройства в соответствии с законодательством этого государства.

Учитывая изложенное, применительно к рассматриваемому вопросу, вне зависимости от положения, которым профессиональные спортсмены обладают в соответствии с законодательством каждого из государств – членов Союза, они являются трудящимися по смыслу права Союза, обладают единым статусом в рамках Союза и пользуются предоставленными Договором правами и законными интересами.

Трудящийся государства-члена должен отвечать требованиям:

- а) обладать гражданством одного из государств-членов;
- б) законно находиться на территории государства трудоустройства;
- в) на законном основании осуществлять на территории государства-члена трудоустройства деятельность по выполнению работ или оказанию услуг на основании трудового договора или гражданско-правового договора;
- г) не являться гражданином государства трудоустройства;
- д) получать вознаграждение за осуществление своей деятельности.

В силу положений законодательства государств – членов Союза деятельность профессиональных спортсменов регулируется нормами трудового и гражданского права, а также актами международных и национальных организаций физической культуры и спорта.

Законодательство государств – членов Союза устанавливает возможность возникновения отношений между работодателем (организацией физической культуры и спорта) и работником (профессиональным спортсменом) на основании трудового договора (статья 17 Закона Республики Армения от 10 июля 2001 года № ЗР-196 «О физической культуре и спорте», статья 397 Трудового кодекса Кыргызской Республики, часть 1 статьи 348.1 Трудового кодекса Российской Федерации), гражданско-правового договора (пункт 1

статьи 18 Закона Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 228-V «О физической культуре и спорте»), трудового или гражданско-правового договоров (пункт 1 статьи 55 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 года № 125-З «О физической культуре и спорте»). При этом трудовая функция работника, независимо от того, на основании какого вида договора он осуществляет свою деятельность, состоит в подготовке и участии в спортивных соревнованиях по определенному виду спорта.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что во всех государствах-членах деятельность профессиональных спортсменов соответствует понятию трудовой деятельности и на нее в той части, которая связана с реализацией трудовой функции спортсмена, распространяется действие пункта 2 статьи 97 Договора.

Профессиональные спортсмены и организации физической культуры и спорта в государствах-членах осуществляют деятельность на основании трудовых или гражданско-правовых договоров, что согласно абзацу десятому пункта 5 статьи 96 Договора соответствует понятию трудовой деятельности.

Учитывая изложенное, Большая коллегия Суда приходит к выводу, что при соблюдении указанных в праве Союза условий профессиональные спортсмены обладают статусом трудящихся государств-членов, а их деятельность является трудовой.

4. Согласно пункту 2 статьи 97 Договора ограничения в сфере трудовой миграции не допустимы, но могут быть установлены Договором и законодательством государств-членов только в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

Из содержания пункта 2 статьи 97 Договора следует, что запрещается установление или применение трех видов ограничений.

Во-первых, запрещены ограничения в отношении осуществляемой трудовой деятельности. Это ограничения, которые касаются условий реализации трудовой функции при наличии трудовых или гражданско-правовых отношений между трудящимся государства-члена и работодателем/заказчиком работ (услуг), к примеру, в отношении условий труда, заработной платы, возможности выступать на соревнованиях.

Тот факт, что данные положения касаются не найма игроков, а что не установлены ограничения, а возможности клуба выставить их на игры в официальных матчах, не имеет значения. Поскольку участие в таких матчах является основной целью деятельности профессионального игрока, правило, ограничивающее такое участие, также ограничивает право спортсмена на получение работы.

Во-вторых, запрет касается рода занятий, то есть ограничений, налагаемых на доступ к определенной профессии. Примером таких ограничений является резервирование определенных видов деятельности за гражданами соответствующего государства, установление квот, пропорциональных соотношений граждан и не граждан, либо предъявление к не гражданам дополнительных требований для доступа к определенному виду трудовой деятельности.

Ограничения возможности участия профессиональных спортсменов, выступающих в профессиональных клубах, в спортивных соревнованиях, представляют собой ограничения в осуществляемой трудовой деятельности (реализации трудовой функции). Анализ законодательства государств-членов показал, что участие в спортивных соревнованиях представляет собой трудовую функцию профессионального спортсмена. Данное ограничение влечет последствия и для доступа иностранных спортсменов к рынку труда, поскольку делает заключение трудовых договоров со спортсменами из других государств-членов менее привлекательным для спортивных клубов. К аналогичным выводам пришел Суд Европейского союза в решениях по делам *Union royale belge des sociétés de football association and Others v Bosman and Others* (Case C-415/93; далее – *Bosman*) и *Igor Simutenkov v Ministerio de Educación y Cultura and Real Federación Española de Fútbol* (Case C-265/03).

В-третьих, запрещены ограничения в отношении территории пребывания, то есть препятствия по доступу к работе, обусловленные обязательным проживанием в определенной местности. Такие требования являются ограничением, поскольку их заведомо легче выполнить гражданам соответствующего государства. Тот факт, что такое требование может являться ограничением и в отношении части собственного населения, не ставит под сомнение данный вывод.

Таким образом, норма Договора распространяется на любые ограничения, устанавливаемые или применяемые в государстве-члене с целью защиты национального рынка труда, имеющие целью запретить (ограничить) приток на такой рынок работников, обладающих гражданством иных государств – членов Союза.

5. Пункт 2 статьи 97 Договора допускает возможность установления Договором и законодательством государств-членов ограничений «в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка». В случае если государственные меры подпадают под действие Договора и представляют собой ограничения в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания, необходимо проанализировать, могут ли подобные ограничения быть оправданы целью защиты общественных интересов. При этом ограничения могут содержать как меры общего характера, так и меры индивидуальные,

в отношении конкретных лиц, принимаемые по соображениям национальной безопасности и общественного порядка. Государства-члены обладают дискрецией в определении мер национальной безопасности и общественного порядка, а также отраслей экономики, имеющих стратегическое значение. Вместе с тем государственные меры должны быть пропорциональны, то есть соответствовать достижению поставленных задач по обеспечению национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения.

Принцип пропорциональности применен Судом Европейского союза по делам *Bosman, Lehtonen and Castors Braine (Case C-176/96)* и *Olympique Lyonnais (Case C-325/08)*.

Положения пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора не допускают применение и установление ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, являющихся трудящимися государств-членов на уровне национального законодательства и подзаконных актов, а также запрещают применять соответствующие ограничения организациям физической культуры и спорта, являющимся работодателями профессиональных спортсменов, независимо от того, установлены соответствующие ограничения законами или подзаконными актами либо введены локальными актами соответствующей организации.

Большая коллегия Суда приходит к выводу, что правило, ограничивающее количество профессиональных иностранных игроков, являющихся гражданами государств – членов Союза, представляет собой ограничение трудовой деятельности (в случае расторжения заключенного трудового договора) или ограничение в отношении рода занятий, в той мере, в какой оно непосредственно затрагивает участие таких игроков в соревнованиях, а также возможность заключения трудового договора с профессиональными спортсменами – трудящимися государств – членов Союза. Установление или применение подобного ограничения запрещено пунктом 2 статьи 97 Договора.

6. Большая коллегия Суда полагает, что применительно к деятельности профессиональных спортсменов необходимо разграничить нормы, регулирующие их трудовую деятельность, реализацию ими своей трудовой функции, от правил, определяющих исключительно спортивную составляющую этой сферы.

Если ограничение затрагивает трудовую деятельность профессионального спортсмена, то оно подпадает под действие пункта 2 статьи 97 Договора, а если соответствующее ограничение касается лишь сферы спорта, действие права Союза на него не распространяется.

Профессиональная спортивная деятельность юридических лиц (федераций видов спорта, клубов и других), участвующих в спортивных соревнованиях и

имеющих целью достижение высоких спортивных результатов и получение прибыли, имеет особенности правового регулирования в государствах – членах Союза.

Трудовые отношения спортсменов, не являющихся гражданами государства-члена, на территории которого осуществляется профессиональная спортивная деятельность, регулируются трудовым законодательством данного государства-члена. Это предполагает неприменение к ним ограничений в целях защиты национального рынка труда по смыслу пункта 2 статьи 97 Договора.

В праве Союза свобода движения трудящихся государств-членов обеспечивается их гарантиями и правами.

Учитывая изложенное, Большая коллегия Суда считает, что нормы, которые связаны с осуществлением профессиональными спортсменами трудовой функции, подпадают под действие права Союза.

Понятие «ограничения» может распространяться на меры, которые затрудняют или удерживают граждан государств – членов Союза от реализации своего права на осуществление трудовой деятельности в ином государстве-члене.

В целях соблюдения требования пропорциональности следует установить, соответствует ли ограничение достижению поставленной задачи и предусматривает ли только то, что необходимо для ее достижения.

Ограничения количества профессиональных спортсменов, выступающих в профессиональных клубах и имеющих возможность участвовать в национальных спортивных соревнованиях, являются недопустимыми, поскольку ставят спортсменов, граждан иных государств – членов Союза, в неравное положение по сравнению со спортсменами, являющимися гражданами государства, где осуществляется трудовая деятельность.

Большая коллегия Суда обращает внимание на недопустимость установления в национальном законодательстве государств-членов ограничений трудовой деятельности по признаку гражданства государства-члена.

7. Большая коллегия Суда отмечает, что в рамках компетенции, предоставленной Договором, на основании мониторинга выполнения государствами-членами обязательств в рамках функционирования внутреннего рынка Союза в части привлечения профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств-членов, к осуществлению трудовой деятельности без учета ограничений по защите национального рынка труда, Комиссией принято Решение № 47.

Комиссия уведомила государства-члены о необходимости исполнения пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществляемой профессиональными спортсменами, являющимися гражданами других государств-членов, трудовой деятельности в физкультурно-спортивных организациях (организа-

циях физической культуры и спорта) государства трудоустройства.

Согласно Решению № 47 правительства государств-членов проинформировали Комиссию о принятых мерах, направленных на устранение ограничений, установленных как на уровне законодательства государств-членов, так и на уровне актов физкультурно-спортивных организаций (организаций физической культуры и спорта) государств-членов в отношении профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств-членов.

В силу пункта 1 статьи 6 Договора решения Комиссии составляют право Союза. Согласно пункту 13 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) решения Комиссии имеют нормативно-правовой характер, обязательны для государств-членов, входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов.

Подпункт 1 пункта 39 Статута Суда предоставляет государству-члену, не согласному с решением Комиссии, право обратиться в Суд с заявлением о проверке соответствия решения Комиссии или его отдельных положений Договору, международным договорам в рамках Союза и (или) решениям органов Союза.

Системное толкование перечисленных правовых норм позволяет прийти к выводу об обязанности государств-членов исполнять решения Комиссии, а при несогласии с ними – о праве обжаловать данные решения в установленном правом Союза порядке. Неисполнение решений Комиссии, вступивших в законную силу и не оспоренных в установленном порядке, не согласуется с Договором.

В соответствии со статьей 3 Договора государства-члены создают благоприятные условия для выполнения Союзом его функций и воздерживаются от мер, способных поставить под угрозу достижение целей Союза, к числу которых в силу статьи 4 Договора относится стремление к формированию единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза.

Согласно статье 26 Венской конвенции каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (принцип *pacta sunt servanda*).

При таких обстоятельствах неприменение государствами-членами пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществляемой профессиональными спортсменами, являющимися трудящимися государств-членов, трудовой деятельности в организациях физической культуры и спорта государства трудоустройства, является барьером, препятствующим достижению цели формирования единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза.

С учетом изложенного государствам-членам при противоречии права Союза и актов национального законодательства, в том числе по вопросу

применения ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, не соответствующих пункту 2 статьи 97 Договора, следует руководствоваться положениями права Союза.

Выводы

Пункт 2 статьи 97 Договора является нормой прямого действия и подлежит непосредственному применению.

Не допускается установление в законодательстве государств-членов и локальных актах организаций физической культуры и спорта, а также применение действующих количественных ограничений к профессиональным спортсменам, являющимся гражданами государств – членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

IV. Заключительные положения

Копию настоящего Консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий
судья-докладчик

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова
Э.В. Айриян
Д.Г. Колос
Т.Н. Нешатаева
В.Х. Сейтимова
Г.А. Скрипкина
А.Э. Туманян
А.А. Федорцов
К.Л. Чайка

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Евразийской экономической комиссии № СЕ-2-2/5-18-БК

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (Комиссия).

О разъяснении пункта 2 статьи 97 Договора в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов Союза и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений в отношении профессиональных спортсменов при осуществлении трудовой деятельности в государствах – членах Союза.

Внутренний рынок Союза; национальный рынок труда; ограничения трудовой деятельности – количественные ограничения, ограничения в отношении рода занятий; профессиональные спортсмены, являющиеся гражданами государств – членов Союза; трудовая деятельность, осуществляемая профессиональными спортсменами; свободное перемещение лиц; трудящийся государства-члена.

Пункты 1, 2 статьи 97 Договора.

Консультативное заключение – разъяснение Договора.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении пункта 2 статьи 97 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств-членов, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к этой категории лиц при осуществлении трудовой деятельности.

Согласно указанной норме Договора государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государства-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

Основанием для обращения с заявлением в Суд послужили результаты проведенного Евразийской экономической комиссией мониторинга и контроля исполнения государствами-членами обязательств в рамках

функционирования внутреннего рынка Евразийского экономического союза в части привлечения профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств-членов, к осуществлению трудовой деятельности без применения ограничений по защите национального рынка труда, согласно которым в государствах-членах существуют ограничения трудовой деятельности профессиональных спортсменов, являющихся гражданами государств-членов. В законодательстве государств-членов содержатся количественные ограничения по участию в спортивных мероприятиях профессиональных спортсменов в зависимости от их гражданства, которые распространяются, в том числе, и на граждан государств-членов.

В Консультативном заключении от 7 декабря 2018 года Суд пришел к выводу, что пункт 2 статьи 97 Договора является нормой прямого действия и подлежит непосредственному применению. Не допускается установление в законодательстве государств-членов и локальных актах организаций физической культуры и спорта, а также применение действующих количественных ограничений к профессиональным спортсменам, являющимся гражданами государств – членов Союза, в отношении осуществляемой ими трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Тот факт, что формулировки пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора наделяют работодателей, заказчиков работ (услуг) и трудящихся государств-членов правами, а также являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, позволяет констатировать наличие у них свойств прямого действия и непосредственного применения.

(см. абзац 9 пункта 2 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

2. Вне зависимости от положения, которым профессиональные спортсмены обладают в соответствии с законодательством каждого из государств – членов Союза, они являются трудящимися по смыслу права Союза, обладают единым статусом в рамках Союза и пользуются предоставленными Договором правами и законными интересами.

(см. абзац 4 пункта 3 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

3. Ограничения возможности участия профессиональных спортсменов, выступающих в профессиональных клубах, в спортивных соревнованиях, представляют собой ограничения в осуществляемой трудовой деятельности (реализации трудовой функции). Данное ограничение влечет последствия и для доступа иностранных спортсменов к рынку труда, поскольку делает за-

ключение трудовых договоров со спортсменами из других государств-членов менее привлекательным для спортивных клубов.

(см. абзац 6 пункта 4 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

4. Государства-члены обладают дискрецией в определении мер национальной безопасности и общественного порядка, а также отраслей экономики, имеющих стратегическое значение. Вместе с тем государственные меры должны быть пропорциональны, то есть соответствовать достижению поставленных задач по обеспечению национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения.

(см. абзац 1 пункта 5 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

5. Положения пунктов 1 и 2 статьи 97 Договора не допускают применение и установление ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, являющихся трудящимися государств-членов на уровне национального законодательства и подзаконных актов, а также запрещают применять соответствующие ограничения организациям физической культуры и спорта, являющимся работодателями профессиональных спортсменов, независимо от того, установлены соответствующие ограничения законами или подзаконными актами либо введены локальными актами соответствующей организации.

(см. абзац 3 пункта 5 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

6. Понятие «ограничения» может распространяться на меры, которые затрудняют или удерживают граждан государств – членов Союза от реализации своего права на осуществление трудовой деятельности в ином государстве-члене.

(см. абзац 7 пункта 6 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

7. При противоречии права Союза и актов национального законодательства, в том числе по вопросу применения ограничений трудовой деятельности профессиональных спортсменов, не соответствующих пункту 2 статьи 97 Договора, следует руководствоваться положениями права Союза.

(см. абзац 10 пункта 7 части III «Выводы Суда» Консультативного заключения)

Case summary
on the clarification on the application filed by
the Eurasian Economic Commission
No.CE-2-2/5-18-БК

Keywords:

Eurasian Economic Commission (the Commission).

Clarification of paragraph 2 of Article 97 of the Treaty on conducting labour activities by professional sportsmen who are the nationals of the Member States of the Union and on the possibility of determination in national legislation of quantitative restrictions with regard to professional sportsmen in the course of conducting labour activities in the Member States of the Union.

Internal market of the Union; national labour market; restrictions of labour activity – quantitative restrictions, restrictions with regard to occupation; professional sportsmen who are the nationals of the Member States of the Union; labour activity conducted by professional sportsmen; free movement of persons; a worker of the Member State.

Paragraphs 1, 2 of Article 97 of the Treaty.

Advisory opinion – clarification of the Treaty.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission submitted an application to the Court of the Eurasian Economic Union asking to clarify the provisions of paragraph 2 of Article 97 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 on conducting labour activities by professional sportsmen who are the nationals of the Member States of the Union and on the possibility of determination in national legislation of quantitative restrictions with regard to this category of persons conducting labour activities.

According to the mentioned provision of the Treaty, the Member States shall not determine or apply any restrictions provided by their legislation for the protection of their national labour market, except for the restrictions determined by the Treaty and the legislation of the Member States aimed at ensuring their national security (including in economic sectors of strategic importance) and public order, with regard to labour activities conducted by the workers of the Member States, occupation and territory of stay.

The application was submitted to the Court based on the results of the conducted by the Eurasian Economic Commission monitoring and control over the fulfilment by the Member States of their obligations within the framework of the Eurasian Economic Union internal market functioning to the extent of involvement of professional sportsmen who are the nationals of the Member States in conducting labour activity without application of restrictions for the protection of the national

labour market, according to which there are restrictions existing in the Member States with regard to the labour activity of professional sportsmen who are the nationals of the Member States. Legislation of the Member States contains quantitative restrictions with regard to participation of professional sportsmen in sports events depending on their citizenship, which apply, among other things, to the nationals of the Member States.

In its advisory opinion dated December 7, 2018 the Court found that paragraph 2 of Article 97 of the Treaty is a rule of direct effect and shall be directly applicable. Determination in the legislation of the Member States and in the local acts of the organizations of physical training and sports, and also application of effective quantitative restrictions in regard to professional sportsmen who are the nationals of the Member States of the Union with regard to their labour activity, occupation and territory of stay are not allowed.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The fact that the wordings of paragraphs 1 and 2 of Article 97 of the Treaty grant the rights to employers, customers of works (services) and workers of the Member States, and are sufficiently clear and precise, and do not require implementation in the national legislation, allows us to conclude that the said wordings have the features of direct effect and applicability.

(see subparagraph 9, paragraph 2, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

2. Irrespective of the status granted to professional sportsmen in accordance with the legislation of each Member State of the Union, they are deemed to be workers within the meaning of the Union’s law, have identical status within the Union and exercise the rights and legitimate interest set out in the Treaty.

(see subparagraph 4, paragraph 3, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

3. Restrictions of participation of professional sportsmen employed by professional sports clubs in sports events represent restrictions for conducting labour activity (fulfilment of the labour function). This restriction entails consequences for the access of foreign sportsmen to the labour market as well, as it makes conclusion of employment agreements with sportsmen from other Member States less attractive for sports clubs.

(see subparagraph 6, paragraph 4, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

4. Member States have discretion to determine the measures of national security and public order as well as economic sectors of strategic importance. However, government measures shall be proportional, i.e. they shall facilitate achievement of the set objectives related to ensuring national security (including in economic sectors

of strategic importance) and public order, and shall envisage only those provisions, which are necessary for the achievement of such objectives.

(see subparagraph 1, paragraph 5, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

5. The provisions of paragraphs 1 and 2 of Article 97 of the Treaty do not allow the application and determination of restrictions with regard to labour activities of professional sportsmen, who are the workers of the Member States, at the level of national legislation and subordinate acts, and also prohibit application of the relevant restrictions by the organizations of physical training and sports that are the employers of professional sportsmen, irrespective of the fact whether such restrictions have been determined by laws or subordinate acts, or have been set by local acts of the relevant organization.

(see subparagraph 3, paragraph 5, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

6. The term «restrictions» may apply to the measures, which hinder or restrain the nationals of the Member States of the Union from exercising their right to conduct labour activity in any other Member State.

(see subparagraph 7, paragraph 6, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

7. In case of conflict between the law of the Union and the regulatory acts of the national legislation, including on the issues of application of restrictions of professional sportsmen’s labour activity, which are not complying with paragraph 2 of Article 97 of the Treaty, the provisions of the Union’s law shall prevail.

(see subparagraph 10, paragraph 7, part III “Court’s Findings” of the Advisory Opinion)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 сентября 2018 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи-докладчика Скрипкиной Г.А.,
судей Сейтимовой В.Х., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Адерейко А.Н.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества Торговая компания «Яршинторг» (г.Ярославль, Российская Федерация) об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в начале антидемпингового расследования, в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, действий по непроведению оценки последствий воздействия антидемпинговой меры на конкуренцию на товарном рынке литых алюминиевых колесных дисков в рамках антидемпингового расследования в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, и письменное ходатайство закрытого акционерного общества Торговая компания «Яршинторг» об отзыве вышеуказанного заявления,

УСТАНОВИЛА:

7 августа 2018 года в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) поступило заявление закрытого акционерного общества Торговая компания «Яршинторг» (далее – ЗАО ТК «Яршинторг») об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в начале антидемпингового расследования, в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, действий по непроведению оценки последствий воздействия антидемпинговой меры на конкуренцию на товарном рынке литых алюминиевых колесных дисков в рамках антидемпингового расследования в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза.

В соответствии с пунктом 1 статьи 13 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года (далее – Регламент Суда) Председателем

Суда 7 августа 2018 г. был определен состав Коллегии Суда, судья-докладчик, секретарь судебного заседания, и заявление ЗАО ТК «Яршинторг» было передано на рассмотрение Коллегии Суда.

13 августа 2018 г. в Суд поступило письменное ходатайство (заявление) ЗАО ТК «Яршинторг» об отзыве заявления об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии и о возврате уплаченной пошлины в размере 42948 российских рублей.

Заявление истца – ЗАО ТК «Яршинторг», об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии, и письменное ходатайство (заявление) об отзыве искового заявления в Суд, а также о возврате пошлины подписано генеральным директором ЗАО ТК «Яршинторг» Малышевым И.И., полномочия которого подтверждены протоколом № 2 от 31 марта 2006 года общего собрания акционеров компании.

Таким образом, требования статей 9 и 32 Регламента Суда о лице, уполномоченном на подписание заявлений о разрешении спора, соблюдено.

Пункт 67 Статута Суда предусматривает, что на любой стадии рассмотрения дела спор может быть урегулирован сторонами спора путем заключения мирового соглашения, отказа от своих требований или отзыва заявления.

В соответствии с подпунктом в) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда Суд выносит постановление об отказе в принятии заявления к производству в случае, если до вынесения постановления Суда о принятии заявления к производству от истца поступило ходатайство об отзыве заявления.

С учетом вышеизложенного, Коллегия Суда приходит к выводу о необходимости отказа в принятии заявления к производству в связи с отзывом заявления истцом.

В своем заявлении об отзыве иска ЗАО ТК «Яршинторг» также просит вернуть пошлину в размере 42948 российских рублей за подачу заявления об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии, в связи с отзывом иска.

Пункты 64 и 65 Статута Суда предусматривают, что возврат пошлины осуществляется в случае удовлетворения Судом требований хозяйствующего субъекта, указанных в заявлении, а порядок зачисления, использования и возврата пошлины определяется Высшим Евразийским экономическим советом.

Пункт 4 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 10 октября 2014 года № 85 «Об определении размера, валюты платежа, порядка зачисления, использования и возврата пошлины, уплаченной хозяйствующими субъектами при обращении в Суд Евразийского экономического союза», не предусматривает возврат пошлины в случае отказа в принятии заявления к производству.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 52, 64, 65, 67, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда, подпунктом в) пункта 2 статьи 33 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза,

ПОСТАНОВИЛА:

1. Отказать в принятии к производству заявления закрытого акционерного общества Торговая компания «Яршинторг» (г. Ярославль, Российская Федерация) об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в начале антидемпингового расследования, в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза, действий по непроведению оценки последствий воздействия антидемпинговой меры на конкуренцию на товарном рынке литых алюминиевых колесных дисков в рамках антидемпингового расследования в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза.

2. Отказать в удовлетворении ходатайства (заявления) закрытого акционерного общества Торговая компания «Яршинторг» (г. Ярославль, Российская Федерация) о возврате пошлины в размере 42948 российских рублей, уплаченной за подачу в Суд заявления об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

4. Копию настоящего постановления направить сторонам.

Председательствующий

Г.А. Скрипкина

Судьи

В.Х. Сейтимова

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме
по делу № СЕ-3/1-18-КС
(ЗАО ТК «Яршинторг»)

Ключевые слова:

Закрытое акционерное общество Торговая компания «Яршинторг» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

Об оспаривании действий ЕЭК.

Меры защиты внутреннего рынка – антидемпинговое расследование – литые алюминиевые колесные диски – участник антидемпингового расследования – оценка последствий воздействия антидемпинговой меры на конкуренцию на товарном рынке.

Постановление Коллегии Суда – отзыв заявления – отказ в принятии заявления – отказ в удовлетворении ходатайства о возврате пошлины.

Описание:

ЗАО ТК «Яршинторг» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии, выразившихся в начале антидемпингового расследования в отношении литых алюминиевых колесных дисков, происходящих из Китайской Народной Республики и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза. Также истец оспаривал непроведение ЕЭК оценки последствий воздействия антидемпинговой меры на конкуренцию на том же товарном рынке. Позднее истец отозвал свое заявление.

Постановлением от 17 сентября 2018 года Коллегия Суда Евразийского экономического союза отказала в принятии к производству заявления ЗАО ТК «Яршинторг» в связи с его отзывом и в удовлетворении ходатайства заявителя о возврате пошлины, уплаченной за подачу в Суд заявления об оспаривании действий Евразийской экономической комиссии.

В постановлении Коллегии Суда указано, что пункты 64 и 65 Статута Суда предусматривают, что возврат пошлины осуществляется в случае удовлетворения Судом требований хозяйствующего субъекта, указанных в заявлении, а порядок зачисления, использования и возврата пошлины определяется Высшим Евразийским экономическим советом.

Пункт 4 Решения Высшего Евразийского экономического совета от 10 октября 2014 года № 85 «Об определении размера, валюты платежа, порядка зачисления, использования и возврата пошлины, уплаченной хозяйствующими субъектами при обращении в Суд Евразийского экономического союза», не предусматривает возврат пошлины в случае отказа в принятии заявления к производству.

Case summary
No.CE-3/1-18-KC (JSC TC Yarshintorg)

Keywords:

Joint Stock Company Trade Company Yarshintorg (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On declaring the action of the EEC not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union. Internal market protection measures – antidumping investigation – cast aluminum wheel disks – antidumping investigation participant – assessment of the antidumping measure impact on the market competition.

Order of the Chamber of the Court – application withdrawal – application dismissal – refusal to satisfy a fee refund application.

Substance of the case:

JSC TC Yarshintorg applied to the Court of the Eurasian Economic Union to contest the actions of the Eurasian Economic Commission consisting in the initiation of the antidumping investigation with regard to cast aluminum wheel disks manufactured in the People's Republic of China and imported to the Eurasian Economic Union. The claimant has also contested the EEC's failure to assess the impact of antidumping measure on the product market competition. The claimant subsequently withdrew its application.

By order dated September 17, 2018, the Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union dismissed the application filed by JSC TC Yarshintorg due to its withdrawal and also refused to satisfy the fee refund application

As it follows from the Order of the Chamber of the Court, clauses 64 and 65 of the Court Statute stipulate that the fee shall be refunded in case the Court has satisfied the demands of the economic entity set out in the claim, while the procedure for crediting, use and refund of the duty is determined by the Supreme Eurasian Economic Council.

Clause 4 of the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council No.85 dated October 10, 2014 “Concerning the identification of the amount, currency, and procedures for payment, use, and refund of the duty paid by economic entities applying to the Court of the Eurasian Economic Union” does not stipulate refund of the fee in case of refusal to initiate the proceedings on the application.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

17 сентября 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Колоса Д.Г., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29,

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), а также Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии отнесения рынка к трансграничному).

В заявлении Комиссия указывает, что в соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных настоящим разделом (раздел XVIII Договора), в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, осуществляется Комиссией в порядке, предусмотренном приложением № 19 к настоящему Договору.

Согласно пункту 8 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе) (далее – Протокол об общих принципах и правилах конкуренции) пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов.

В соответствии с пунктом 9 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, осуществляется Комиссией, если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках, за исключением нарушений, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных финансовых рынках, пресечение которых осуществляется в соответствии с законодательством государств-членов.

В ходе реализации Комиссией полномочий, установленных пунктом 10 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, возник вопрос относительно разграничения нарушений правил конкуренции, запрет которых установлен пунктом 4 статьи 76 Договора (заключение «вертикальных» соглашений) и пунктом 6 статьи 76 Договора (осуществление координации экономической деятельности), в том числе возможности применения пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному в отношении последнего из упомянутых нарушений.

Заявитель отмечает, что пунктами 3-5 Критериев отнесения рынка к трансграничному предусмотрены условия, при которых Комиссией осуществляется пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов запретов, предусмотренных только пунктами 1-5 статьи 76 Договора, при отсутствии таких условий в отношении пресечения Комиссией нарушений, предусмотренных пунктом 6 статьи 76 Договора.

В этой связи заявитель просит Суд осуществить разъяснение следующих положений Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному:

1. Пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному при определении компетенции Комиссии в случае пресечения нарушения общих правил конкуренции, предусмотренного пунктом 6 статьи 76 Договора, учитывая, что пункты 3-5 Критериев отнесения рынка к трансграничному применяются

при пресечении нарушений, установленных пунктами 1-5 статьи 76 Договора, а в отношении пункта 6 статьи 76 Договора такой дополнительный критерий не установлен;

2. Пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора в их системной взаимосвязи и соотношении предусмотренных данными пунктами запретов, в том числе, возможности и оснований разграничения в качестве отдельных составов нарушений, установленных указанными пунктами статьи 76 Договора.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе, (далее – Статут Суда) Суд по заявлению органа Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора Комиссия является одним из органов Союза, то есть органом, имеющим право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора. Таким образом, Суд имеет компетенцию *ratione personae* на рассмотрение данного заявления.

Заявитель просит разъяснить положения пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора, а также пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному, которые утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29, то есть до вступления в силу Договора. Большая коллегия Суда обращает внимание на то, что согласно пункту 2 статьи 99 Договора Решения Высшего Евразийского экономического совета на уровне глав государств, действующие на дату вступления в силу Договора, сохраняют свою юридическую силу и применяются в части, не противоречащей Договору. Решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 года № 26 пункт 1 Критериев отнесения рынка к трансграничному изложен в новой редакции: «Настоящие Критерии разработаны на основании пункта 2 статьи 74 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и в соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора применяются для целей определения компетенции Евразийской экономической комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств – членом Евразийского экономического союза (далее соответственно – хозяйствующие субъекты, государства–члены)».

Таким образом, разъяснение положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора, а также пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному входит в компетенцию Суда *ratione materiae* и *ratione temporis*.

Согласно пункту 73 Статута Суда Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

Пунктом 68 Статута Суда установлено, что порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Требования, предъявляемые к заявлению органа Союза о разъяснении, содержатся в статье 10 Регламента Суда.

Большая коллегия Суда, проанализировав содержание заявления и прилагаемые к нему документы, приходит к следующим выводам:

1) заявление Комиссии о разъяснении *prima facie* соответствует требованиям пункта 1 статьи 10 Регламента Суда;

2) заявление поступило от заявителя, указанного в пункте 46 Статута Суда, и подписано уполномоченным лицом – Председателем Коллегии Комиссии, назначенным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 года № 24;

3) по вопросу, указанному заявителем, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом ранее не принималось.

При таких обстоятельствах Большая коллегия Суда констатирует отсутствие оснований для отказа в принятии заявления о разъяснении к производству, предусмотренных статьей 73 Регламента Суда.

На основании изложенного, руководствуясь пунктами 46, 68, 69, 73, 74, подпунктом 1 пункта 95 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10, 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

2. Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 5 ноября 2018 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Копию постановления направить в Евразийскую экономическую комиссию.

4. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи:

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

17 декабря 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего Баишева Ж.Н.,
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г.,
Нешатаевой Т.Н., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э.,
Федорцова А.А., Чайки К.Л.,

при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч.,

заслушав судью-докладчика Колоса Д.Г., исследовав материалы дела, руководствуясь пунктами 46, 47, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,

предоставляет консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии отнесения рынка к трансграничному, Критерии).

В соответствии с пунктом 7 статьи 76 Договора пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII «Общие принципы и правила конкуренции» Договора, в случае если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, осуществляется Комиссией в порядке, предусмотренном приложением № 19 к Договору – Протоколом об общих принципах и правилах конкуренции (далее – Протокол).

Согласно пункту 8 Протокола пресечение нарушений общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов.

В соответствии с пунктом 9 Протокола пресечение нарушений общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, осуществляется Комиссией, если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках.

В заявлении указывается, что в ходе реализации Комиссией полномочий, установленных пунктом 10 Протокола, возник вопрос относительно разграничения нарушений правил конкуренции, запрет которых установлен пунктом 4 статьи 76 Договора (заключение «вертикальных» соглашений) и пунктом 6 статьи 76 Договора (осуществление координации экономической деятельности), в том числе возможности применения пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному в отношении последнего из упомянутых нарушений.

Заявитель отмечает, что пунктами 3–5 Критериев предусмотрены условия, при которых Комиссией осуществляется пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов запретов, предусмотренных пунктами 1–5 статьи 76 Договора. При этом специальные условия для осуществления полномочий Комиссии по пресечению нарушений, предусмотренных пунктом 6 статьи 76 Договора, в Критериях отсутствуют.

В этой связи заявитель просит Суд осуществить разъяснение следующих положений Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному (вопросы приводятся в соответствии с их формулировкой Комиссией в заявлении):

1. Пункта 2 Критериев отнесения рынка к трансграничному при определении компетенции Комиссии в случае пресечения нарушения общих правил конкуренции, предусмотренного пунктом 6 статьи 76 Договора, учитывая, что пункты 3–5 Критериев отнесения рынка к трансграничному применяются при пресечении нарушений, установленных пунктами 1–5 статьи 76 Договора, а в отношении пункта 6 статьи 76 Договора такой дополнительный критерий не установлен;

2. Пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора в их системной взаимосвязи и соотношении предусмотренных данными пунктами запретов, в том числе возможности и оснований разграничения в качестве отдельных составов нарушений, установленных указанными пунктами статьи 76 Договора.

Процедура в Суде

Суд осуществляет судопроизводство по делам о разъяснении в соответствии с пунктами 68, 69 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору (далее – Статут Суда), и статьями 72–76 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержден-

ного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

В рамках подготовки дела о разъяснении к рассмотрению в порядке статьи 75 Регламента Суда Судом направлены запросы в Комиссию, Государственную комиссию по защите экономической конкуренции Республики Армения, Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Комитет по регулированию естественных монополий, защите конкуренции и прав потребителей Министерства национальной экономики Республики Казахстан, Государственное агентство антимонопольного регулирования при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральную антимонопольную службу Российской Федерации, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Республики Армения, Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Государственное учреждение «Институт законодательства Республики Казахстан», Институт философии, социологии и политологии Национальной академии наук Кыргызской Республики, Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

В Суд поступили ответы Комиссии, Государственной комиссии по защите экономической конкуренции Республики Армения, Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Министерства национальной экономики Республики Казахстан, Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Государственного учреждения «Институт законодательства Республики Казахстан», Федерального государственного научно-исследовательского учреждения «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации».

Выводы Большой коллегии Суда

Исходя из заявления Комиссии, Большая коллегия Суда считает, что в рамках настоящего консультативного заключения необходимо разъяснить следующие вопросы:

образуют ли нарушения запретов, предусмотренных пунктами 4 и 6 статьи 76 Договора, самостоятельные составы нарушений общих правил конкуренции, каковы основания их разграничения;

при наличии каких условий Комиссия реализует полномочия по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Руководствуясь пунктом 50 Статута Суда, Большая коллегия Суда осуществляет разъяснение положений Договора и решений органов Евразийско-

го экономического союза (далее – Союз) в их системной взаимосвязи между собой на основе общепризнанных принципов и норм международного права с учетом положений статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.

1. Под конкуренцией в праве Союза понимается состязательность хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), при которой самостоятельными действиями каждого из них исключается или ограничивается возможность каждого из них в одностороннем порядке воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке (подпункт 8 пункта 2 Протокола).

В силу пункта 1 статьи 74 Договора общие правила и принципы конкуренции направлены на обеспечение выявления и пресечения антиконкурентных действий на территориях государств – членов Союза и действий, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территории двух и более государств – членов Союза.

В консультативном заключении Суда от 4 апреля 2017 года о разъяснении положений статей 74, 75 и 76 Договора установлено, что в сфере защиты конкуренции на трансграничных рынках Союз проводит единую политику и имеет унифицированное правовое регулирование. Общие правила конкуренции обладают прямым действием и должны непосредственно применяться государствами-членами как нормы, закрепленные в международном договоре.

Общие правила конкуренции сформулированы в статье 76 Договора в форме запретов злоупотребления доминирующим положением (пункт 1), недобросовестной конкуренции (пункт 2), соглашений между конкурентами (пункт 3), «вертикальных» соглашений (пункт 4), иных соглашений (пункт 5), осуществления координации экономической деятельности (пункт 6).

2. В целях ответа на вопрос о разграничении нарушений общих правил конкуренции, предусмотренных пунктами 4 и 6 статьи 76 Договора, Большая коллегия Суда считает необходимым провести сравнительный анализ их правового регулирования.

2.1. На основании пункта 6 статьи 76 Договора физическим лицам, коммерческим организациям и некоммерческим организациям запрещается осуществлять координацию экономической деятельности хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов, если такая координация приводит или может привести к любому из указанных в пунктах 3 и 4 настоящей статьи последствий, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом.

В соответствии с пунктом 3 статьи 76 Договора запрещаются соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, являющимися конкурентами, действующими на одном товарном рынке, которые приводят или могут привести к:

- 1) установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат), наценок;
- 2) повышению, снижению или поддержанию цен на торгах;
- 3) разделу товарного рынка по территориальному принципу, объему продажи или покупки товаров, ассортименту реализуемых товаров либо составу продавцов или покупателей (заказчиков);
- 4) сокращению или прекращению производства товаров;
- 5) отказу от заключения договоров с определенными продавцами либо покупателями (заказчиками).

В силу пункта 4 статьи 76 Договора запрещаются «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом, в случае если:

1) такие соглашения приводят или могут привести к установлению цены перепродажи товара, за исключением случая, когда продавец устанавливает для покупателя максимальную цену перепродажи товара;

2) такими соглашениями предусмотрено обязательство покупателя не продавать товар хозяйствующего субъекта (субъекта рынка), который является конкурентом продавца. Такой запрет не распространяется на соглашения об организации покупателем продажи товаров под товарным знаком либо иным средством индивидуализации продавца или производителя.

Кроме того, на основании пункта 6 статьи 76 Договора государства-члены вправе устанавливать в своем законодательстве запрет на координацию экономической деятельности, если такая координация приводит или может привести к последствиям, указанным также в пункте 5 настоящей статьи, которые не могут быть признаны допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом.

Пунктом 5 статьи 76 Договора запрещаются иные соглашения между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), за исключением «вертикальных» соглашений, которые признаются допустимыми в соответствии с критериями допустимости, установленными Протоколом, в случае если установлено, что такие соглашения приводят или могут привести к ограничению конкуренции.

Взаимосвязанное прочтение указанных норм свидетельствует о том, что правом Союза запрещена координация экономической деятельности (далее – Координация), которая приводит или может привести к наступлению негативных для конкуренции последствий, аналогичных последствиям соглашений, запрещенных пунктами 3 и 4 статьи 76 Договора (соглашения между конкурентами и «вертикальные» соглашения).

2.2. В соответствии с подпунктом 10 пункта 2 Протокола под «координацией экономической деятельности» понимается согласование действий хозяй-

ствующих субъектов (субъектов рынка) третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) и не осуществляющим деятельности на том товарном рынке (товарных рынках), на котором осуществляется согласование действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка).

Системный анализ приведенной нормы и пункта 6 статьи 76 Договора позволяет Большой коллегии Суда выделить следующие характерные признаки Координации:

Координация осуществляется третьим лицом, в качестве которого может выступать физическое лицо, коммерческая или некоммерческая организация (далее – Координатор);

Координатор не входит в одну группу лиц ни с одним из хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), действия которых согласовываются, и не осуществляет деятельность на том товарном рынке (товарных рынках), на котором осуществляется Координация;

действия Координатора направлены на согласование (координацию) экономической деятельности как минимум двух хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) государств-членов;

Координация выражается в целенаправленном воздействии Координатора на хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) с целью формирования у них определенной модели поведения и оказания влияния на конкуренцию на товарном рынке.

2.3. Согласно подпункту 1 пункта 2 Протокола под «вертикальным» соглашением» понимается соглашение между хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), один из которых приобретает товар или является его потенциальным приобретателем, а другой предоставляет товар или является его потенциальным продавцом.

Взаимосвязанное прочтение данной нормы и пункта 4 статьи 76 Договора позволяет сделать вывод о том, что «вертикальное» соглашение представляет собой согласование своих действий как минимум двумя находящимися на разных уровнях в структуре одного товарного рынка хозяйствующими субъектами (субъектами рынка).

2.4. С учетом изложенного Большая Коллегия Суда констатирует наличие следующих основных критериев разграничения Координации и «вертикальных» соглашений:

по субъекту: запрет Координации адресован одному субъекту, в качестве которого может выступать любое физическое лицо, коммерческая или некоммерческая организация; запрет «вертикальных» соглашений адресован как минимум двум хозяйствующим субъектам;

по положению субъектов в структуре товарного рынка: Координатор не является участником товарного рынка, на котором осуществляют деятель-

ность координируемые хозяйствующие субъекты (субъекты рынка); участники «вертикального» соглашения осуществляют деятельность на разных уровнях в структуре одного товарного рынка;

по характеру взаимодействия между субъектами: Координатор согласовывает действия других хозяйствующих субъектов (субъектов рынка); участники «вертикального» соглашения достигают взаимной договоренности относительно условий своей экономической деятельности.

Таким образом, системный анализ пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора, подпунктов 1 и 10 пункта 2 Протокола позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод о том, что запрещенное «вертикальное» соглашение и запрещенная Координация, представляют собой два самостоятельных состава нарушений общих правил конкуренции в праве Союза.

3. Разъясняя вопрос о полномочиях Комиссии по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в Координации, Большая коллегия Суда отмечает следующее.

Являясь органом Союза, Комиссия действует в пределах полномочий, которые предоставлены ей Договором и международными договорами в рамках Союза (пункт 2 статьи 8 Договора).

Полномочия по пресечению нарушений общих правил конкуренции, установленных разделом XVIII Договора, предоставлены Комиссии пунктом 7 статьи 76 Договора.

В соответствии с названной нормой пресечение нарушений общих правил конкуренции осуществляется Комиссией в случае, если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках на территориях двух и более государств-членов, за исключением финансовых рынков, в порядке, предусмотренном Протоколом.

Пунктом 8 Протокола предусмотрено, что пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, на территориях государств-членов осуществляется уполномоченными органами государств-членов.

Согласно пункту 9 Протокола пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) государств-членов, а также физическими лицами и некоммерческими организациями государств-членов, не являющимися хозяйствующими субъектами (субъектами рынка), общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, осуществляется Комиссией, если такие нарушения оказывают или могут оказать негативное влияние на конкуренцию на трансграничных рынках, за исключением нарушений, оказывающих негативное влияние на конкуренцию на трансграничных финансовых

рынках, пресечение которых осуществляется в соответствии с законодательством государств-членов.

На основании сравнительного анализа указанных норм права Союза Большая коллегия Суда приходит к выводу о том, что пресечение нарушений общих правил конкуренции осуществляется на национальном уровне уполномоченными органами государств-членов и на наднациональном уровне Комиссией. При этом разграничение их компетенции происходит в зависимости от негативного влияния нарушения на конкуренцию на рынке одного государства-члена либо на конкуренцию на трансграничном рынке.

Во исполнение пункта 2 статьи 74 Договора в целях определения компетенции Комиссии по пресечению нарушений общих правил конкуренции, установленных статьей 76 Договора, Решением Высшего Евразийского экономического совета утверждены Критерии отнесения рынка к трансграничному.

Общее правило определения трансграничности рынка, которое применяется ко всем нарушениям, предусмотренным пунктами 1–6 статьи 76 Договора, закреплено в пункте 2 статьи 74 Договора и в пункте 2 Критериев. Данное правило основано на географическом подходе и относит рынок к трансграничному, если географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более государств-членов.

Большая коллегия Суда отмечает, что применительно к нарушениям общих правил конкуренции, предусмотренным пунктами 1–5 статьи 76 Договора, установлены дополнительные по отношению к пункту 2 Критериев условия, которые определяют наличие полномочий Комиссии по пресечению указанных нарушений. В частности, согласно пункту 4 Критериев пресечение нарушений хозяйствующими субъектами (субъектами рынка) запретов, установленных пунктами 3–5 статьи 76 Договора (антиконкурентные соглашения), осуществляется Комиссией при условии, что по крайней мере два хозяйствующих субъекта, чьи действия приводят или могут привести к нарушению запрета, зарегистрированы на территориях разных государств-членов.

В отношении пункта 6 статьи 76 Договора (запрет осуществления Координации) таких дополнительных условий в Критериях не установлено. В связи с этим при пресечении нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в Координации, следует руководствоваться общим правилом пункта 2 Критериев и относить рынок к трансграничному при условии, что географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более государств-членов.

На основании изложенного, Большая коллегия Суда полагает обоснованным сформулировать следующие выводы:

1. Заключение «вертикального» соглашения, запрещенного пунктом 4 статьи 76 Договора, и координация экономической деятельности, запрещенная пунктом 6 статьи 76 Договора, образуют самостоятельные составы нарушений

общих правил конкуренции, основаниями разграничения которых являются круг субъектов, характер их взаимодействия и положение в структуре товарного рынка.

2. Комиссия реализует полномочия по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в координации экономической деятельности, при условии, что такая координация оказывает негативное влияние на конкуренцию на трансграничном товарном рынке, географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов.

Заключительные положения

1. Копию настоящего консультативного заключения направить заявителю.
2. Консультативное заключение перевести на государственные языки государств-членов и разместить на официальном сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

Резюме
по делу о разъяснении по заявлению
Евразийской экономической Комиссии № СЕ-2-2/6-18-БК

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29.

Общие принципы и правила конкуренции; критерии отнесения рынка к трансграничному; конкуренция на трансграничных рынках; «вертикальные» соглашения; координация экономической деятельности; пресечение нарушений общих правил конкуренции; разграничение полномочий Комиссии и уполномоченных органов государств-членов.

Статьи 74, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе; Протокол об общих принципах и правилах конкуренции (приложение № 19 к Договору); Критерии отнесения рынка к трансграничному.

Консультативное заключение – разъяснение положений Договора и Критериев отнесения рынка к трансграничному.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о разъяснении положений пунктов 4 и 6 статьи 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и Критериев отнесения рынка к трансграничному, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 19 декабря 2012 года № 29 (далее – Критерии).

В консультативном заключении от 17 декабря 2018 года Большая коллегия Суда предоставила разъяснение по следующим вопросам:

образуют ли нарушения запретов, предусмотренных пунктами 4 и 6 статьи 76 Договора, самостоятельные составы нарушений общих правил конкуренции, каковы основания их разграничения;

при наличии каких условий Комиссия реализует полномочия по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в координации экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что заключение «вертикального» соглашения, запрещенного пунктом 4 статьи 76 Договора, и координация экономической деятельности, запрещенная пунктом 6 статьи 76 Договора, образуют самостоятельные составы нарушений общих правил кон-

куренции, основными критериями разграничения которых являются круг субъектов, характер их взаимодействия и положение в структуре товарного рынка.

Отличие координации экономической деятельности от «вертикальных» соглашений по субъекту заключается в том, что запрет координации экономической деятельности адресован одному субъекту, в качестве которого может выступать любое физическое лицо, коммерческая или некоммерческая организация (далее – координатор), в то время как запрет «вертикальных» соглашений адресован как минимум двум хозяйствующим субъектам. Отличие по положению субъектов в структуре товарного рынка состоит в том, что координатор не является участником товарного рынка, на котором осуществляют деятельность координируемые хозяйствующие субъекты (субъекты рынка), тогда как участники «вертикального» соглашения осуществляют деятельность на разных уровнях в структуре одного товарного рынка. По характеру взаимодействия между субъектами координация экономической деятельности и «вертикальные» соглашения различаются тем, что координатор согласовывает действия других хозяйствующих субъектов (субъектов рынка), а участники «вертикального» соглашения достигают взаимной договоренности относительно условий своей экономической деятельности.

Большая коллегия Суда указала, что пресечение нарушений общих правил конкуренции осуществляется на национальном уровне уполномоченными органами государств-членов и на наднациональном уровне Комиссией. При этом разграничение их компетенции происходит в зависимости от негативного влияния нарушения на конкуренцию на рынке одного государства-члена либо на конкуренцию на трансграничном рынке.

Большая коллегия Суда пришла к выводу о том, что при определении компетенции Комиссии по пресечению нарушения, выразившегося в координации экономической деятельности, следует руководствоваться правилом пункта 2 Критериев и относить рынок к трансграничному при условии, что географические границы товарного рынка охватывают территории двух и более государств-членов.

Правовые позиции Большой коллегии Суда:

1. Правом Союза запрещена координация экономической деятельности, которая приводит или может привести к наступлению негативных для конкуренции последствий, аналогичных последствиям соглашений, запрещенных пунктами 3 и 4 статьи 76 Договора (соглашения между конкурентами и «вертикальные» соглашения).

(см. абзац 6 пункта 2.1. раздела Выводы Большой коллегии Суда)

2. Заключение «вертикального» соглашения, запрещенного пунктом 4 статьи 76 Договора, и координация экономической деятельности, запрещенная пунктом 6 статьи 76 Договора, образуют самостоятельные составы нарушений общих правил конкуренции, основаниями разграничения которых являются круг субъектов, характер их взаимодействия и положение в структуре товарного рынка.

(см. пункт 1 итоговых выводов)

3. Комиссия реализует полномочия по пресечению нарушения общих правил конкуренции, выразившегося в координации экономической деятельности, при условии, что такая координация оказывает негативное влияние на конкуренцию на трансграничном товарном рынке, географические границы которого охватывают территории двух и более государств-членов.

(см. пункт 2 итоговых выводов)

**Case summary
on the clarification based on the application
filed by the Eurasian Economic Commission
No.CE-2-2/6-18-БК**

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC).

Clarification of provisions of paragraphs 4 and 6 of Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 and of the criteria of transboundary markets approved by Resolution of the Supreme Eurasian Economic Council No.29 dated December 19, 2012.

General principles and rules of competition; the criteria of transboundary markets; competition on the transboundary markets; 'vertical' agreements; coordination of economic activity; restraint of violations of general rules of competition; delimitation of authority of the Commission and that of the authorized bodies of the Member States.

Articles 74, 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union; Protocol on general principles and rules of competition (Annex 19 to the Treaty); criteria of transboundary markets.

Advisory opinion – clarification of the provisions of the Treaty and of the criteria of transboundary markets.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission submitted an application to the Court of the Eurasian Economic Union asking to clarify the provisions of paragraphs 4 and 6 of Article 76 of the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 (hereafter – the Treaty) and of the Criteria of transboundary markets approved by Resolution of the Supreme Eurasian Economic Council No.29 dated December 19, 2012. (hereafter – the Criteria).

In its advisory opinion dated December 17, 2018, the Grand Chamber of the Court clarified the following issues:

whether violation of bans stipulated by paragraphs 4 and 6 of Article 76 of the Treaty constitute separate violations of general rules of competition, what are the grounds for their distinguishing;

which conditions result in exercising by the Commission of its powers to prevent a violation of general rules of competition in the form of coordination of economic activity of economic entities.

The Grand Chamber of the Court came to the conclusion that execution of the 'vertical' agreement, prohibited by paragraph 4 of Article 76 of the Treaty, and coordination of economic activity, prohibited by paragraph 6 of Article 76 of the Treaty, constitute separate violations of general rules of competition, the principal

criteria of delimitation between which are the range of entities, the type of their interaction and the position in the structure of the goods market.

Coordination of economic activity differs from 'vertical' agreements in terms of an entity as the ban on coordination of economic activities applies to a particular entity (i.e. any natural person, business or non-profit organisation) (hereafter – the coordinator), while the prohibition of 'vertical' agreements applies to at least two economic entities. Difference in terms of the position of the entities in the structure of the goods market lies in the fact that the coordinator is not a participant of the goods market on which the coordinated economic entities (market participants) carry out their activities, while the participants of the 'vertical' agreement carry out activities at different levels in the structure of the same goods market. In terms of interaction between the entities, coordination of economic activity and 'vertical' agreements differ due to the fact that the coordinator coordinates the acts of other economic entities (market participants), while the participants of the 'vertical' agreement reach mutual agreement with regard to terms of their economic activity.

The Grand Chamber of the Court has determined that prevention of violations of the general rules of competition is carried out at the national level by the authorized bodies of the Member States and at the supranational level – by the Commission. At the same time, the delimitation of their authorities takes place depending on the negative impact of the violation on the competition on the market of the Member State or on the competition on the transboundary market.

The Grand Chamber of the Court came to the conclusion that in the course of determination of Commission's authority related to prevention of violations in the form of coordination of economic activity it is necessary to be governed by the rule of paragraph 2 of the Criteria and classify the market as a transboundary one in the event the geographical boundaries of the goods market cover the territories of at least two Member States.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. Law of the Union prohibits coordination of economic activity, which leads or may lead to negative consequences for competition, equivalent to the consequences of the agreements prohibited by paragraphs 3 and 4 of Article 76 of the Treaty (agreements between competitors and "vertical" agreements).

(see subparagraph 6, paragraph 2.1., section "Findings of the Grand Chamber of the Court")

2. Execution of a 'vertical' agreement, prohibited by paragraph 4 of Article 76 of the Treaty, and coordination of economic activity, prohibited by paragraph 6 of Article 76 of the Treaty, constitute separate violations of general rules of competition, the grounds for differentiation between which are the range of entities, the type of their interaction and the position in the structure of the goods market.

(see paragraph 1 of the Final Findings)

3. The Commission exercises the powers related to prevention of violation of the general rules of competition, which takes the form of coordination of economic activity, provided that such coordination has a negative impact on the competition on the transboundary goods market, the geographical boundaries of which cover the territories of at least two Member States.

(see paragraph 2 of the Final Findings)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

24 сентября 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего, Председателя Суда Баишева Ж.Н., судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н., судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Сейтимовой В.Х., Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л., при секретаре судебного заседания Панове А.А., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года),

УСТАНОВИЛА:

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Приложение № 32).

Заявитель указывает, что в соответствии с пунктом 53 Приложения № 32 должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, являющиеся гражданами Российской Федерации, замещавшие до работы в Комиссии и Суде должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы, освобожденные от должностей, замещаемых в Комиссии и Суде (за исключением случаев освобождения, связанных с виновными действиями), и имеющие стаж государственной гражданской службы не менее 15 лет, имеют право на пенсию за выслугу лет, назначаемую в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации для федеральных государственных гражданских служащих, если непосредственно перед увольнением из Комиссии и Суда они замещали в них должности не менее 12 месяцев.

В рамках проведения работы по совершенствованию положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) Комиссией был выявлен факт неоднозначного понимания и применения положений пункта 53 Приложения № 32.

Заявитель ссылается на письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 19 октября 2017 года № 29661-ГА/ДЮи, согласно которому право на пенсию за выслугу лет предоставляется только тем должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда, которые перед работой в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной гражданской службы.

Таким образом, должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, которые перед работой в Комиссии или Суде замещали должности иных видов федеральной государственной службы, права на пенсию за выслугу лет в соответствии с пунктом 53 Приложения № 32 не имеют.

Такой подход, по мнению Комиссии, не вполне соответствует основополагающим международно-правовым принципам о правах в сфере труда, провозглашающим равенство всех международных служащих Комиссии и Суда перед законом (правом Евразийского экономического союза (далее – Союз)), а также не учитывает принцип функционального иммунитета международной организации, особый статус международных служащих Комиссии и Суда, которые призваны обеспечить функционирование независимого субъекта международного права – международной организации.

Учитывая изложенное, Комиссия просит Суд разъяснить:

положения пункта 53 Приложения № 32 в части их применения в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной службы (федеральной государственной гражданской службы, военной службы и федеральной государственной службы иных видов);

положения пункта 54 Приложения № 32 в части включения периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы различных видов для установления социальных гарантий и для назначения пенсии за выслугу лет.

II. Выводы Большой коллегии Суда

В соответствии с пунктом 46 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда), Суд по заявлению органа

Союза осуществляет разъяснение положений Договора, международных договоров в рамках Союза и решений органов Союза.

Согласно пункту 1 статьи 8 Договора Комиссия является одним из органов Союза и, следовательно, имеет право на обращение в Суд с заявлением о разъяснении положений Договора.

Заявитель просит разъяснить положения пунктов 53 и 54 Приложения № 32, являющегося неотъемлемой частью Договора. Разъяснение данных норм относится к компетенции Суда согласно пункту 46 Статута Суда.

Требования, предъявляемые к содержанию заявления государства-члена или органа Союза о разъяснении, и перечень прилагаемых к нему документов предусмотрены статьей 10 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда).

Большая коллегия Суда приходит к выводу, что заявление Комиссии о разъяснении и прилагаемые к нему документы соответствует требованиям пункта 1 статьи 10 Регламента Суда.

В силу пункта 2 статьи 10 Регламента Суда, заявление о разъяснении подписывается лицом, указанным в пункте 1 статьи 31 Регламента Суда. Согласно подпункту в) пункта 1 статьи 31 Регламента Суда представителем Комиссии в Суде может выступать Председатель Коллегии Комиссии.

Заявление подписано Председателем Коллегии Комиссии, полномочия которого подтверждаются приложенной к заявлению копией решения Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 года № 24 «О Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии».

По вопросу, указанному в заявлении Комиссии, по тем же основаниям и обстоятельствам консультативное заключение Судом ранее не принималось.

На основании изложенного и руководствуясь пунктами 46, 73, 74 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 10 и 74 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Большая коллегия Суда

ПОСТАНОВИЛА:

1. Принять к производству заявление Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

2. Судебное заседание по рассмотрению настоящего дела назначить на 10 декабря 2018 года в 10 часов 00 минут в помещении Суда Евразийского экономического союза.

3. Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

Т.Н. Нешатаева

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

20 декабря 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
Председательствующего Баишева Ж.Н.,
судьи-докладчика Нешатаевой Т.Н.,
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Колоса Д.Г., Сейтимовой В.Х.,
Скрипкиной Г.А., Туманяна А.Э., Федорцова А.А., Чайки К.Л.,
при секретаре судебного заседания Панове А.А., исследовав материалы дела, заслушав судью-докладчика,
руководствуясь пунктами 46, 50, 68, 69, 73, 96, 98 Статута Суда Евразийского экономического союза, статьями 72, 85 Регламента Суда Евразийского экономического союза,
предоставляет следующее консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

I. Вопрос заявителя

Евразийская экономическая комиссия (далее – заявитель, ЕЭК, Комиссия) обратилась в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Приложение № 32).

Заявитель указывает, что в соответствии с пунктом 53 Приложения № 32 должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, являющиеся гражданами Российской Федерации, замещавшие до работы в Комиссии и Суде должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы, освобожденные от должностей, замещаемых в Комиссии и Суде (за исключением случаев освобождения, связанных с виновными действиями), и имеющие стаж государственной гражданской службы не менее 15 лет, имеют право на пенсию за выслугу лет, назначаемую в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации для федеральных государственных гражданских служащих, если непосредственно перед увольнением из Комиссии и Суда они замещали в них должности не менее 12 месяцев.

В рамках проведения работы по совершенствованию положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор) Комиссией был выявлен факт неоднозначного понимания и применения положений пункта 53 Приложения № 32.

Заявитель ссылается на письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 19 октября 2017 года № 29661-ГА/ДЮи, согласно которому право на пенсию за выслугу лет предоставляется только тем должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда, которые перед работой в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной гражданской службы.

Таким образом, должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, которые перед работой в Комиссии или Суде замещали должности иных видов федеральной государственной службы, права на пенсию за выслугу лет в соответствии с пунктом 53 Приложения № 32 не имеют.

Такой подход, по мнению Комиссии, не вполне соответствует основополагающим международно-правовым принципам о правах в сфере труда, провозглашающим равенство всех международных служащих Комиссии и Суда перед законом (правом Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз)), а также не учитывает принцип функционального иммунитета международной организации, особый статус международных служащих Комиссии и Суда, которые призваны обеспечить функционирование независимого субъекта международного права – международной организации.

Присланные Комиссией материалы показывают, что суть разногласий, возникших между ЕЭК и государственными органами Российской Федерации, восходит к различному пониманию системы регулирования пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников органов Союза, которая носит смешанный характер: часть вопросов урегулирована в Договоре, а часть в соответствии с отсылочной нормой Договора регулируется национальным правом государства-члена.

Учитывая изложенное, Комиссия просит Суд разъяснить:

положения пункта 53 Приложения № 32 в части их применения в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной службы (федеральной государственной гражданской службы, военной службы и федеральной государственной службы иных видов);

положения пункта 54 Приложения № 32 в части включения периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы различных видов для установления социальных гарантий и для назначения пенсии за выслугу лет.

II. Процедура в Суде

Согласно пункту 68 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года; далее – Статут Суда) порядок рассмотрения дел о разъяснении определяется Регламентом Суда Евразийского экономического союза, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101.

Пункт 73 Статута Суда предусматривает, что Суд рассматривает дела о разъяснении на заседаниях Большой коллегии Суда.

В рамках подготовки дела к рассмотрению Судом были направлены запросы в адрес Евразийской экономической комиссии, министерств и ведомств Российской Федерации, ответственных за социальное обеспечение, высших и конституционных судов государств – членов Союза, профсоюзов государственных служащих, научных учреждений, исследующих вопросы пенсионного обеспечения, Международной организации труда, соответствующих подразделений Европейской комиссии и Совета Европы. Были получены ответы от Евразийской экономической комиссии, Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерства финансов Российской Федерации, Правового департамента Правительства Российской Федерации, Конституционного Суда Республики Армения, Конституционного Суда Республики Беларусь, Конституционного совета Республики Казахстан, Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики, Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Казахстан, Верховного Суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Фонда социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Единого накопительного пенсионного фонда Республики Казахстан, Социального фонда Кыргызской Республики, Пенсионного фонда Российской Федерации, Государственной кадровой службы Кыргызской Республики, Республиканского отраслевого союза профессиональных организаций работников госучреждений, органов местного самоуправления и общественного обслуживания Республики Армения, Белорусского профессионального союза работников государственных и других учреждений, Отраслевого профессионального союза работников государственных, банковских учреждений и общественного обслуживания Республики Казахстан, Общероссийского профессионального союза работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации, Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, Института законодательства Республики Казахстан, Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына, Института государства и права Российской академии наук, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве

Российской Федерации, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российского государственного университета правосудия, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Академии труда и социальных отношений, Генерального директората по управлению персоналом и безопасности Европейской комиссии.

Евразийская экономическая комиссия направила в Суд дополнительные материалы, связанные с назначением пенсии за выслугу лет бывшим сотрудникам ЕЭК, а также в ответ на запрос Суда сообщила об отсутствии в Комиссии протоколов заседаний и иных материалов, связанных с разработкой и принятием пунктов 53 и 54 Приложения № 32.

III. Выводы Суда

1. Согласно пункту 50 Статута Суда Суд при осуществлении правосудия применяет общепризнанные принципы и нормы международного права; Договор, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора; решения и распоряжения органов Союза; международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы. Согласно статье 6 Договора право Союза составляют: Договор, международные договоры в рамках Союза, международные договоры Союза с третьей стороной, решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их полномочий, предусмотренных Договором и международными договорами в рамках Союза.

В этой связи следует отметить, что статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (далее – Венская конвенция) предусматривает, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (принцип *pacta sunt servanda*). Согласно статье 27 Венской конвенции запрещается ссылаться на положения внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения договора.

Согласно пункту 2 Приложения № 32 члены Коллегии Комиссии, судьи Суда Союза, должностные лица и сотрудники являются международными служащими. При выполнении своих полномочий (исполнении должностных (служебных) обязанностей) они не должны запрашивать или получать указания от органов государственной власти или официальных лиц государств-членов, а также от властей государств, не являющихся членами Союза. Они должны воздерживаться от всяких действий, несовместимых с их статусом международных служащих.

Согласно пункту 44 Приложения № 32 пенсионное обеспечение членов Коллегии Комиссии, судей Суда Союза, должностных лиц и сотрудников осуществляется в соответствии с законодательством государства-члена, гражданами которого они являются; при этом отчисления на пенсионное обеспечение производятся органами Союза за счет средств бюджета Союза в пенсионные фонды государств-членов, гражданами которых указанные лица являются, в порядке и размерах, установленных законодательством соответствующего государства-члена; расходы по выплате пенсий указанным лицам несет то же государство-член.

Большая коллегия Суда отмечает, что данная норма носит общий характер. Ее действие распространяется на всех международных служащих органов Союза независимо от их статуса и на весь комплекс общественных отношений, связанных с правом на пенсионное обеспечение.

Большая коллегия Суда констатирует, что пенсионное обеспечение – это совокупность правовых, экономических и организационных институтов и норм, имеющих целью предоставление гражданам материальной поддержки в форме выплаты пенсии.

Вопросы пенсионного обеспечения международных служащих регулируются также пунктами 46 и 47 Приложения № 32. В пункте 46 Приложения № 32 речь идет об учете периодов работы международных служащих в Комиссии и Суде Союза в страховой или трудовой стаж в соответствии с законодательством государства-члена. Согласно пункту 47 Приложения № 32 заработок, полученный международными служащими в период исполнения ими своих полномочий, учитывается при определении размера пенсии в соответствии с законодательством государства-члена, гражданами которого они являются.

Пункты 53 и 54 Приложения № 32 являются специальными по отношению к пунктам 44, 46 и 47, поскольку распространяются лишь на должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза, а также на один вид пенсии – пенсию за выслугу лет.

В связи с этим Большая коллегия Суда руководствуется принципом *lex specialis derogat generali*, согласно которому при коллизии (конкуренции) норм общего (*generalis*) и специального (*specialis*) характера предпочтение при толковании и применении должно отдаваться специальным нормам.

В абзаце первом пункта 53 Приложения № 32 определены условия для получения права на пенсию за выслугу лет гражданами Российской Федерации, среди которых следует выделить а) необходимый стаж государственной гражданской службы (не менее 15 лет), б) период работы в органе Союза непосредственно перед увольнением (не менее 12 месяцев), в) освобождение от должности в органах Союза, не связанное с виновными действиями, г) до работы в Комиссии и Суде Союза замещение должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы. В отношении порядка назначения

пенсии пункт 53 Приложения № 32 содержит отсылку к национальному законодательству.

Абзац второй пункта 53 Приложения № 32 предусматривает, что размер пенсии за выслугу лет исчисляется исходя из среднемесячной заработной платы должностного лица или сотрудника, предельный размер которой определяется применительно к должностным окладам (денежному вознаграждению), установленным по приравненным должностям государственной гражданской службы согласно перечню соответствия должностей должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза должностям федеральной государственной гражданской службы в Аппарате Правительства Российской Федерации и аппарате Верховного Суда Российской Федерации, утверждаемому Правительством Российской Федерации.

Как установил Суд в консультативном заключении от 12 сентября 2017 года, нормы международного права, регулирующие правовое положение служащих международных организаций, обладают приоритетом, национальное законодательство в отношении данных лиц может применяться только при наличии прямого указания на то в праве Союза.

Таким образом, буквальное прочтение нормы пункта 53 Приложения № 32 позволяет сделать вывод, что в Договоре содержится материальная часть регулирования права на пенсию за выслугу лет (условия приобретения права на такую пенсию), тогда как в отношении порядка (процедуры) назначения пенсии Договор отсылает к национальному законодательству, оставляя Председателю Коллегии Комиссии и Председателю Суда Союза право представления, на основании которого руководитель федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере пенсионного обеспечения, принимает соответствующее решение об установлении пенсии за выслугу лет.

2. Должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, обеспечивающие выполнение функций наднациональных органов Союза, в силу пункта 2 Приложения № 32 являются международными служащими органов Союза.

Союз, согласно пункту 2 статьи 1 Договора, является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Из систематического толкования статьи 5, пункта 2 статьи 8 Договора, пунктов 24 и 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору) и главы IV Статута Суда следует, что государства – члены Союза передали Комиссии и Суду исключительные полномочия в сферах деятельности, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Определение понятий «должностные лица» и «сотрудники» содержится в статье 2 Договора. В силу данной правовой нормы должностные лица – это граждане государств-членов, назначенные на должности директоров и заместителей директоров департаментов Комиссии, а также руководителя и заместителей руководителя Секретариата Суда, советников судей Суда. В свою очередь, сотрудники – это граждане государств-членов, работающие в органах Союза на основе заключаемых с ними трудовых договоров (контрактов) и не являющиеся должностными лицами.

Большая коллегия Суда считает, что Приложение № 32 не содержит запрета учитывать имеющийся у должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда стаж в должностях государственной (государственной гражданской) службы, приобретенный в различные периоды их трудовой деятельности, в том числе до учреждения Союза и по разным видам федеральной государственной службы.

3.1. В силу пункта 1 статьи 31 Венской конвенции Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. В силу подпункта б) пункта 2 статьи 31 Венской конвенции для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения, любой документ, составленный одним или несколькими участниками в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору.

Учитывая, что пункт 53 Приложения № 32 содержит отсылку к национальному законодательству, Большая коллегия Суда делает вывод, что в качестве документов в данном случае рассматриваются национальные правовые акты Российской Федерации, относящиеся к приобретению права на пенсию за выслугу лет, в которых могут содержаться иные условия, не указанные в Договоре.

Однако наличие в пункте 53 Приложения № 32 самостоятельного условия назначения должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда пенсии за выслугу лет означает, что, независимо от изменения в национальном законодательстве стажа, при наличии которого назначается соответствующая пенсия, в отношении международных служащих органов Союза применяется норма о стаже, установленная Договором.

Следует также подчеркнуть, что с учетом ясности и определенности пункта 53 Приложения № 32 должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда связывали законные ожидания приобретения права на пенсию за выслугу лет с соблюдением условий, указанных в данной правовой норме, к которым относится установленный Договором стаж государственной гражданской службы не менее 15 лет.

Большая коллегия Суда учитывает, что в связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховен-

ства конституционных прав и свобод человека и гражданина уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах. В соответствии с общепризнанными принципами равенства и справедливости, на которых основано осуществление конституционных прав и свобод человека и гражданина, в Российской Федерации установлено правило о правовой определенности и связанной с ней предсказуемости правоприменительной практики в сфере пенсионного обеспечения, необходимых для того, чтобы стороны соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенное ими право на пенсию за выслугу лет будет реализовано.

3.2. Большая коллегия Суда отмечает, что под понятием «стаж государственной службы» понимается суммарная продолжительность периодов осуществления государственной службы на день увольнения с занимаемой должности, учитываемая при определении права на пенсию за выслугу лет государственных служащих Российской Федерации и при исчислении размера этой пенсии.

В соответствии со статьей 19 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» в стаж государственной службы для назначения пенсии за выслугу лет федеральных государственных служащих Российской Федерации включаются в порядке, установленном Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2003 года № 570 «О порядке включения в стаж государственной гражданской службы для назначения пенсии за выслугу лет федеральных государственных гражданских служащих периодов службы (работы) в должностях федеральной государственной гражданской службы, государственных должностях федеральной государственной службы, государственных должностях федеральных государственных служащих и других должностях, определяемых Президентом Российской Федерации», периоды службы (работы) в должностях федеральной государственной гражданской службы и других должностях, определяемых в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 года № 1141 «О перечне должностей, периоды службы (работы) в которых включаются в стаж государственной гражданской службы для назначения пенсии за выслугу лет федеральных государственных гражданских служащих».

Пункт 15 названного Указа предусматривает, что работа в межгосударственных (межправительственных) органах, созданных с участием Российской Федерации, как и виды государственной службы в смысле пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» включается в стаж государственной службы для назначения пенсии за выслугу лет.

Кроме того, в соответствии с названным Указом, в стаж государственной гражданской службы включаются периоды, в течение которых гражданин занимал государственные должности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации; должности государственной гражданской службы; военной службы; муниципальные должности (в том числе выборных органов) и должности муниципальной службы; должности представителей Российской Федерации в межправительственных и межведомственных органах; государственные и муниципальные должности в соответствии с законодательством СССР до 31 декабря 1991 года; и другие должности (федеральной государственной гражданской службы, военной службы и федеральной государственной службы иных видов).

В контексте международной службы следует учесть, что основные квалификационные требования к кандидатам на замещение должностей в органах Союза закреплены в пункте 1 статьи 9 Договора: «Право на занятие должностей в структурных подразделениях постоянно действующих органов Союза имеют граждане государств-членов, обладающие соответствующим профильным образованием и опытом работы». Для Комиссии данные требования детализированы в решении Совета ЕЭК от 12 ноября 2014 года № 99 «Вопросы замещения должностей в Евразийской экономической комиссии». В отношении Суда Союза подобные требования закреплены в Порядке проведения конкурса на занятие вакантных должностей в Секретариате Суда Евразийского экономического союза.

Анализ указанных норм позволяет Большой коллегии Суда сделать вывод, что для поступления на службу в органы Союза решающее значение имеют образование по соответствующей специальности и опыт практической работы, в том числе для должностных лиц – опыт работы на руководящих должностях.

Отсюда следует, что международная служба в органах ЕАЭС требует наличия профессиональных знаний и навыков в тех сферах деятельности, которые переданы государствами, создавшими Союз, в наднациональную компетенцию, и которые международные служащие применяют на международном уровне. Такие навыки могут быть приобретены только посредством практической работы в соответствующих сферах, стаж которой служит одним из требований к кандидатам, учитывается при приеме на работу в орган Союза, а, значит, не может исключаться и при освобождении с должностей, замещаемых в Комиссии и Суде Союза, в связи с выходом на пенсию.

Таким образом, нормы законодательства Российской Федерации позволяют сделать вывод о том, что стаж работы в международных (межгосударственных) организациях включается в стаж государственной гражданской службы. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

4. Второй вопрос заявителя касается разъяснения положения пункта 54 Приложения № 32 в части включения периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы государств-членов для установления социальных гарантий и для назначения пенсии за выслугу лет.

Большая коллегия Суда отмечает, что, в отличие от пункта 53 Приложения № 32, пункт 54 касается не только граждан Российской Федерации, но и граждан всех государств-членов, так как в формулировке данной нормы указывается, что период работы должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда Союза включается в «стаж государственной (государственной гражданской) службы государства-члена, гражданами которого они являются».

Употребление скобок, в том числе в последней строке данного пункта, вызвано различием терминологии государственной службы в государствах – членах Союза (термин «федеральный» применяется только в законодательстве Российской Федерации).

С другой стороны, в отличие от пункта 53 Приложения № 32, пункт 54 не содержит указаний на какие-либо условия для включения периодов работы в Комиссии и Суде в стаж государственной гражданской службы, что позволяет сделать вывод о том, что данная норма может быть применена также и к тем лицам, которые до работы в Комиссии и Суде не имели стажа государственной гражданской службы.

Учитывая изложенное, данная норма регулирует только вопрос соотношения стажа международной службы в органах Союза и государственной службы в государствах-членах. Гражданская служба (как вид государственной службы), военная служба или государственная служба иных видов могут быть включены в стаж государственной службы, если это предусмотрено законодательством государства-члена.

Таким образом, условия возникновения права получения доплат к страховой пенсии за длительность службы и особенности ее несения закреплены в международном договоре, в то время как порядок их реализации определяется национальным законодательством.

При назначении пенсии за выслугу лет органы Союза вправе применять условия назначения пенсии, закрепленные в Договоре в истолковании, которое дал Суд в настоящем консультативном заключении, с представлением документов в порядке, предусмотренном законодательством государства-члена. Неисполнение национальными администрациями государств-членов подобного представления органа Союза не согласуется с положениями пунктов 53 и 54 Приложения № 32.

Вывод

1. Пункт 53 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) применяется в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной службы. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Пункт 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года) предусматривает включение периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы для установления социальных гарантий, в том числе для назначения пенсии за выслугу лет.

IV. Заключительные положения

Копию настоящего консультативного заключения направить заявителю.

Консультативное заключение разместить на официальном интернет-сайте Суда.

Председательствующий

Ж.Н. Баишев

Судья-докладчик

Т.Н. Нешатаева

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Д.Г. Колос

В.Х. Сейтимова

Г.А. Скрипкина

А.Э. Туманян

А.А. Федорцов

К.Л. Чайка

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Федорцова А.А.
(дело № СЕ-2-2/7-18-БК)

20 декабря 2018 года

город Минск

Большая коллегия Суда Евразийского экономического союза 20 декабря 2018 года предоставила консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия) о разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, далее – Приложение № 32).

1. Заявитель запрашивал у Суда Евразийского экономического союза (далее – Суд) разъяснение положений пункта 53 Приложения № 32 в части их применения в отношении должностных лиц, сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной службы (федеральной государственной гражданской службы, военной службы и федеральной государственной службы иных видов).

В пункте 1 итоговых выводов Суда утверждается, что пункт 53 Приложения № 32 применяется в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной службы, а дальше констатируется, что включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Полагаю такое утверждение ошибочным.

Отсылка к национальному законодательству в данном случае невозможна, поскольку условие пункта 53 Приложения № 32 о замещении до работы в Комиссии и Суде соответствующей должности регулируется исключительно правом Союза. Данная норма международного договора является самоисполнимой.

Применение условия, указанного в пункте 53 Приложения № 32, не может определяться национальным правом.

Буквальное прочтение обязательного условия для назначения пенсии за выслугу лет, выраженного в необходимости занятия до работы в Комиссии и Суде должности федеральной государственной (государственной граж-

данской) службы, предполагает уточнение, что федеральная государственная служба должна быть именно государственной гражданской, а не иной государственной службой (военной, государственной службой иных видов).

Использование сложной конструкции в словосочетании «федеральная государственная (государственная гражданская) служба» объясняется произошедшими в российском законодательстве реформами. Федеральный закон от 31 июля 1995 года № 119-ФЗ «Об основах государственной службы Российской Федерации» был признан утратившим силу Федеральным законом от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Таким образом, должностные лица, сотрудники Комиссии и Суда, являющиеся гражданами Российской Федерации, обладают правом на пенсию за выслугу лет на основании пункта 53 Приложения № 32, если до работы в Комиссии и Суде они замещали должности федеральной государственной гражданской службы или должности федеральной государственной службы (до введения в российское законодательство понятия «федеральная государственная гражданская служба»), которая соответствует понятию гражданской службы.

Этот вывод подтверждается также положениями абзаца шестого статьи 2 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», согласно которому федеральные государственные гражданские служащие – граждане, замещавшие должности федеральной государственной гражданской службы, государственные должности федеральной государственной службы, государственные должности федеральных государственных служащих.

Следует обратить внимание и на отсылку, содержащуюся в пункте 53 Приложения № 32, к назначению пенсии в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации для федеральных государственных гражданских служащих, который требует обязательное занятие должности федеральной гражданской службы, а не иной.

Высказывая свое мнение, принимаю во внимание намерения Российской Федерации и обстоятельства заключения Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года в части, касающейся пункта 53 Приложения № 32.

Как следует из материалов дела, при написании пункта 53 Приложения № 32 Российская сторона преследовала цель создать условия для формирования кадрового состава Комиссии «специалистами из числа гражданских служащих профильных федеральных государственных органов» (письмо Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 2 ноября 2018 года № 19-2/10/В-8671).

2. Заявитель просил также разъяснить пункт 54 Приложения № 32 в части включения периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы различных видов для установления социальных гарантий и для назначения пенсии за выслугу лет.

В пункте 2 итоговых выводов Суда утверждается, что пункт 54 Приложения № 32 предусматривает включение периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы для установления социальных гарантий, в том числе для назначения пенсии за выслугу лет, однако не разъясняется возможность включения периода работы должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда в стаж различных видов государственной службы.

Применительно к запросу о разъяснении, который касается пенсионных прав служащих Союза, являющихся гражданами Российской Федерации, полагаю, что пункт 54 Приложения № 32 предусматривает включение периода работы в постоянно действующих органах Союза только в стаж государственной гражданской службы Российской Федерации.

В силу того, что пункт 54 Приложения № 32 устанавливает обязательства для всех государств-членов, а в законодательстве не всех государств употребляется понятие «государственная гражданская служба», как в законодательстве Российской Федерации, слова «государственная служба» в пункте 54 Приложения № 32 уточняются словами «(государственная гражданская)». Использование скобок в данном случае призвано обобщить все возможные обозначения стажа государственной гражданской службы во всех государствах – членах Союза.

Полагаю, что пункт 54 Приложения № 32 не может являться основанием для включения периода работы должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда в стаж военной службы.

Данный вывод подтверждается положениями абзаца второго пункта 53 Приложения № 32, а также принятым в соответствии с ним постановлением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 1454, которым утверждаются перечни соответствия должностей должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда должностям федеральной государственной гражданской службы в Аппарате Правительства Российской Федерации и аппарате Верховного Суда Российской Федерации.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 года № 1141 «О перечне должностей, периоды службы (работы) в которых включаются в стаж государственной гражданской службы для назначения пенсии за выслугу лет федеральных государственных гражданских служащих» периоды занятия гражданами Российской Федерации должностей в межгосударственных (межправительственных) органах включаются в стаж государственной гражданской службы.

3. Помимо выводов, содержащихся в консультативном заключении, его мотивировочная часть не соответствует международному праву и высоким стандартам деятельности Суда.

Полагаю, что в пункте 1 консультативного заключения неверно применен принцип «специальный закон отменяет общий закон». Пункты 53 и 54 Приложения № 32 не являются специальными нормами по отношению к пунктам 44, 46 и 47 Приложения № 32. Между ними нет расхождений и, соответственно, отсутствуют основания для обращения к указанному принципу.

В пункте 2 консультативного заключения сказано, что «Приложение № 32 не содержит запрета учитывать имеющийся у должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда стаж в должностях государственной (государственной гражданской) службы, приобретенный в различные периоды их трудовой деятельности, в том числе до учреждения Союза и по различным видам федеральной государственной службы».

В этой связи обращаю внимание, что нормы пунктов 53 и 54 Приложения № 32 не являются нормами-запретами, поэтому, очевидно, они не могут запрещать что-либо.

В пункте 3.1 консультативного заключения ошибочно утверждается, что понятие «документ», о котором идет речь в подпункте b) пункта 2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, включает в себя национальные правовые акты.

При изложении в пункте 3.2 консультативного заключения статьи 19 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» термины «стаж государственной гражданской службы», «федеральные государственные гражданские служащие» ошибочно заменены формулировками «стаж государственной службы», «федеральные государственные служащие», в результате чего существенно меняется смысл цитируемой нормы.

Судья

А.А.Федорцов

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Чайки К.Л.
(дело № СЕ-2-2/7-18-БК)

город Минск

22 декабря 2018 года

20 декабря 2018 года Большой коллегией Суда Евразийского экономического союза (далее – Большая коллегия) вынесено консультативное заключение по заявлению Евразийской экономической комиссии (далее – Комиссия, заявитель) о разъяснении пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе, являющегося приложением № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Положение о привилегиях и иммунитетах).

В соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент), в случае несогласия с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение.

Пользуясь предоставленным мне правом, заявляю особое мнение.

1. Полагаю, что перед ответом на вопросы, поставленные заявителем, а именно: (1) подлежит ли применению пункт 53 Положения о привилегиях и иммунитетах в отношении международных служащих органов Союза из числа граждан Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде Евразийского экономического союза (далее – Суд) замещали должности федеральной государственной гражданской, военной службы и федеральной государственной службы иных видов; (2) предусматривает ли пункт 54 указанного Положения включение периода работы в Комиссии и Суде в стаж государственной службы различных видов; Большой коллегии следовало осуществить анализ структуры Положения о привилегиях и иммунитетах и выделить существующие подходы к пенсионному обеспечению и социальным гарантиям должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда.

Структура Положения о привилегиях и иммунитетах свидетельствует о наличии нескольких подходов к пенсионному обеспечению и социальным гарантиям в виде включения периода работы международных служащих в органах Евразийского экономического союза (далее – Союз) в стаж государственной (государственной гражданской) службы.

Первый подход состоит в закреплении общих норм, регулирующих пенсионные правоотношения должностных лиц и сотрудников органов Союза.

Нормы пунктов 44, 46 и 47 Положения о привилегиях и иммунитетах закрепляют общий порядок назначения пенсии должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда, зачета периода работы в данных органах Союза в страховой или трудовой стаж, а также учета полученного в них заработка при исчислении пенсии в соответствии с законодательством государства-члена, гражданами которого они являются.

Второй подход – это назначение и исчисление пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда из числа граждан Российской Федерации, установленный пунктом 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, который представляет собой специальную норму по отношению к общему порядку, предусмотренному пунктами 44, 46 и 47 данного Положения.

Третий подход, предусмотренный пунктом 54 Положения о привилегиях и иммунитетах, регулирует правоотношения между государствами-членами и международными служащими и определяет включение периода их работы в Комиссии и Суде в стаж государственной (государственной гражданской) службы соответствующего государства-члена для назначения пенсии за выслугу лет. Данная социальная гарантия предоставляется бывшим международным служащим органов Союза, перешедшим работать на государственную (государственную гражданскую) службу.

Взаимосвязанное прочтение пунктов 44, 46, 47, 53 и 54 Положения о привилегиях и иммунитетах свидетельствует, что вопросы регулирования пенсионного обеспечения и социальных гарантий должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда подчинены двум самостоятельным правопорядкам: международно-правовому и национальному. В разрезе данных правопорядков Большой коллегии и следовало осуществить толкование норм права Союза, законодательства государства-члена, произвести правильное соотношение наднационального и национального пенсионного регулирования и социальных гарантий, выделить их взаимосвязь и различие.

2. Соглашаясь с выводом Большой коллегии, что подход к назначению и исчислению пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда из числа граждан Российской Федерации, установленный пунктом 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, представляет собой специальную норму по отношению к общему порядку, предусмотренному пунктами 44, 46 и 47 данного Положения, полагаю ошибочным признание специальной нормой пункта 54 Положения.

При этом исхожу из того, что соотношение между общей и специальной нормой проявляется в форме изъятия, дополнения или детализации. В каждом из обозначенных случаев специальная норма, независимо от того, признает она отдельные условия общей нормы неприменимыми, дополняет ее или

детализирует порядок и методы применения общей нормы, регулирует те же общественные отношения, что и общая норма.

Систематическое толкование пунктов 44, 46 и 47 Положения о привилегиях и иммунитетах позволяет сделать вывод, что изложенные в них правовые нормы являются общими нормами права Союза, регулирующими правоотношения в области пенсионного обеспечения для граждан всех государств-членов, замещающих должности в Комиссии и Суде. Данные нормы предусматривают применение законодательства государства гражданства международных служащих органов Союза, зачет периода работы в Комиссии и Суде в страховой или трудовой стаж, а также учет заработка, необходимого для расчета размера пенсии. Следовательно, правила, установленные пунктами 44, 46 и 47 Положения о привилегиях и иммунитетах, являются базовой гарантией пенсионного обеспечения, адресованной всем должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда.

Уяснение пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах свидетельствует, что содержащаяся в нем правовая норма также адресована всем должностным лицам и сотрудникам органов Союза, независимо от их гражданства, и представляет собой обязательство государств-членов по зачету периода работы в Комиссии и Суде в стаж для установления социальных гарантий в период прохождения государственной (государственной гражданской) службы, а также назначения пенсии за выслугу лет государственных служащих (федеральных государственных гражданских служащих).

С учетом изложенного прихожу к выводу, что нормы пунктов 44, 46 и 47, а также пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах регулируют различные общественные отношения, а, значит, пункт 54 данного Положения не может рассматриваться в качестве устанавливающего исключения из регулирования пунктов 44, 46 и 47 Положения, дополняющего или детализирующего указанные нормы. При таких обстоятельствах считаю ошибочным применение Большой коллегией принципа *lex specialis derogat generali* (специальный закон отменяет общий) в отношении пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах.

3. Большой коллегией не дан ответ на вопрос заявителя о применении пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах в отношении международных служащих органов Союза, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности военной и государственной службы иных видов. Исхожу из того, что при формулировании ответа на данный вопрос Большой коллегии надлежало исходить из следующего.

3.1. Анализ пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах свидетельствует, что условия, необходимые для назначения пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда из числа граждан Рос-

сийской Федерации, установлены в наднациональном порядке. К данным условиям право Союза относит: (1) замещение до работы в Комиссии и Суде Союза должностей федеральной государственной (государственной гражданской) службы; (2) освобождение от должностей в Комиссии и Суде Союза по основаниям, не связанным с виновными действиями; (3) наличие стажа государственной гражданской службы продолжительностью не менее 15 лет; (4) замещение непосредственно перед увольнением должности в Комиссии и Суде Союза не менее 12 месяцев. Перечень условий, дающий право на пенсию за выслугу лет, является исчерпывающим и может быть изменен не иначе как внесением изменений в Положение о привилегиях и иммунитетах. Порядок назначения пенсии за выслугу лет, под которым понимается процедура назначения данной пенсии, определения ее размера и выплаты, регулируется законодательством государства – члена Союза.

Учитывая изложенное полагаю, что Большая коллегия, исследуя условия для назначения пенсии за выслугу лет по основаниям пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, в абзаце 1 на странице 8 консультативного заключения ошибочно указала, что в национальных актах государства-члена могут содержаться иные условия приобретения права на пенсию за выслугу лет, не указанные в Договоре. Продолжая анализ данной нормы Положения о привилегиях и иммунитетах, Большая коллегия в абзаце 2 на той же странице пришла к выводу, что независимо от изменения национального законодательства, в отношении международных служащих Комиссии и Суда действует норма о стаже, установленная Договором (15 лет).

Вместе с тем, в соответствии с пунктом 6 статьи 78 Регламента судебный акт должен быть логичным, не содержать внутренних противоречий и несовместимых положений. Вопреки данному требованию, выводы, изложенные в вышеуказанных абзацах консультативного заключения, являются взаимоисключающими.

3.2. Поскольку в силу пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах в целях назначения пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда необходимо, чтобы до работы в органах Союза они замещали должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы и имели стаж государственной гражданской службы не менее 15 лет, для толкования указанного пункта Положения следует уяснить значение данных понятий, а также осуществить их взаимосвязанное прочтение.

Абзацем 2 пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах предусмотрено приравнивание должностей международных служащих органов Союза к должностям государственной гражданской службы согласно перечню соответствия должностей должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда должностям федеральной государственной гражданской службы

в Аппаратах Правительства и Верховного Суда Российской Федерации, утверждаемому Правительством Российской Федерации. Данный перечень утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации 23 декабря 2014 года № 1454.

Согласно устойчивой практике Суда (пункт 7 раздела IV Выводы консультативного заключения от 12 сентября 2017 года и пункт 7 раздела III «Выводы» консультативного заключения от 7 декабря 2018 года) право Союза обладает приоритетом над национальным законодательством. При противоречии права Союза и актов национального законодательства, не соответствующих пункту 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, следует руководствоваться положениями права Союза. Вместе с тем специфика пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, регулирующего пенсионное обеспечение граждан Российской Федерации, обуславливает обращение к законодательству данного государства – члена Союза при толковании установленных в пункте 53 указанного Положения понятий.

В силу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В развитие данной нормы пунктом 2 статьи 1 Федерального закона Российской Федерации от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о государственном пенсионном обеспечении) установлено, что, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила регулирования пенсионного обеспечения, чем предусмотренные данным законом, применяются правила международного договора.

В соответствии со статьей 19 Федерального закона о государственном пенсионном обеспечении в стаж государственной гражданской службы для назначения пенсии за выслугу лет федеральных государственных гражданских служащих включаются в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, периоды службы (работы) в должностях федеральной государственной гражданской службы и других должностях, определяемых Президентом Российской Федерации.

Взаимосвязанное прочтение пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах и указанной нормы закона свидетельствует, что при ответе на вопрос о включении в периоды работы в должностях федеральной государственной (государственной гражданской) службы, военной и государственной службы иных видов необходимо обращение к законодательству Российской Федерации о видах федеральной государственной службы.

Понятие федеральной государственной службы Российской Федерации и определение системы государственной службы содержится в Федеральном законе Российской Федерации от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о системе государственной службы).

Пунктом 1 статьи 2 данного закона предусмотрено, что система государственной службы включает в себя: (1) государственную гражданскую службу, которая подразделяется на федеральную службу и службу субъекта Российской Федерации; (2) военную службу; (3) государственную службу иных видов. В соответствии с пунктом 3 указанной статьи военная и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы.

В свою очередь, статьей 4 Федерального закона о системе государственной службы определено, что федеральная государственная служба – это профессиональная служебная деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

Национальный правовой порядок Российской Федерации допускает включение в стаж государственной гражданской службы стажа военной и государственной службы иных видов. Указанная позиция изложена в Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2017 года.

С учетом изложенного считаю, что использование в пункте 53 Положения о привилегиях и иммунитетах лингвистического оборота «должности федеральной государственной (государственной гражданской) службы» означает распространение данной нормы Положения на лиц, занимавших должности федеральной государственной гражданской службы, а также военной и государственной службы иных видов.

Законодательством Российской Федерации периоды службы (работы) в должностях военной и государственной службы иных видов включаются в стаж государственной (государственной гражданской) службы для назначения пенсии за выслугу лет, и именно с наличием такого стажа связано действие пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах. Считаю, что данная норма права Союза подлежит применению в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в органах Союза замещали не только должности федеральной государственной гражданской службы, но и должности военной и государственной службы иных видов.

Данный вывод основан и на необходимости соблюдения принципа равенства должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, означающего помимо прочего запрет вводить такие различия в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

Реализация указанного принципа применительно к рассматриваемой ситуации означает недопустимость различного подхода к назначению пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда, отвечающим всем условиям пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, с той лишь разницей, что у одного лица стаж государственной службы включает работу в должностях государственной гражданской службы, а у иного – в должностях военной или государственной службы иных видов.

3.3. Учитывая, что одним из условий назначения пенсии за выслугу лет на основании пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах является наличие стажа государственной гражданской службы продолжительностью не менее 15 лет, полагаю, что Большой коллегии следовало однозначно установить, что с учетом приоритета Договора над национальным законодательством, на основании части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации и пункта 2 статьи 1 Федерального закона о государственном пенсионном обеспечении включение в национальное законодательство иных условий приобретения права на соответствующую пенсию, в том числе увеличение продолжительности стажа государственной гражданской службы, не распространяется на должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда.

В контексте стажа государственной гражданской службы, необходимого для назначения пенсии за выслугу лет на основании пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, заслуживает внимания вопрос о включении в него периода работы в органах Союза.

Полагаю, что в развитие приведенной в пункте 2 консультативного заключения позиции о передаче государствами-членами Комиссии и Суду исключительных полномочий в сферах деятельности, определенных Договором и международными договорами в рамках Союза, Большой коллегии следовало сделать вывод об осуществлении международными служащими органов Союза тех же функций, которые до их передачи на наднациональный уровень реализовывали государственные служащие государств – членов Союза. На этом основании, а также принимая во внимание схожие ограничения, налагаемые на международных и государственных гражданских служащих, приравнивание на основании абзаца 2 пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах и Постановления Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2014 года № 1454 должностей в Комиссии и Суде к должностям государствен-

ной гражданской службы в Аппаратах Правительства и Верховного Суда Российской Федерации, Большой коллегии надлежало заключить, что требуемый пунктом 53 указанного Положения пятнадцатилетний стаж государственной (государственной гражданской) службы включает как собственно стаж государственной (государственной гражданской) службы, так и период работы в Комиссии и Суде.

3.4. В контексте предоставленного консультативного заключения подлежит рассмотрению вопрос правильного применения Большой коллегией норм материального права при формулировании на основании пункта 15 Указа Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 года №1141 вывода о включении работы в межгосударственных (межправительственных) органах в стаж государственной службы для назначения пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда.

Обращение Большой коллегии к названной норме Указа не соответствует принятым в праве Союза подходам к включению в стаж государственной (государственной гражданской) службы периодов работы в Комиссии и Суде. Как указано в пункте 3.2. настоящего особого мнения, регулирование данного вопроса осуществляется на основании пункта 53 Положения о привилегиях и иммунитетах, нормы которого имеют прямое и непосредственное применение; статьи 19 Федерального закона о государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации 23 декабря 2014 года № 1454 «Об утверждении перечней соответствия должностей должностных лиц и сотрудников Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза должностям федеральной государственной гражданской службы в Аппарате Правительства Российской Федерации и аппарате Верховного Суда Российской Федерации».

Буквальное толкование пункта 15 Указа Президента Российской Федерации от 20 сентября 2010 года №1141 свидетельствует, что содержащаяся в нем правовая норма регулирует включение периода работы в стаж государственной гражданской службы для назначения пенсии за выслугу лет федеральных государственных гражданских служащих, работавших в иных международных организациях, а именно: органах Содружества Независимых Государств, Союзного государства, аппарате Исполнительного Комитета, Секретариате Парламентского Собрания Союза Беларуси и России.

Ошибочное применение данного положения Указа в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда повлекло формулирование Большой коллегией вывода, противоречащего праву Союза.

4. Применительно к толкованию пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах считаю необходимым отметить, что Большая коллегия не ответила на вопрос Комиссии о включении периода работы должностных лиц и

сотрудников в органах Союза в стаж государственной службы различных видов для установления социальных гарантий и назначения пенсии за выслугу лет, а лишь ограничилась повторением в пункте 2 раздела «Выводы» нормы пункта 54 указанного Положения. Одновременно в разделе 4 консультативного заключения Большая коллегия установила, что гражданская служба, военная служба или государственная служба иных видов могут быть включены в стаж государственной службы. Между тем, соответствующий вопрос перед Судом заявителем не ставился.

4.1. Требование пункта 6 статьи 78 Регламента об отсутствии в судебном акте внутренних противоречий предполагает, что мотивировочная и резолютивная части консультативного заключения должны содержать исчерпывающие выводы и ответы на вопросы, поставленные в заявлении о разъяснении.

В целях обеспечения единообразного применения права Союза вопрос, поставленный заявителем, может быть уточнен Судом в описательной части консультативного заключения. В том случае, если соответствующие действия не произведены, Суду надлежит осуществить разъяснение права Союза в рамках вопроса заявителя.

Между тем, Большая коллегия, не обосновав изменение формулировки вопроса Комиссии, в разделе 4 консультативного заключения неправильно изложила соответствующий вопрос. Данное обстоятельство привело к тому, что Судом пункт 54 Положения о привилегиях и иммунитетах не проанализирован в контексте допустимости включения периода работы в Комиссии и Суде в стаж государственной (государственной гражданской) службы различных видов. Как следствие, Суд осуществил анализ пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах в аспекте, не связанном с поставленным вопросом заявителя, в очередной раз уклонившись от выполнения функции по обеспечению единообразного применения права Союза.

Полагаю, что Большая коллегия не обеспечила реализацию принципа законных ожиданий Комиссии, должностных лиц и сотрудников органов Союза, которые в связи с обращением в Суд, рассчитывали на предоставление разъяснения в рамках проблемных вопросов, сложившихся в правоприменительной практике.

В данном контексте непредоставление ответа на вопрос заявителя может рассматриваться как несоблюдение принципа законных ожиданий, подлежащего применению Судом на основании пункта 50 Статута в качестве одного из общепризнанных принципов международного права.

4.2. Уяснение содержания пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах свидетельствует, что установленное данной правовой нормой включение периода работы в органах Союза в стаж государственной (государственной гражданской) службы имеет своей целью назначение пенсии за выслугу

лет государственных служащих (федеральных государственных гражданских служащих).

Соглашаясь с выводом Большой коллегии, согласно которому пункт 54 Положения о привилегиях и иммунитетах адресован международным служащим органов Союза, независимо от их гражданства, полагаю, что уяснение понятий «государственная служба», «государственная гражданская служба» предполагало обращение к законодательству всех государств – членов Союза.

Из анализа законодательства государств-членов следует, что в Республике Армения используется понятие «гражданская служба», в Республике Беларусь и Республике Казахстан – «государственная служба», в Кыргызской Республике и Российской Федерации – общее понятие «государственная служба», которое включает в себя, как государственную гражданскую службу, военную и государственную службу иных видов (пункт 1 статьи 4 Закона Республики Армения от 29 марта 2018 года № ЗР-205 «О гражданской службе», статья 2 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь», статья 7 Закона Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 416-V «О государственной службе», подпункт 2) абзаца 1 статьи 1 Закона Кыргызской Республики от 30 мая 2016 года № 75 «О государственной гражданской службе и муниципальной службе», пункт 1 статьи 2 Федерального закона Российской Федерации от 27 мая 2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»).

Грамматическое толкование пункта 54 Положения о привилегиях и иммунитетах позволяет установить, что указанная в скобках фраза «государственная гражданская» определяет не уточнение понятия «государственная служба» за счет его понимания в качестве исключительно государственной гражданской службы, а предполагает, что государственная гражданская служба является одним из видов государственной службы, в стаж которой засчитывается период работы в органах Союза. Данный вывод основан на значении, которое придается скобкам согласно правилам пунктуации русского языка (см.: §188 Правил русской орфографии и пунктуации, утвержденных Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 году).

При таких обстоятельствах считаю, что период работы в органах Союза включается в стаж всех видов государственной службы (государственной гражданской службы, военной и государственной службы иных видов).

5. С учетом изложенного полагаю, что Большой коллегии надлежало сформулировать следующие выводы:

5.1. пункт 53 Положения о привилегиях и иммунитетах подлежит применению в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии

или Суде замещали должности федеральной государственной гражданской службы, военной и государственной службы иных видов;

5.2. пункт 54 Положения о привилегиях и иммунитетах в целях установления социальных гарантий и назначения пенсии за выслугу лет предусматривает включение периода работы в Комиссии и Суде в стаж государственной службы всех видов: государственной гражданской службы, военной и государственной службы иных видов.

Судья

К.Л. Чайка

Резюме
по делу о разъяснении
по заявлению Евразийской экономической Комиссии
№ СЕ-2-2/7-18-БК

Ключевые слова:

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О разъяснении положений пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года).

Социальные гарантии в органах Евразийского экономического союза; назначение пенсии за выслугу лет должностным лицам и сотрудникам органов Союза, являющимся гражданами Российской Федерации; стаж государственной службы; должности федеральной государственной гражданской службы; должности государственной службы иных видов.

Пункты 44, 46, 47, 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе.

Консультативное заключение – особые мнения.

Описание:

Евразийская экономическая комиссия обратилась в Суд с заявлением о разъяснении пунктов 53 и 54 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе (приложение № 32 к Договору). Поводом к обращению послужило различное понимание государственными органами Российской Федерации и Комиссией системы регулирования пенсионного обеспечения должностных лиц и сотрудников органов Союза. В частности, по мнению Министерства экономического развития Российской Федерации, право на пенсию за выслугу лет в соответствии с пунктом 53 Приложения № 32 имеют только должностные лица и сотрудники Комиссии и Суда, которые перед работой в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной гражданской службы. Соответственно, лица, замещавшие должности иных видов федеральной государственной службы, правом на пенсию за выслугу лет не обладают.

В своем консультативном заключении от 20 декабря 2018 года Большая коллегия Суда пришла к выводу, что пункт 53 Приложения № 32 применяется в отношении должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда, являющихся гражданами Российской Федерации, которые до работы в Комиссии или Суде замещали должности федеральной государственной службы. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государ-

ственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Суд также отметил, что пункт 54 Приложения № 32 предусматривает включение периода работы должностных лиц и сотрудников в Комиссии и Суде в стаж государственной службы для установления социальных гарантий, в том числе для назначения пенсии за выслугу лет. При этом данная норма может быть применена также и к тем лицам, которые до работы в Комиссии и Суде не имели стажа государственной гражданской службы. Гражданская служба (как вид государственной службы), военная служба или государственная служба иных видов могут быть включены в стаж государственной службы, если это предусмотрено законодательством государства-члена.

К консультативному заключению Суда приложены особые мнения судей Федорцова А.А. и Чайки К.Л.

Правовые позиции Большой Коллегии Суда:

1. Норма пункта 44 Приложения № 32 носит общий характер. Её действие распространяется на всех международных служащих органов Союза независимо от их статуса и на весь комплекс общественных отношений, связанных с правом на пенсионное обеспечение.

(абзац 5 пункта 1 раздела III «Выводы Суда»)

2. Норма пункта 53 Приложения № 32 позволяет сделать вывод, что в Договоре содержатся условия приобретения права на пенсию за выслугу лет, тогда как в отношении порядка (процедуры) назначения пенсии Договор отсылает к национальному законодательству.

(см. абзац 13 пункта 1 раздела III «Выводы Суда»)

3. При назначении пенсии за выслугу лет органы Союза вправе применять условия назначения пенсии, закрепленные в Договоре. Председатель Коллегии Комиссии и Председатель Суда Союза вправе представлять документы для назначения пенсии за выслугу лет в порядке, предусмотренном законодательством государства-члена. Неисполнение национальными администрациями государств-членов подобного представления органа Союза не согласуется с положениями пунктов 53 и 54 Приложения № 32.

(см. абзац 7 пункта 4 и абзац 13 пункта 1 раздела III «Выводы Суда»)

4. Наличие в пункте 53 Приложения № 32 самостоятельного условия назначения должностным лицам и сотрудникам Комиссии и Суда пенсии за выслугу лет означает, что, независимо от изменения в национальном законодательстве стажа, при наличии которого назначается соответствующая пенсия, в отношении международных служащих органов Союза применяется норма о стаже, установленная Договором.

(абзац 3 пункта 3.1 раздела III «Выводы Суда»)

5. Приложение № 32 не содержит запрета учитывать имеющийся у должностных лиц и сотрудников Комиссии и Суда стаж в должностях государственной службы, приобретенный в различные периоды их трудовой деятельности, в том числе до учреждения Союза и по разным видам федеральной государственной службы.

(абзац 5 пункта 2 раздела III «Выводы Суда»)

6. В связи с закрепленной в преамбуле Договора приверженностью безусловному соблюдению принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина уровень таких прав и свобод, гарантированный Союзом, не может быть ниже, чем он обеспечивается в государствах-членах.

(абзац 5 пункта 3.1 раздела III «Выводы Суда»)

7. Международная служба в органах ЕАЭС требует наличия профессиональных знаний и навыков в тех сферах деятельности, которые переданы государствами, создавшими Союз, в наднациональную компетенцию, и которые международные служащие применяют на международном уровне.

Стаж работы в международных (межгосударственных) организациях включается в стаж государственной гражданской службы. Включение в указанную категорию различных видов государственной службы (государственной гражданской, военной, иных видов) определяется в соответствии с законодательством Российской Федерации.

(абзацы 7-8 пункта 3.2 раздела III «Выводы Суда»)

8. Пункт 54 Приложения № 32 не содержит указаний на какие-либо условия для включения периодов работы в Комиссии и Суде в стаж государственной гражданской службы, что позволяет сделать вывод о том, что данная норма может быть применена также и к тем лицам, которые до работы в Комиссии и Суде не имели стажа государственной гражданской службы.

Данная норма регулирует только вопрос соотношения стажа международной службы в органах Союза и государственной службы в государствах-членах. Гражданская служба (как вид государственной службы), военная служба или государственная служба иных видов могут быть включены в стаж государственной службы, если это предусмотрено законодательством государства-члена.

(абзацы 4, 5 пункта 4 раздела III «Выводы Суда»)

**Case summary
on the clarification based
on the application filed by the Eurasian Economic Commission
No.CE-2-2/7-18-БК**

Keywords:

Eurasian Economic Commission (EEC).

Clarification of the provisions of paragraphs 53 and 54 of the Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the Eurasian Economic Union (Annex 32 to the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014).

Social guarantees in the bodies of the Eurasian Economic Union; award of a long service pension to officials and employees of the bodies of the Union who are nationals of the Russian Federation; public service experience; federal public civil service positions; public service positions of other types.

Paragraphs 44, 46, 47, 53 and 54 of the Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the Eurasian Economic Union.

Advisory opinion – separate opinions.

Substance of the case:

The Eurasian Economic Commission applied to the Court of the Eurasian Economic Union asking for clarification of provisions of paragraphs 53 and 54 of the Regulation on Social Guarantees, Privileges and Immunities within the Eurasian Economic Union (Annex 32 to the Treaty). The application was submitted based on the different interpretation by state bodies of the Russian Federation and by the Commission of the pension benefits regulatory system intended for the officials and employees of Union bodies. In particular, in the opinion of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the right to the long service pension in accordance with paragraph 53 of Annex 32 is granted only to the officials and employees of the Commission and the Court who served as federal public civil servants prior to employment at the Commission or the Court. Consequently, persons who held other positions at the level of federal public service are not entitled to the long service pension.

In its advisory opinion dated December 20, 2018 the Grand Chamber of the Court came to the conclusion that paragraph 53 of Annex 32 applies to the officials and employees of the Commission and the Court who are nationals of the Russian Federation and who served as federal public servants prior to employment in the Commission or the Court. Inclusion into this category of various types of public service (public civil, military, etc.) is determined in accordance with the legislation of the Russian Federation.

The Court has also pointed out that paragraph 54 of Annex 32 provides for the inclusion of the employment period of the officials and employees of the Commission and the Court in the period of public service to award social guarantees, including a long service pension. At the same time, the said provision can be applied to the persons who prior to employment at the Commission and the Court did not have any public civil service experience. Civil service (being a type of public service), military service or public service of other types may be included in the period of public service, if the law of the Member State so requires.

The Advisory opinion of the Court is accompanied by the separate opinions of Judges A.A. Fedortsov and K.L. Chaika.

Legal findings of the Grand Chamber of the Court:

1. The provision of paragraph 44 of Annex 32 is of a general nature. It applies to all international servants of the Union bodies irrespective of their status and to the whole set of social relations associated with the right to pension benefits.

(subparagraph 5 of paragraph 1, Section III “Court’s Findings”)

2. The provision of paragraph 53 of Annex 32 suggests that the Treaty contains the conditions of acquisition of a right to the longevity pension, while with regard to the method (procedure) of longevity pension award the Treaty refers to the national legislation.

(see subparagraph 13 of paragraph 1, Section III “Court’s Findings”)

3. In the process of awarding a longevity pension, the bodies of the Union are entitled to apply the relevant conditions of awarding a pension set out in the Treaty. The Chairman of the Chamber of the Commission and the President of the Court of the Union are entitled to submit the documents for awarding a long service pension in accordance with the procedure as provided for by the laws of the Member State. Failure to submit the documents to the Union body by the national administrations of the Member States is not in line with the provisions of paragraphs 53 and 54 of Annex 32.

(see subparagraph 7 of paragraph 4 and subparagraph 13 of paragraph 1, Section III “Court’s Findings”)

4. The presence in paragraph 53 of Annex 32 of an independent criterion for the award a long service pension to the officials and employees of the Commission and the Court means that irrespective of the changes in national legislation with regard to the period of service necessary for the award of the relevant pension, the rule on the duration of service established in the Treaty applies to international servants of the Union bodies.

(subparagraph 3 of paragraph 3.1, Section III “Court’s Findings”)

5. Annex 32 does not prohibit taking into account the period of service in public service positions of the officials and employees of the Commission and the Court acquired in different periods of their working career, including work experience prior to the establishment of the Union and with due regard for various types of federal public service.

(subparagraph 5 of paragraph 2, Section III “Court’s Findings”)

6. Due to the commitment to the unconditional observance of the principle of the supremacy of constitutional rights and freedoms of a person and citizen as provided for by the preamble of the Treaty, the level of such rights and freedoms guaranteed by the Union shall not be lower than that ensured in the Member States.

(subparagraph 5 of paragraph 3.1, Section III “Court’s Findings”)

7. International service in the bodies of the EEU requires professional knowledge and skills in those areas of activity that have been transferred by the Member States of the Union to the supranational jurisdiction, and which are applied by the international servants at the international level.

The period of service at international (interstate) organisations shall be included into the length of public civil service. Inclusion into this category of various types of public service (public civil, military, etc.) is determined in accordance with the legislation of the Russian Federation.

(subparagraphs 7-8 of paragraph 3.2, Section III “Court’s Findings”)

8. Paragraph 54 of Annex 32 does not impose any conditions for the inclusion of the period of employment at the Commission or at the Court in the public civil service period, which leads to the conclusion that this provision may be also applied to those persons who, prior to their employment at the Commission and at the Court, had no experience in the public civil service.

This provision governs only the matter of correlation of the international service period in the Union bodies and the public service in the Member States. Civil service (being a type of public service), military service or public service of other types may be included in public service period, if the law of the Member State so provides.

(subparagraphs 4, 5 of paragraph 4, Section III “Court’s Findings”)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

город Минск

8 октября 2018 года

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего Колоса Д.Г.,
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н.,
при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч.

рассмотрела в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Исследовав заявление и прилагаемые к нему документы, заслушав судью-докладчика Колоса Д.Г., Коллегия Суда Евразийского экономического союза

УСТАНОВИЛА:

Закрытое акционерное общество «Санofi-Авентис Восток» (далее – ЗАО «Санofi-Авентис Восток», истец) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Истец обратился в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение Коллегии ЕЭК № 132) в части его распространения на комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, которые предназначены исключительно для изготовления готовых лекарственных препаратов в форме одноразовых шприц-ручек (далее – Комплектующие), не соответствующим Договору о Евразийском

экономическом Союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о ЕАЭС) и международным договорам, заключенным в рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз), и нарушающим права и законные интересы ЗАО «Санofi-Авентис Восток» в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Истец также просит исключить распространение Решения Коллегии ЕЭК № 132 на Комплектующие.

Согласно Решению Коллегии ЕЭК № 132 комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, представляющие собой держатель картриджа с нанесенной шкалой, который предназначен для размещения в нем стеклянного картриджа с инсулином с предохраняющим его колпачком, а также механическую часть шприц-ручки со шкалой и вращающимся блоком для выбора дозы инсулина, с кнопкой для нажатия на перемещающийся внутри поршень для введения определенной дозы инсулина, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ ТН ВЭД) 1 и 6 классифицируются в субпозиции 9018 31 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС).

По мнению истца, Решение Коллегии ЕЭК № 132 не соответствует статьям 25, 31, 32, 33, 51 Договора о ЕАЭС и статье 22 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза, а отнесение Комплектующих к субпозиции 9018 31 произведено с нарушением ОПИ ТН ВЭД и Примечания 2 (б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС.

Компетенция Суда по рассмотрению споров по заявлению хозяйствующего субъекта определена подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Статут Суда). Согласно указанной норме Суд рассматривает споры о соответствии решения Комиссии или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору о ЕАЭС и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором о ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Истец полагает, что Решение Коллегии ЕЭК № 132 непосредственно затрагивает его права и законные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности и влечет нарушение его прав и законных интересов. До вступления в силу оспариваемого решения ввозимые истцом Комплектующие классифицировались по коду ТН ВЭД ЕАЭС 9018 90 840 9 (ставка ввозной таможенной пошлины – 0 %). После вступления в силу Решения Кол-

легии ЕЭК № 132 классификация Комплектующих осуществляется в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС, по которой ставка ввозной таможенной пошлины составляет 5 %. Изменение классификации Комплектующих привело к увеличению тарифной нагрузки на ЗАО «Санофи-Авентис Восток» при их ввозе. При этом истец не вправе изменить цены на готовые лекарственные препараты, изготовленные им с использованием Комплектующих, с учетом увеличившихся расходов на таможенное оформление, поскольку они включены в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения, цены на которые регулируются Правительством Российской Федерации.

Пунктом 43 Статута Суда установлен обязательный досудебный порядок урегулирования споров. Из представленных документов следует, что 16 мая 2018 года истец обращался в Евразийскую экономическую комиссию (далее – ЕЭК) для урегулирования возникшего вопроса в досудебном порядке. ЕЭК в ответе от 20 июля 2018 года указала, что Решение Коллегии ЕЭК № 132 не противоречит положениям Договора о ЕАЭС, иным международным договорам в рамках Союза и не нарушает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Заявление истца и прилагаемые к нему документы поданы в соответствии с соблюдением требований подпунктов 1, 3, 4 статьи 9 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), предъявляемых к их содержанию и форме представления.

Заявление ЗАО «Санофи-Авентис Восток» соответствует пункту 2 статьи 9 Регламента Суда в части требования о признании Решения Коллегии ЕЭК № 132 не соответствующим Договору о ЕАЭС и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Вместе с тем заявление истца не соответствует названной норме Регламента Суда в части требования об исключении распространения Решения Коллегии ЕЭК № 132 на Комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, которые предназначены исключительно для изготовления готовых лекарственных препаратов в форме одноразовых шприц-ручек.

Коллегия Суда Евразийского экономического союза обращает внимание на то, что в соответствии с подпунктом 2 пункта 39, пунктом 102 Статута Суда, Суд не наделен компетенцией по изменению и (или) отмене норм права Союза, в том числе по исключению их действия применительно к определенным правоотношениям. Данное обстоятельство является основанием для отказа в принятии заявления в части требования об исключении распространения Решения Коллегии ЕЭК № 132 на Комплектующие.

В этой связи Коллегия Суда Евразийского экономического союза приходит к выводу, что заявление подлежит принятию к производству в части, соответствующей компетенции Суда.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 39 Статута Суда, статьями 9, 33, 34, 84 Регламента Суда, Коллегия Суда Евразийского экономического союза

ПОСТАНОВИЛА:

Принять к производству заявление закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» в части признания Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Отказать в принятии к производству заявления закрытого акционерного общества «Санofi-Авентис Восток» в части исключения распространения Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» на комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, которые предназначены исключительно для изготовления готовых лекарственных препаратов в форме одноразовых шприц-ручек.

Судебное заседание по рассмотрению дела назначить на 10 часов 00 минут 6 декабря 2018 года в помещении Суда Евразийского экономического союза.

Копию настоящего постановления направить сторонам.

Постановление является окончательным и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

Д.Г. Колос

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Т.Н. Нешатаева

РЕШЕНИЕ

21 декабря 2018 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего Колоса Д.Г.,
судей Ажибраимовой А.М., Айриян Э.В., Баишева Ж.Н., Нешатаевой Т.Н.,
при секретаре судебного заседания Долженко Л.Ч.,
с участием представителей закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» Маликовой И.А., Завьялова Г.В., Чикина В.И., Мысника В.Б.,
представителей Евразийской экономической комиссии Солопова В.И., Кирилеева Р.О., Юрлова И.А., Фурсова В.Н.,

рассмотрела в открытом судебном заседании заявление закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток» к Евразийской экономической комиссии о признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Заслушав судью-докладчика Колоса Д.Г., представителей сторон, исследовав материалы дела, Коллегия Суда

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства спора

Закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» (далее – ЗАО «Санофи-Авентис Восток», истец, общество) является юридическим лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Истец импортирует на таможенную территорию Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) товары – держатели картриджа и механические части, которые используются им для изготовления в заводских условиях инсулиносодержащих лекарственных препаратов, выпускаемых в форме одноразовых шприц-ручек.

До принятия оспариваемого решения при импорте указанных товаров ЗАО «Санофи-Авентис Восток» самостоятельно классифицировало их по коду 9018 90 840 9 единой Товарной номенклатуры

внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС) – «Приборы и устройства, применяемые в медицине, хирургии, стоматологии или ветеринарии, включая сцинтиграфическую аппаратуру, аппаратура электромедицинская прочая и приборы для исследования зрения; - инструменты и оборудование, прочие; - - прочие; - - - прочие».

3 октября 2017 года Коллегией Евразийской экономической комиссии (далее – Коллегия ЕЭК) принято Решение № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132).

Согласно названному решению комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, представляющие собой держатель картриджа с нанесенной шкалой, который предназначен для размещения в нем стеклянного картриджа с инсулином с предохраняющим его колпачком, а также механическую часть шприц-ручки со шкалой и вращающимся блоком для выбора дозы инсулина, с кнопкой для нажатия на перемещающийся внутри поршень для введения определенной дозы инсулина (далее – Комплектующие), в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (далее – ОПИ) 1 и 6 классифицируются в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

Приведенное в Решении № 132 описание Комплектующих и их функциональное назначение совпадают с описанием и назначением товаров, ввозимых истцом, в связи с чем классификация держателей картриджа и механических частей стала осуществляться им в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС – «Приборы и устройства, применяемые в медицине, хирургии, стоматологии или ветеринарии, включая сцинтиграфическую аппаратуру, аппаратура электромедицинская прочая и приборы для исследования зрения; - шприцы, иглы, катетеры, канюли и аналогичные инструменты; - - шприцы, с иглами или без игл».

Данное обстоятельство привело к увеличению тарифной нагрузки на ЗАО «Санofi-Авентис Восток» при ввозе Комплектующих на таможенную территорию Союза. При этом общество не вправе изменить цены на готовые лекарственные препараты, поскольку они включены в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов для медицинского применения, цены на которые регулируются Правительством Российской Федерации.

По мнению истца, оспариваемое решение нарушает преамбулу, статьи 3, 25, 31, 32, 33 и 51 Договора о Евразийском экономическом Союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор о Союзе), статью 52 Таможенного

кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС), пункты 3 и 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе (далее – Положение о ЕЭК), поскольку принято с превышением предоставленных Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК, Комиссия, ответчик) полномочий и содержит неверную классификацию Комплектующих.

В этой связи ЗАО «Санofi-Авентис Восток» обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании Решения № 132 не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

В целях всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела Судом направлены запросы и получены ответы Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Армения, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службы при Правительстве Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Учреждения образования «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь», Российской таможенной академии, Всемирной таможенной организации, Департамента налогообложения и таможенного союза Европейской комиссии.

Ответчиком представлены письменные возражения на заявление.

3. Доводы истца

3.1. По мнению ЗАО «Санofi-Авентис Восток», Комиссией при принятии оспариваемого решения не учтены объективные свойства и характеристики отдельного вида товара, как того требует применение ОПИ. Общество полагает, что ЕЭК исходила лишь из наличия слова «шприц» в наименовании лекарственных препаратов, для изготовления которых ввозятся Комплектующие, тогда как держатели картриджа и механические части не являются шприцами и не обладают их свойствами и характеристиками.

3.2. Истец утверждает, что классификация Комплектующих в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС неверна, поскольку конечным товаром, в состав которого входят держатель картриджа и механическая часть, является не шприц, а лекарственный препарат, классифицируемый по коду 3004 31 000 0 ТН ВЭД ЕАЭС – «лекарственные средства (кроме товаров товарной позиции 3002, 3005 или 3006), состоящие из смешанных

или несмешанных продуктов, для использования в терапевтических или профилактических целях, расфасованные в виде дозированных лекарственных форм (включая лекарственные средства в форме трансдермальных систем) или в формы или упаковки для розничной продажи; - - содержащие инсулин».

В этой связи ЗАО «Санофи-Авентис Восток» считает, что Решение № 132 нарушает статью 52 ТК ТС, противоречит примечанию 2 (б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС и не соответствует принципам Гармонизированной системы описания и кодирования товаров (далее – ГС).

Кроме того, общество обращает внимание на то, что выводы Комиссии в Решении № 132 обосновываются только Правилами 1 и 6 ОПИ, ссылка на примечание 2 (б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС отсутствует.

3.3. По мнению истца, классификация Комплектующих в соответствии с Решением № 132 приводит к нарушению ГОСТ ISO 8537-2011 «Межгосударственный стандарт. Шприцы инъекционные однократного применения стерильные с иглой или без иглы для инсулина», рекомендованного для применения Рекомендацией Коллегии ЕЭК от 4 сентября 2017 года № 17 «О перечне стандартов, в результате применения которых на добровольной основе полностью или частично обеспечивается соблюдение соответствия медицинских изделий Общим требованиям безопасности и эффективности медицинских изделий, требованиям к их маркировке и эксплуатационной документации на них». ЗАО «Санофи-Авентис Восток» усматривает противоречие в том, что ввозимые им товары, которые на основании Решения № 132 подлежат классификации как «шприцы, с иглами или без игл», не подпадают под требование о регистрации медицинских изделий в Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения.

3.4. Истец обращает внимание на наличие вступивших в законную силу решений арбитражных судов Российской Федерации по спорам между ЗАО «Санофи-Авентис Восток» и таможенными органами Российской Федерации о классификации держателей картриджа и механических частей в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС, в которых суды пришли к выводу о том, что ввозимые обществом товары являются неотъемлемой частью (компонентами) лекарственного средства, не могут считаться законченным изделием и не имеют самостоятельного потребительского значения в смысле определенной таможенным органом товарной субпозиции 9018 31, в связи с чем могут классифицироваться декларантом по коду 9018 90 840 9 ТН ВЭД ЕАЭС (дела № А35-7459/2015 и № А35-11867/2015).

Истец полагает, что, принимая Решение № 132 при таких обстоятельствах, Комиссия превысила полномочия, предоставленные ей Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза.

4. Возражения ответчика

4.1. По утверждению ответчика, Решение № 132 принято в соответствии с пунктом 7 статьи 52 ТК ТС в целях обеспечения единообразия толкования и применения в государствах – членах Союза ТН ВЭД ЕАЭС.

В силу пункта 1 статьи 51 ТК ТС международной основой ТН ВЭД ЕАЭС является ГС. Тексты товарных позиций и содержание примечаний ТН ВЭД ЕАЭС основаны на положениях ГС и должны применяться без каких-либо изъятий.

Классификация товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС осуществляется исходя из их наименования, материалов, из которых они изготовлены, выполняемой функции, способа изготовления, конструкции, принципа действия, области применения, упаковки, расфасовки в соответствии с положениями ОПИ, применяемыми последовательно.

Указанные в Решении № 132 виды товаров (держатель картриджа и механическая часть) являются составными частями шприц-ручки для подкожного введения инсулина.

Согласно общепринятым понятиям и терминам наименование «шприц» является названием инструментов, применяемых в медицине и предназначенных для введения в организм лекарственных средств.

Согласно тексту товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС в нее в том числе включаются устройства, применяемые в медицине.

Таким образом, по мнению Комиссии, шприцы как устройства, применяемые в медицине, в соответствии с Правилom 1 ОПИ классифицируются в товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС вне зависимости от их конструкции (одноразовые или многоразовые, разборные или неразборные).

4.2. В ТН ВЭД ЕАЭС не существует общего правила для классификации «частей» и «принадлежностей», однако в самих текстах товарных позиций, а также примечаниях к группам ТН ВЭД ЕАЭС могут устанавливаться особенности классификации таких товаров.

Правила классификации «частей» и «принадлежностей» товаров, включаемых в группу 90 ТН ВЭД ЕАЭС, определены положениями примечания 2 к данной группе. Поскольку указанные в Решении № 132 Комплектующие идентифицируются как части, непосредственно предназначенные для сборки одноразовой инсулиновой шприц-ручки, их классификация должна осуществляться в соответствии с положениями примечания 2 (б) к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС в той же товарной позиции, в которой классифицируются готовые шприцы.

4.3. По мнению ЕЭК, довод истца о том, что готовая инсулиновая шприц-ручка является лекарственным средством, классифицируемым в позиции 3004 ТН ВЭД ЕАЭС, в связи с чем его комплектующие нельзя классифицировать

в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС, является несостоятельным, поскольку обществом не учитывается содержание закрепленных в праве Союза понятий «лекарственное средство», «лекарственный препарат» и «форма выпуска лекарственного препарата».

Комиссия полагает, что виды товара, указанные в Решении № 132, не являются ни лекарственным препаратом, ни его частями, а представляют собой компоненты шприц-ручки, которая выступает в роли первичной упаковки лекарственного препарата и одновременно является средством его введения, в связи с чем по своим функциональным свойствам относится к разновидности шприца.

4.4. Ответчик указывает, что оспариваемое решение соответствует международной практике классификации частей инсулиновых шприц-ручек как компонентов шприцев в субпозиции 9018 31 ГС.

Таким образом, по мнению ЕЭК, позиция истца основана на неверном применении ОПИ, неправильной интерпретации текстов соответствующих товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС и примечаний к ним. В этой связи Комиссия просит Суд отказать в удовлетворении требований ЗАО «Санofi-Авентис Восток».

5. Выводы Суда

5.1. В соответствии с пунктом 1 статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений на соответствие их Договору о Союзе и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда исходит из того, что нарушение прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором о Союзе и (или) международными договорами в рамках Союза, может повлечь только не соответствующее праву Союза решение Комиссии.

В этой связи проверке факта нарушения прав и законных интересов истца должна предшествовать проверка оспариваемого решения на предмет его соответствия Договору о Союзе и (или) международным договорам в рамках

Союза, которая применительно к оспариваемому решению предполагает оценку обоснованности отнесения отдельного вида товара к товарной субпозиции.

5.2. В соответствии с пунктом 50 Статута Суда Евразийского экономического союза, являющегося приложением № 2 к Договору о Союзе (далее – Статут Суда), при осуществлении правосудия Суд применяет: общепризнанные принципы и нормы международного права; Договор о Союзе, международные договоры в рамках Союза и иные международные договоры, участниками которых являются государства – стороны спора; решения и распоряжения органов Союза; международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы.

Основным международным договором в рамках ЕАЭС в сфере таможенного регулирования является Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, вступивший в силу 1 января 2018 года. Указанный договор имеет преимущественную силу над иными регулирующими таможенные правоотношения международными договорами, входящими в право Союза, за исключением Договора о Союзе.

До вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС) таможенное регулирование в Союзе осуществлялось в соответствии с Договором о Таможенном кодексе таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства и входящими в право Союза, которые применялись с учетом переходных положений, закрепленных в статье 101 Договора о Союзе.

В связи с тем, что подготовка и принятие Решения № 132 осуществлялись до вступления в силу ТК ЕАЭС, Коллегия Суда проводит проверку его соответствия ТК ТС, применяемому на тот момент с учетом переходных положений в части, не противоречащей Договору о Союзе. Кроме того, Решение № 132 подлежит проверке на предмет его соответствия нормам ТК ЕАЭС, поскольку в соответствии с пунктом 3 статьи 444 ТК ЕАЭС решения Комиссии, регулирующие таможенные правоотношения, действующие на дату вступления ТК ЕАЭС в силу, сохраняют свою юридическую силу и применяются в не противоречащей ему части.

В связи с тем, что все государства – члены Союза участвуют в Конвенции о ГС, являющейся международной основой ТН ВЭД ЕАЭС, Коллегия Суда применяет также ГС и Пояснения к ней, принятые Комитетом по ГС. Пояснения к ГС содержат техническое описание товаров, практические рекомендации по их классификации и идентификации, признаются официальным

толкованием ГС на международном уровне и воспроизведены в Пояснениях к ТН ВЭД ЕАЭС, утвержденных Рекомендацией Коллегии ЕЭК от 7 ноября 2017 года № 21.

5.3. Являясь органом Союза, ЕЭК действует в пределах полномочий, которые предоставлены ей Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза (пункт 2 статьи 8 Договора о Союзе), в том числе в сфере таможенного регулирования (пункт 3 Положения о ЕЭК).

Комиссия наделена полномочиями по принятию решений о классификации отдельных видов товаров пунктом 1 статьи 22 ТК ЕАЭС (ранее – пункт 7 статьи 52 ТК ТС). Под отдельным видом товара в целях таможенной классификации понимается совокупность товаров, имеющих общие классификационные признаки, позволяющие отнести товары конкретных наименований, марок, моделей, артикулов, модификаций и иных подобных индивидуальных характеристик к одному классификационному коду по ТН ВЭД ЕАЭС.

Решения о классификации отдельных видов товаров принимаются ЕЭК в целях обеспечения единообразия толкования ТН ВЭД ЕАЭС и имеют нормативно-правовой характер.

Держатель картриджа и механическая часть одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, являются отдельными видами товаров, имеющими общие классификационные признаки, позволяющие отнести их к одному классификационному коду по ТН ВЭД ЕАЭС.

Решение № 132, являясь решением Комиссии о классификации отдельных видов товаров, адресовано неопределенному кругу лиц и направлено на обеспечение единообразного регулирования отношений, возникающих после его вступления в силу, то есть после 3 ноября 2017 года.

Процедура принятия классификационных решений, включая правила внесения в ЕЭК предложений, порядок их рассмотрения, согласования с таможенными органами государств – членов Союза проектов решений, регулируется Решением Коллегии ЕЭК от 2 декабря 2013 года № 284 «О порядке подготовки Евразийской экономической комиссией решений о классификации отдельных видов товаров».

Коллегией Суда установлено, что предложение о классификации Комплекующих внесено в Комиссию Федеральной таможенной службой Российской Федерации в инициативном порядке с приложением всех требуемых документов, проект классификационного решения согласован таможенными органами всех государств-членов без замечаний, решение принято уполномоченным органом – Коллегией ЕЭК.

При таких обстоятельствах Коллегия Суда приходит к выводу о том, что Решение № 132 принято Комиссией в рамках предоставленных полномочий и в соответствии с процедурой, установленной для данного вида решений.

5.4. Товары при их таможенном декларировании классифицируются в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, утвержденной Решением Совета ЕЭК от 16 июля 2012 года № 54.

Коллегия Суда отмечает, что критериями классификации товаров в целях таможенного декларирования являются объективные характеристики и свойства, присущие товарам на момент их ввоза на таможенную территорию Союза, которые должны соотноситься с текстами конкретных товарных позиций ТН ВЭД ЕАЭС и соответствующих примечаний к разделам или группам.

5.4.1. Решение № 132 распространяется на два вида Комплектующих, используемых при производстве одноразовых шприц-ручек для подкожного введения инсулина. Товар «держатель картриджа» представляет собой деталь с нанесенной шкалой, которая предназначена для размещения в ней стеклянного картриджа с инсулином с предохраняющим его колпачком. Товар «механическая часть» представляет собой деталь со шкалой и вращающимся блоком для выбора дозы инсулина, с кнопкой для нажатия на перемещающийся внутри поршень для введения определенной дозы инсулина.

Наименование видов товаров, их описание и функциональное назначение указывают на то, что предметом регулирования Решения № 132 является классификация товаров, которые являются составными частями другого товара и перемещаются через таможенную границу Союза отдельно от него.

ТН ВЭД ЕАЭС не содержит общего правила классификации частей. В этой связи на основании Правила 1 ОПИ классификация товаров такого рода осуществляется исходя из текстов товарных позиций, примечаний к разделам или группам и, если в них не предусмотрено иное, в соответствии с последующими Правилами ОПИ.

При классификации частей необходимо выяснить, имеется ли в ТН ВЭД ЕАЭС товарная позиция, соответствующая их свойствам и характеристикам как отдельного вида товара. Анализ ТН ВЭД ЕАЭС показывает, что в ней отсутствуют товарные позиции, соответствующие описанию Комплектующих, в связи с чем следует обратиться к примечаниям о классификации частей к разделам или группам, в которых классифицируются собираемые из частей готовые изделия.

Таким образом, проверка обоснованности классификации Комплектующих предполагает в первую очередь определение кода товара, составными частями которого являются держатель картриджа и механическая часть.

5.4.2. Оценивая довод истца о том, что Комплектующие являются составными частями лекарственного препарата – инсулинового раствора для подкожного введения в форме одноразовой шприц-ручки, который в готовом виде при таможенном декларировании классифицируется в субпозиции 3004 31 ТН ВЭД ЕАЭС, Коллегия Суда использует понятия и определения, закрепленные в Соглашении о единых принципах и правилах обращения лекарственных

средств в рамках Евразийского экономического союза от 23 декабря 2014 года и Информационном справочнике понятий, применяемых в рамках Евразийского экономического союза в сфере обращения лекарственных средств, рекомендованном государствам-членам для руководства Рекомендацией Коллегии ЕЭК от 2 мая 2017 года № 12.

На примере производимого истцом с использованием Комплектующих товара – Лантус®СолоСтар® (инсулин-гларгин) раствор для подкожного введения 100 ЕД/мл, шприц-ручки одноразовые СолоСтар® 3 мл х 5 (пачка картонная) (регистрационное удостоверение ЛСР-007047/09 от 7 сентября 2009 года) – Коллегия Суда следующим образом систематизирует его характеристики: лекарственное средство – инсулин-гларгин; лекарственная форма – раствор для подкожного введения; лекарственный препарат – инсулин-гларгин раствор для подкожного введения; первичная упаковка – картридж/шприц-ручка СолоСтар®; вторичная (потребительская) упаковка – пачка картонная.

Из представленной технической документации следует, что в процессе производства товара в качестве самостоятельных технологических стадий выделяются наполнение и укупорка картриджей лекарственным средством и сборка шприц-ручек, состоящая в сборке на автоматической сборочной линии держателя и картриджа (заранее наполненного лекарственным средством) и их соединении с механической частью шприц-ручки.

С учетом изложенного Коллегия Суда констатирует, что Комплектующие являются частями одноразовой шприц-ручки, выступающей в роли первичной упаковки инсулиносодержащего лекарственного средства, а не составными частями лекарственного препарата, как утверждает истец.

Коллегия Суда обращает внимание, что в силу Правила 5 ОПИ при соблюдении прочих условий упаковка, поставляемая вместе с находящимся в ней товаром, классифицируется совместно с ним, а не как самостоятельный товар. В этой связи одноразовая шприц-ручка (первичная упаковка) с находящимся в ней картриджем с инсулином классифицируется совместно с инсулиносодержащим лекарственным средством (товаром) в субпозиции 3004 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

При этом данное правило не применимо к Решению № 132, предметная сфера которого распространяется на классификацию частей одноразовой шприц-ручки, ввозимых отдельно от лекарственного средства, а следовательно, являющихся самостоятельным товаром.

5.4.3. Одноразовая шприц-ручка, применяемая для подкожного введения инсулина, является устройством, обеспечивающим возможность дозированных инъекций лекарственного средства в организм человека.

В товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС классифицируются в том числе устройства, применяемые в медицине.

Согласно Пояснениям к ГС в товарную позицию 9018 включается очень широкий диапазон приборов и устройств, которые в большинстве случаев используются только в профессиональной практике (например, врачами, хирургами, стоматологами, ветеринарными хирургами, акушерками) либо для постановки диагноза, профилактики или лечения болезни, либо для оперирования и т.д. Приборы и устройства данной товарной позиции могут быть сделаны из любого материала.

Из текста товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС и Пояснений следует, что условием отнесения к ней приборов и устройств является их использование в области медицины. При этом не имеют значения ни вид материала, из которого они изготовлены, ни порядок и условия их производства, ни наличие требований к регистрации, ни иные подобные характеристики.

Поскольку одноразовые шприц-ручки, частями которых являются Комплектующие, предназначены для введения инсулина в организм человека, они являются устройствами, применяемыми в медицине, а следовательно подлежат классификации в товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.4.4. Классификация в рамках товарной позиции на уровне субпозиций осуществляется в соответствии с Правилем 6 ОПИ, согласно которому для юридических целей классификация товаров в субпозициях товарной позиции должна осуществляться в соответствии с наименованиями субпозиций и примечаниями, имеющими отношение к субпозициям, а также, *mutatis mutandis*, положениями Правил ОПИ при условии, что лишь субпозиции на одном уровне являются сравнимыми. Для целей настоящего Правила также могут применяться соответствующие примечания к разделам и группам, если в контексте не оговорено иное.

В рамках товарной позиции 9018 ТН ВЭД ЕАЭС в отдельную двухдефисную субпозицию 9018 31 выделены шприцы, с иглами или без игл. В соответствии с Пояснениями к ГС к товарной позиции 9018 относятся шприцы (стеклянные, металлические, из стекла и металла, пластмассы и т.д.) всех видов, из чего следует, что основополагающим фактором для таможенной классификации товаров в качестве шприцев является их функциональное назначение, а не особенности конструкции или применения.

Под термином «шприц» в медицине понимается инструмент для дозированного введения в ткани организма жидких лекарственных средств, отсасывания экссудатов и других жидкостей, а также для промывания полостей организма (Большая медицинская энциклопедия: том 27 / гл. ред. Б.В. Петровский. – Изд. третье. – М: Советская энциклопедия, 1987.). Шприцы, используемые в медицине, различаются по назначению, конструкции, материалам, из которых изготовлены, и компонентам, из которых состоят (цилиндр, поршень и другая арматура).

Из имеющихся в материалах дела заключений специалистов следует, что

одноразовая шприц-ручка СолоСтар® предназначена для введения подкожно определенной дозы инсулина. Она состоит из держателя картриджа-колпачком, в который встроены стеклянный картридж с инсулином, и механической части. Механизм использования устройства заключается в продвижении вперед поршня, который толкает резиновую пробку инсулинового картриджа в направлении иглы, обеспечивающей введение подкожно отмеренной дозы инсулина. После инъекции всех единиц инсулина поршень достигает конечного положения, оттянуть его назад или вывернуть обратно невозможно. Картридж не может быть заправлен повторно.

Коллегия Суда приходит к выводу, что шприц-ручка обладает основными признаками шприца, применяемого в медицине. При этом особенности ее конструкции не влияют на функциональное назначение устройства и, соответственно, не препятствуют отнесению его к категории шприцев.

Таким образом, поскольку ни юридические тексты (тексты субпозиций, примечания к группе 90), ни тексты Пояснений не ограничивают субпозицию 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС каким-либо конкретным видом шприцев, то в соответствии с Правилom 6 ОПИ на основании текста субпозиции одноразовые шприц-ручки следует классифицировать в субпозиции 9018 31 «- - шприцы, с иглами или без игл».

5.4.5. Классификация устройства, частями которого являются Комплектуемые, в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС приводит к необходимости обращения к примечаниям к группе 90 с целью классификации «частей» этого устройства.

В соответствии с примечанием 2 к группе 90 ТН ВЭД ЕАЭС при условии соблюдения положений примечания 1 к данной группе части и принадлежности к машинам, аппаратам, инструментам или изделиям, включаемым в группу 90, должны классифицироваться согласно следующим правилам:

(а) части и принадлежности, являющиеся товарами, включаемыми в одну из товарных позиций данной группы или группы 84, 85 или 91 (кроме товарной позиции 8487, 8548 или 9033), во всех случаях включаются в соответствующие товарные позиции;

(б) прочие части и принадлежности, предназначенные для использования исключительно или в основном в определенном виде машин, инструментов или аппаратов или в нескольких машинах, инструментах или аппаратах, включаемых в одну товарную позицию (в том числе машины, инструменты или аппараты товарной позиции 9010, 9013 или 9031), включаются вместе с этими машинами, инструментами или аппаратами;

(в) все прочие части и принадлежности включаются в товарную позицию 9033.

Комплектуемые, во-первых, не исключаются из группы 90 на основании примечания 1 к данной группе, во-вторых, не являются самостоятельными

товарами какой-либо конкретной товарной позиции группы 90, 84, 85 или 91, в-третьих, идентифицируются как части, предназначенные для использования исключительно в одноразовых шприц-ручках для введения инсулина, подлежащих классификации в товарной субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

В этой связи Комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, следует классифицировать в соответствии с Правилами 1 и 6 ОПИ, а также примечанием 2 (б) к группе 90 в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

5.4.6. Оценивая довод истца об отсутствии в Решении № 132 указания на примечание 2 (б) к группе 90, Коллегия Суда считает достаточной имеющуюся в тексте решения ссылку на Правила 1 и 6 ОПИ, поскольку Правило 1 ОПИ содержит указание об использовании примечаний к разделам или группам. Право Союза не требует обязательной нормативной фиксации в классификационном решении деталей применения ОПИ и используемых примечаний к группам ТН ВЭД ЕАЭС.

Коллегия Суда также отмечает, что при классификации для таможенных целей частей устройств, используемых в медицине, требования о сертификации и регистрации медицинских изделий не имеют правового значения.

5.5. С учетом изложенного Коллегия Суда констатирует наличие полномочий Комиссии на принятие Решения № 132, соблюдение процедуры принятия данного акта и обоснованность отнесения Комплектующих к товарной субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС, в связи с чем признает Решение № 132 соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза.

На этом основании Коллегия Суда приходит к выводу об отсутствии факта нарушения оспариваемым решением прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором о Союзе и международными договорами в рамках Союза.

В соответствии с пунктом 64 Статута Суда пошлина, уплаченная ЗАО «Санофи-Авентис Восток» при обращении в Суд, возврату не подлежит. Согласно пункту 66 Статута Суда в ходе рассмотрения дела каждая сторона спора несет свои судебные издержки самостоятельно.

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 108 Статута Суда, статьями 77, 78 и 82 Регламента Суда Евразийского экономического союза, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении заявления закрытого акционерного общества «Санофи-Авентис Восток».

Признать Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для

одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

Уплаченная закрытым акционерным обществом «Санофи-Авентис Восток» пошлина возврату не подлежит.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Председательствующий

Д.Г. Колос

Судьи

А.М. Ажибраимова

Э.В. Айриян

Ж.Н. Баишев

Т.Н. Нешатаева

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
судьи Нешатаевой Т.Н.
(дело № СЕ-1-2/8-18-КС)

город Минск

21 декабря 2018 года

В конкретных обстоятельствах рассмотренного дела поддерживаю и мотивировочную, и резолютивную части решения Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 21 декабря 2018 года по делу № СЕ-1-2/8-18-КС, однако считаю необходимым заявить в соответствии с пунктом 1 статьи 79 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101, особое мнение по вопросу о форме оспариваемого решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132).

Решение № 132 гласит: «Комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, представляющие собой держатель картриджа с нанесенной шкалой, который предназначен для размещения в нем стеклянного картриджа с инсулином с предохраняющим его колпачком, а также механическую часть шприц-ручки со шкалой и вращающимся блоком для выбора дозы инсулина, с кнопкой для нажатия на перемещающийся внутри поршень для введения определенной дозы инсулина, в соответствии с Основными правилами интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 и 6 классифицируются в субпозиции 9018 31 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза».

Таким образом, в формулировке Решения № 132 четыре раза упоминается название конкретного лекарственного средства (инсулина), тогда как решение о классификации товара касается не самого этого препарата, а тех комплектующих, которые после сборки будут служить упаковкой для инсулина (картриджа с инсулином) и классифицируются согласно другому коду Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее – ТН ВЭД ЕАЭС), и, следовательно, им соответствует иная ставка таможенной пошлины.

То есть в Решении № 132 говорится одновременно как о лекарствах, которые должны классифицироваться по своему коду ТН ВЭД ЕАЭС, так и о ком-

понентах аппарата (первичной упаковки), при помощи которого такое лекарство вводится больному.

Спор возник потому, что хозяйствующий субъект полагал, что ввозит лекарственный препарат и его компоненты, а таможенные органы считали эти товары комплектующими для аппарата – шприцами. В ходе судебного заседания выяснилось, что в основном ввозились именно компоненты для аппарата, тогда как лекарственный препарат изготовлялся на территории Российской Федерации. В такой ситуации полагаю, что интересы хозяйствующего субъекта не нарушены.

Однако само Решение № 132, в котором упоминаются как элементы аппарата, так и элементы препарата, создает правовую неопределенность и при других обстоятельствах может быть истолковано совершенно иначе.

На основании изложенного считаю, что решения Евразийской экономической комиссии не должны содержать подобных двусмысленных формулировок, которые затем приводят к затяжным судебным спорам, и, следовательно, Решение № 132 частично не соответствует Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года.

Судья

Т.Н. Нешагаева

Резюме
по делу № СЕ-1-2/8-18-КС
(ЗАО «Санофи-Авентис Восток»)

Ключевые слова:

Закрытое акционерное общество «Санофи-Авентис Восток» (хозяйствующий субъект, юридическое лицо) – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК).

О признании Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» не соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза

Классификация комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина; единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза; Основные правила интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности; лекарственные средства.

Решение Коллегии ЕЭК от 3 октября 2017 года № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» – Договор о Союзе – Таможенный кодекс ЕАЭС – ТН ВЭД ЕАЭС – ОПИ ТН ВЭД.

Решение Коллегии Суда – отказ в удовлетворении требований – признание решения ЕЭК соответствующим Договору – особое мнение – апелляционная жалоба.

Описание:

В Суд Евразийского экономического союза обратилось ЗАО «Санофи-Авентис Восток», которое производит в России инсулиносодержащие лекарственные препараты в форме одноразовых шприц-ручек. Для производства лекарственных препаратов компания импортирует на таможенную территорию Евразийского экономического союза товары – держатели картриджа и механические части одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина.

3 октября 2017 года Коллегией Евразийской экономической комиссии принято Решение № 132 «О классификации комплектующих для одноразовых

шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза» (далее – Решение № 132). В соответствии с названным решением комплектующие для одноразовых шприц-ручек, применяемых для подкожного введения инсулина, представляющие собой держатель картриджа и механическую часть шприц-ручки, классифицируются в субпозиции 9018 31 ТН ВЭД ЕАЭС.

По мнению истца, Решение № 132 нарушает преамбулу, статьи 3, 25, 31, 32, 33 и 51 Договора о Союзе, статью 52 Таможенного кодекса таможенного союза, пункты 3 и 13 Положения о Евразийской экономической комиссии, являющегося приложением № 1 к Договору о Союзе, поскольку принято с превышением предоставленных Евразийской экономической комиссии полномочий и содержит неверную классификацию товаров.

В этой связи ЗАО «Санофи-Авентис Восток» обратилось в Суд Евразийского экономического союза с заявлением о признании Решения № 132 не соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Союза и нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

21 декабря 2018 года Суд отказал в удовлетворении заявления ЗАО «Санофи-Авентис Восток» и признал Решение № 132 соответствующим Договору о Союзе и международным договорам в рамках Евразийского экономического союза.

К решению Коллегии Суда приложено особое мнение судьи Нешатаевой Т.Н.

21 января 2019 года Апелляционная палата Суда приняла к производству жалобу на Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза.

Case Summary
No. CE-1-2/8-18-KC
(Sanofi Aventis Vostok CJSC)

Keywords:

Closed Joint-Stock Company Sanofi Aventis Vostok (economic entity, legal person) – Eurasian Economic Commission (EEC).

On declaring Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission No. 132 dated October 3, 2017 On classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union not in line with the Treaty on the Eurasian Economic Union dated May 29, 2014 and the international treaties within the Eurasian Economic Union.

Classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection; Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union; General rules of interpretation of Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity; Medicines.

Decision of the Board of the EEC No. 132 dated October 3, 2017 On classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union – Treaty on the Union – Customs Code of the EAEU – CN of FEA EAEU – GRI CN of FEA.

Judgment of the Chamber of the Court – rejection of claims – recognition of the Decision of the EEC as compliant with the Treaty – separate opinion – appeal.

Substance of the case:

Sanofi Aventis Vostok CJSC, which produces insulin medicines in the form of disposable pen injectors in Russia, applied to the Court of the Eurasian Economic Union. For production of the medicines the company imports to the customs territory of the Eurasian Economic Union the following goods: cartridge holders and mechanical parts of disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection.

On October 3, 2017 the Chamber of the Eurasian Economic Commission adopted Decision No. 132 On classification of components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection in accordance with the Single Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Union (hereinafter – Decision No. 132). According to this Decision, the components for disposable pen injectors used for subcutaneous insulin injection, which are the cartridge holder and mechanical part of the pen injector, are classified as sub-item 9018 31 of the CN of FEA EAEU.

The Claimant states that Decision No. 132 is in conflict with the Preamble, Articles 3, 25, 31, 32, 33 and 51 of the Treaty on the Union, Article 52 of the Customs Code of the Customs Union, paragraphs 3 and 13 of the Regulation of the Eurasian Economic Commission which is Annex 1 to the Treaty on the Union, as it is adopted in exceeding the powers granted to the Eurasian Economic Commission and contains incorrect classification of the goods.

Due to this fact, Sanofi Aventis Vostok CJSC applied to the Court of the Eurasian Economic Union for declaring Decision No. 132 not in line with the Treaty on the Union and the international treaties within the Union and violating the rights and legitimate interest of the claimant in the area of business and other economic activities.

On December 21, 2018 the Court rejected the claims of Sanofi Aventis Vostok CJSC and recognized Decision No. 132 as compliant with the Treaty on the Union and the international treaties within the Eurasian Economic Union.

A separate opinion of Judge T.N. Neshatayeva is attached to the judgment of the Chamber of the Court.

On January 21, 2019 the Appeals Chamber accepted the appeal against the judgment of the Chamber of the Court of the Eurasian Economic Union for proceedings.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
2018 ГОД**

Председатель редакционного совета:

Айриян Э.В. – заместитель Председателя Суда Евразийского
экономического союза.

Заместитель председателя редакционного совета:

Колос Д.Г. – судья.

Члены совета:

Ажибраимова А.М. – судья;

Баишев Ж.Н. – судья, Председатель Суда Евразийского
экономического союза;

Нешатаева Т.Н. – судья;

Сейтимова В.Х. – судья;

Скрипкина Г.А. – судья;

Туманян А.Э. – судья;

Федорцов А.А. – судья;

Чайка К.Л. – судья.

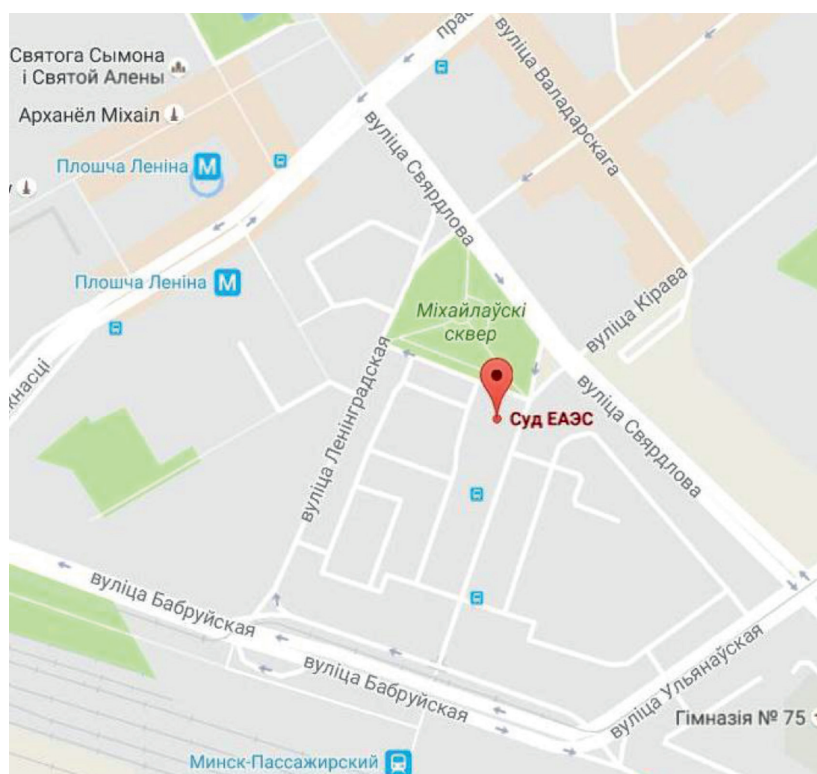
**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ БЮЛЛЕТЕНЯ
СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА
2018 ГОД**

Члены коллегии:

Абдуллина Г.Б. – советник судьи;
Адерейко А.Н. – советник судьи;
Будник Я.В. – советник судьи;
Дьяченко Е.Б. – советник судьи;
Михалева Т.Н. – советник судьи;
Мысливский П.П. – советник судьи;
Осипян Э.Ю. – советник судьи;
Резванова О.А. – советник судьи;
Симонян Г.В. – советник судьи;
Царева Л.В. – советник судьи;

Ответственный секретарь:

Садыков Э.Э. – советник Секретариата Суда Евразийского
экономического союза.

Телефон /факс:

+375 17 222 60 98

Интернет-сайт:www.courteurasian.org**Электронная почта:**info@courteurasian.org**Почтовый адрес:**Республика Беларусь, 220006,
г. Минск, ул. Кирова, 5**Режим работы:**Пн.-Чт. 9.00 - 18.00
Птн. 9.00 - 16.45**Обеденный перерыв:**

13.00 - 13.45

Выходные дни:

суббота, воскресенье

Telephone / fax:

+375 17 222 60 98

Internet:www.courteurasian.org**E-mail:**info@courteurasian.org**Postal address:**5, Kirov st., Minsk, 220006,
Republic of Belarus**Working hours:**Mon.-Thu. 9.00 - 18.00
Fri. 9.00 - 16.45**Lunch break:**

13.00 - 13.45

Days off:

Sat., Sun.

Отпечатано в типографии ОАО «ТРАНСТЭК».
Лиц. 02330/36 от 23.01.2014.
Свид. о гос. рег. ИИРПИ № 2/37 от 29.01.2014. З. 1491. Т. 300.